

ПРОТОКОЛ СУДЕБНОГО ЗАСЕДАНИЯ
по уголовному делу № 1-23/10

28 октября 2010 года – 10 часов 30 минут.

Судебное заседание продолжено.

Судом производится замена секретаря судебного заседания Капусткиной М.И. на секретаря судебного заседания Мышелову О.И.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б. – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – явился.

Защитник Левина Е.Л. – не явилась.

Защитник Москаленко К.А. – не явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – не явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – явился.

Защитник Краснов В.Н. – не явился.

Защитник Купрейченко С.В. – явился.

Защитник Липцер Е.Л. – явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б. – явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Фрадкин К.Б. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Лозко В.И. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетели – не явились.

Участники процесса надлежащим образом уведомлены о месте и времени проведения судебного заседания, суд не располагает сведениями о причинах их неявки.

Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Грузд Б.Б.: не возражаю.

Защитник Сайкин Л.Р.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.

Защитник Мирошниченко А.Е.: Ваша честь, уважаемые участники судебного заседания.

Свое выступление я посвящу теме преюдиции в настоящем деле, которая со всей очевидностью касается многих составляющих предъявленных нашим подзащитным заведомо ложных обвинений. В этом деле оценка уже состоявшихся судебных решений и приговоров может стать даже решающим фактором для его разрешения, потому что за долгие годы расправы над «ЮКОСом» выносились десятки различных судебных актов. И еще до начала этой расправы такие решения выносились при разрешении в судах спорных вопросов, касающихся хозяйственной деятельности вертикально-интегрированной «Нефтяной компании «ЮКОС». Сложилась действительно уникальная ситуация. Я в своем выступлении покажу, что вступившими в законную силу решениями судов установлены следующие факты. Первое. Нефть, добытая дочерними предприятиями ОАО «НК «ЮКОС», была ими продана на основании возмездных договоров, причем по цене, превышающей себестоимость. Данные договоры были законны, действительны и фактически исполнены. Второе. Эта нефть не выбывала из законного владения дочерних добывающих предприятий помимо их воли и была поставлена конечным потребителям. Третье. Сложившаяся практика корпоративных взаимоотношений между основным и дочерними обществами вертикально-интегрированной компании «ЮКОС», включая установление внутрикorporативных цен на нефть, покупаемую у добывающих предприятий, соответствовала закону и не нарушала чьих-либо прав. Четвертое. Единственная цель деятельности подконтрольных «Нефтяной компании «ЮКОС» торговых компаний, зарегистрированных на территориях льготного налогообложения – это получение налоговой выгоды. Пятое. Данные торговые компании (трейдеры) функционировали и получали прибыль исключительно в интересах холдинга «ЮКОС», который признан собственником всей нефти и выгодоприобретателем при ее реализации. Все эти факты, установленные судами, исключают возможность для выводов о каком-либо хищении нефти и последующей легализации похищенного, а также опровергают наличие неотъемлемых признаков инкриминируемого нашим подзащитным такого хищения. Защита, обращаясь к теме преюдиции, одновременно разоблачает противоправную деятельность обвинения и обосновывает свою позицию обстоятельствами, установленными вступившими в законную силу судебными решениями. Причем мы используем и опираемся как на судебные акты, которые сторона

обвинения также использует в своих целях, также и на те судебные решения, которые прокуроры предпочитают не замечать. Вам, Ваша честь, тоже придется при вынесении итогового решения по настоящему делу принять во внимание существенные факты и обстоятельства, в том числе, основные выводы, юридические факты и квалификацию, установленные уже состоявшимися судебными решениями. И не только в силу требований ст.90 УПК РФ, но еще и потому, что эти решения повлекли общественно-значимые и резонансные последствия, причем необратимые. Так, без решений арбитражных судов, которыми «ЮКОС» был признан собственником нефти и выручки от ее реализации, недоплатившим налоги с доходов от этой реализации, не было бы банкротства компании, законность которого в ближайшее время оценит Европейский Суд по правам человека. Эти же факты повлекли и вынесение приговоров, на основании которых осуждены, причем в основном к реальным срокам лишения свободы, бывшие сотрудники «ЮКОСа» Гильманов, Анисимов, Марычева, Бахмина, Карасева и другие, а также местные чиновники Лубенец, Иванников, Карфидов. Если Вы, Ваша честь, вопреки прямым требованиям закона, проигнорируете или же исказите сущность этого множества решений Ваших коллег по судейскому сообществу, то это будет означать дискредитацию всей судебной системы Российской Федерации, никак иначе. Но именно к этому толкает Вас откровенно противоправная позиция стороны обвинения. Сразу оговорюсь, что, несмотря на несогласие стороны защиты с правовой оценкой, содержащейся в тех или иных судебных актах, мы исходим из факта вступления их в законную силу. Именно в этом качестве, то есть как вступившие в законную силу, эти решения судов и используются в целях обвинения. Несогласие и оспаривание стороной защиты ряда судебных актов, как-то приговор Мещанского суда, которым осуждены наши подзащитные, решения Арбитражного суда города Москвы по налоговым спорам и другие, не является предметом настоящего судебного разбирательства. Это обжалование осуществляется в установленном законом порядке, в том числе, и через Европейский Суд, и никоим образом не будет составлять нашу аргументацию в настоящем процессе. Мы также исходим из того, что новая редакция ст.90 УПК РФ уже не дает суду возможности уклониться от оценки и учета обстоятельств, установленных вступившими в законную силу решениями других судов под предлогами того, что они якобы вызывают сомнение. Существо действующей редакции ст.90 УПК РФ заключается: 1) это в императивном требовании признания судами обстоятельств, установленных вступившими в законную силу судебными решениями по другим делам в качестве доказательств без их проверки, то есть так называемая безусловная преюдиция; и 2) это окончательное закрепление межотраслевого характера преюдиции в уголовном процессе. То есть, отныне закон прямо устанавливает, что обстоятельства, установленные как приговорами, так и судебными решениями, принятыми в порядке гражданского, арбитражного и административного судопроизводства, имеют для суда преюдициальное значение. Причем отмечу, что речь идет именно об окончательном закреплении такого положения вещей, а не о некоем нововведении, ибо и до того существовали нормы ст.6 Конституционного закона «О судебной системе», устанавливающие общеобязательность вступивших в законную силу судебных решений, и соответствующие общеобязательные разъяснения Конституционного Суда, например, определение 193 от 15 января 2008 года. Принципиально важно подчеркнуть, что ст.90 УПК РФ говорит о преюдициальном значении не судебных решений в целом, и даже не их резолютивных частей, а исключительно конкретных фактических обстоятельств, установленных этими решениями. Иной подход является противозаконным, поскольку открывает всевозможные лазейки в помощь решающим неблагоприятные задачи по доказыванию недоказуемого путем фальсификаций и манипуляций, что мы и наблюдаем воочию со стороны обвинения по данному делу. Необходимо отметить и проблему признания преюдициального значения изложенных в судебных актах обстоятельств, которые либо взаимно исключают друг друга, или же противоречат общепризнанным и общеизвестным сведениям. Эта

проблема подлежит разрешению не иначе, как на базе основополагающего конституционного принципа презумпции невиновности, суть которого состоит в том, что все и любые неустраняемые сомнения толкуются исключительно в пользу обвиняемого. Об этом и сказано в уже упомянутом определении Конституционного Суда №193, касающегося именно оценки преюдициально значимых фактов. Цитирую: «В силу ст.17 УПК РФ оценка доказательств осуществляется судьей по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в уголовном деле доказательств, исходя из того, что никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. При этом все сомнения в виновности обвиняемого, которые не могут быть устранены в порядке, установленном УПК Российской Федерации, толкуются в его пользу, поскольку до полного опровержения его невиновности обвиняемый продолжает считаться невиновным». Безусловно, это единственно возможный выход и для Вас, Ваша честь, тем более что как-то устранить противоречия, а вместе с ними и сомнения, содержащиеся в текстах вступивших в силу судебных актов, Вы не можете. В настоящем деле имеются следующие заверенные копии судебных актов, в которых отражены обстоятельства, имеющие, по мнению защиты, преюдициальное значение и подтверждающие не только полную невиновность по рассматриваемому делу Лебедева и Ходорковского, но и заведомо ложный характер предъявленного им обвинения. Я все реквизиты не буду оглашать, но передам в письменном виде, там будет указано и место нахождения в деле, и прочие атрибуты судебных актов. Итак, приговоры: 1) Мещанского районного суда Москвы от 16 мая 2005 года в отношении Лебедева и Ходорковского; 2) Миасского городского суда Челябинской области от 16 июля 2007 года в отношении главы города Трехгорный Лубенца; 3) Кушвинского городского суда Свердловской области от 07 февраля 2007 года в отношении главы города Лесной Иванникова; 4) Симоновского районного суда Москвы от 19 апреля 2006 года в отношении Бахминой; 5) Басманного районного суда Москвы от 13 марта 2006 года в отношении Величко; 6) Басманного суда в отношении Малаховского и Переверзина и 7) Басманного районного суда в отношении Карасевой. И решения и постановления арбитражных судов. Первое. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского округа от 27 мая 1999 года по иску «ЮКОСа» к ОАО «Юганскнефтегаз» и ряду кредиторов последнего об освобождении имущества от ареста. Второе. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского округа от 10 декабря, и последующие акты судов апелляционной и кассационной инстанций по иску прокурора Ханты-Мансийского округа к ОАО «НК «ЮКОС» и ОАО «Юганскнефтегаз» о признании недействительной сделки, а именно генерального соглашения между ответчиками. Суд первой инстанции иск удовлетворил лишь частично, а вот суд апелляционной инстанции это решение изменил и полностью отказал прокурору в удовлетворении исковых требований, в чем в дальнейшем был поддержан судом кассационной инстанции. Третье. Решение Арбитражного суда Томской области от 07 июля 1999 года по иску Управления Министерства по налогам и сборам по Томской области к ОАО «НК «ЮКОС» и ОАО «Томскнефть-ВНК», о признании недействительным генерального соглашения между ответчиками. В удовлетворении иска, как и в предыдущем случае, суд полностью отказал. Не могу при этом не отметить, что прокуроры в настоящем процессе, не обращая внимания на хорошо известную судебную оценку усилий своих ханты-мансийских коллег и томских налоговиков, продолжали настаивать на незаконности генеральных соглашений между ОАО «НК «ЮКОС» и его дочерними нефтедобывающими акционерными обществами. Такие действия невозможно расценить иначе, чем откровенная фальсификация обвинения и доказательств. Четвертое. Решение Арбитражного суда Ханты-Мансийского округа от 26 августа 1999 года, и последующие акты судов апелляционной, кассационной инстанций по иску ОАО «НК «ЮКОС» к территориальному Управлению Министерства антимонопольной политики по Ханты-Мансийскому округу о признании недействительными решений и предписаний ответчика. Суд первой инстанции иск удовлетворил лишь частично, а вот суд апелляционной

инстанции это решение изменил и полностью удовлетворил исковые требования «ЮКОСа». Обжалованные акты признаны незаконными, причем не по каким-то формальным, а по существенным основаниям. И пятое, это четыре решения Арбитражного суда Москвы: от 15 октября 2004 года, от 23 декабря 2004 года, от 28 апреля 2005 года и от 26 мая 2004 года. Все дела, по которым Арбитражным судом Москвы приняты вышеперечисленные решения, связаны с налоговыми претензиями к ОАО «НК «ЮКОС». То есть либо «ЮКОСом» оспаривались решения налоговых органов, либо последними взыскивались с «ЮКОСа» начисленные налоги. Защите и суду достоверно известно, что далеко не все тексты судебных решений, содержащих обстоятельства, имеющие преюдициальное значение по настоящему делу, к нему приобщены. Однако, независимо от этого, требования закона об общеобязательном характере вступивших в законную силу судебных актов (ст.6 Конституционного закона «О судебной системе») и о преюдициальном значении установленных ими обстоятельств (ст.90 УПК РФ) в равной мере распространяется и на те судебные акты, копии которых к делу не приобщены. Итоговый акт Хамовнического районного суда по настоящему делу не может их игнорировать или им противоречить, иное не соответствовало бы здравому смыслу и единству судебной практики, дискредитировало бы судебную систему России. Из требований ст.ст.86 и 90 УПК РФ вытекает обязанность суда по собиранию и оценке всех судебных решений, имеющих преюдициальное значение для рассматриваемого дела. И тем более является обязанностью суда оценить те судебные решения, сведения о которых предоставляются сторонами. Поэтому при обосновании своей позиции защита вправе ссылаться на известные ей и суду судебные акты, копии которых отсутствуют в материалах рассматриваемого дела, не как на исследованные доказательства, а как на общеизвестные факты. Они действительно общеизвестные, поскольку все судебные решения находятся в свободном доступе, и тем более для суда. Такой подход, помимо прочего, подтверждается и требованиями Федерального закона «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации», ст.ст.13, 14 и 15 которого предписывают публиковать тексты судебных актов, в том числе и в Интернете. Отдельно проанализировать в аспекте преюдиции я намерен лишь приговор в отношении Малаховского и Переверзина. Остальным же судебным актам будет дан анализ при освещении так называемых сквозных тем, то есть будет обозначаться общий тезис, который далее будет обосновываться обстоятельствами и фактами, содержащимися в судебных решениях, то есть установленными судами по разным делам. Итак, тема первая. Право собственности на добытую добывающими предприятиями «ЮКОСа» нефть принадлежало «ЮКОСу». Судами установлено, что нефть, которую обвинение заведомо незаконно объявляет похищенной у добывающих предприятий «ЮКОСа», на самом деле была ими продана на основании возмездных договоров, по которым они полностью получили оплату, и самостоятельно сдана ими в систему государственной акционерной компании «Транснефть». Эти обстоятельства полностью исключают саму возможность признания факта какого бы то ни было хищения нефти у этих юридических лиц и делает невозможным признание за ними статуса потерпевшего. Более весомого основания для реализации правомочий собственника, чем законное приобретение права собственности, в том числе, путем совершения сделок, человечество еще не придумало. Разговоры о некоем фиктивном характере этих сделок, якобы установленном следствием через некое сокровенное знание (что это такое, я скажу ниже), вытекающее из совокупности доказательств, не более чем манипулирование словами. Это пустопорожняя схоластика в попытке прикрыть фальсификацию. Именно поэтому разные судьи разных судов, профессиональные юристы, исследовавшие в ходе судебных разбирательств одни и те же обстоятельства, связанные с реализацией добытой нефти, пришли к одним и тем же, по сути, выводам и не усомнились в том, что эта нефть была продана добывающими предприятиями либо собственно «Нефтяной компании «ЮКОС», либо его трейдерам, которые обвинение называет подставными, и имел место реальный и законный переход

права собственности, причем именно к «ЮКОСу», но никак ни к Ходорковскому или к Лебедеву, придуманной организованной группе или еще кому-то. Это подтверждается следующими судебными решениями. Четырьмя вышеперечисленными решениями Арбитражного суда Москвы, рассмотревшего дела, связанные с налогообложением «ЮКОСа», установлено, что именно основное общество вертикально-интегрированной компании ОАО «НК «ЮКОС» является собственником добытой нефти и выгодоприобретателем, и, следовательно, именно у ОАО «НК «ЮКОС» возникла обязанность по уплате налогов. Данные обстоятельства в различных формулировках многократно зафиксированы в указанных решениях суда. Прочитую лишь два наиболее наглядных примера. Первый. Решение от 23 декабря 2004 года. «Материалами дела подтверждается, что собственником нефти и нефтепродуктов, реализованных через специально созданные организации, является ОАО «НК «ЮКОС» и, следовательно, именно у него возникла обязанность по уплате налогов». Второе. Решение от 28 апреля 2005 года. «ОАО «НК «ЮКОС» фактически обладало правами владения, пользования и распоряжения в отношении нефти и нефтепродуктов, по своему усмотрению совершало в отношении них любые действия через ряд зависимых от ОАО «НК «ЮКОС» организаций. ОАО «НК «ЮКОС» являлось получателем экономической выгоды через специально созданные организации, зависимые от ОАО «НК «ЮКОС»». Такие же, по сути, выводы содержатся и в решениях от 15 октября 2004 года и 26 мая 2004 года. С этими выводами согласился и Федеральный арбитражный суд Московского округа, в постановлении от 17 сентября 2004 года указав: «В ходе проверки установлено и материалами настоящего дела подтверждается, что фактическим собственником нефти и нефтепродуктов являлось ОАО «НК «ЮКОС». Приобретение, передача на переработку нефти и реализация нефти и нефтепродуктов в действительности осуществлялась ОАО «НК «ЮКОС», о чем свидетельствует фактическое движение нефти и нефтепродуктов от добывающих к нефтеперерабатывающим заводам, либо на нефтебазы, подконтрольные ОАО «НК «ЮКОС», что подтверждается товарно-транспортными документами, а также непосредственным участием ОАО «НК «ЮКОС» во всех операциях». Факты законного перехода права собственности на нефть от добывающих предприятий к «ЮКОСу» в тех или иных формулировках установлены также и вышеуказанными решениями арбитражных судов Ханты-Мансийского округа и Томской области, которым пришлось оценивать законность генеральных соглашений между «ЮКОСом» и его дочерними обществами, в том числе, и в аспекте законности перехода права собственности на добытую нефть, и в отношении момента этого перехода. Данными решениями это право подтверждено за «ЮКОСом» безоговорочно. Прочитую в качестве примера извлечение из решения Арбитражного суда Ханты-Мансийского округа от 27 мая 1999 года. «Согласно п.5.1 генерального соглашения определен момент перехода права собственности на продаваемую нефть – немедленно после извлечения ее из недр. Доводы ответчиков о незаконности генерального соглашения в части определения момента перехода права собственности суд считает несостоятельными». Арбитражный суд Москвы при рассмотрении исков ОАО «Самаранефтегаз» к Федеральной налоговой службе также установил, что фактическим покупателем добытой истцом нефти является «ЮКОС» (решение от 20 мая 2005 года), а переход права собственности на эту нефть происходит на устье каждой скважины (это уже в решении от 01 июня 2005 года). Именно о реализации нефти ОАО «НК «ЮКОС», то есть о законном переходе права собственности на нее, говорится в постановлении Федерального арбитражного суда Поволжского округа от 08 февраля 2000 года, поставившем точку в споре, возникшем из иска прокурора Самарской области о признании недействительными ряда положений генерального соглашения между ОАО «Самаранефтегаз» и ОАО «НК «ЮКОС». При этом выводы суда фактически опровергают позицию стороны обвинения в настоящем деле. Для убедительности приведу следующую цитату из текста данного судебного акта: «При рассмотрении постановленных истцом вопросов судом дана полная правовая оценка взаимоотношений

сторон по генеральному соглашению. Право собственности на продукцию в составе скважинной жидкости от продавца к покупателю переходит немедленно после ее извлечения из недр. Установленный порядок перехода права собственности не противоречит ст.223 ГК РФ». Суды общей юрисдикции, вынося вышеуказанные приговоры в рамках кампании против «ЮКОСа» и его руководителей, не будучи осведомленными о предстоящем изменении вектора репрессий с налоговой темы на хищение, объективно устанавливали многочисленные факты продажи нефти добывающими предприятиями, то есть законного отчуждения и перехода права собственности. Так, в приговоре в отношении Лубенца о реализации добывающими предприятиями «ЮКОСа» нефти и получении в связи с этим денежных средств, указано на л.д.1, а в приговоре в отношении Иванникова – на л.д.56-57. Да и сам факт, что Миасский и Кушвинский суды усмотрели у этих самых подставных трейдеров (а они были составными частями «ЮКОСа», это тоже признано многими судебными решениями) налогооблагаемую базу, образовавшуюся в результате торговли нефтью, свидетельствует о том, что никаких признаков хищения в их деятельности никак не обнаруживается. Приговор в отношении Бахминой, несмотря на то, что ей инкриминированы деяния, отличные от вмененных нашим подзащитным, содержит ряд обстоятельств, относимых как раз к существу рассматриваемого в Хамовническом суде дела. Так, суд признал доказанным, что действия членов так называемой пресловутой организованной группы в отношении имущества ОАО «Томскнефть» совершены с целью, цитирую, «получения сверхприбыли посредством осуществления сделок по купле-продаже добытой «Томскнефть» нефти по цене, близкой к себестоимости». Далее, тема вторая. Законность сложившейся практики корпоративных взаимоотношений между основным и дочерним обществами вертикально-интегрированной компании «ЮКОС», включая установление внутрикорпоративных цен на нефть, покупаемую у добывающих предприятий, законность, действительность и фактическое исполнение сделок с нефтью. Фальсификация обвинения, помимо прочего, базируется на заведомо ложных утверждениях о якобы имевших место всевозможных нарушениях гражданско-правовых норм, регулирующих взаимоотношения внутри холдинга «ЮКОС», вследствие чего якобы и были совершены инкриминированные деяния, предусмотренные уже уголовным законом, в том числе и экзотическое хищение нефти через ценовую разницу, при котором якобы нет изъятия и обособления имущества. Именно это в судебном заседании 12 мая 2010 года утверждал прокурор Лахтин. Всего широкого спектра вопросов, касающихся несостоятельности подобных утверждений, в настоящем выступлении я не касаюсь. Остановлюсь лишь на том, что связано с преюдицией, так как ряд управленческих решений руководства «Нефтяной компании «ЮКОС», и сложившаяся на их основании практика деятельности компании успешно прошла судебную проверку. Применимо к нашему делу, я прежде всего имею в виду те же решения арбитражных судов Ханты-Мансийского округа и Томской области, которые с различных позиций и в разных аспектах (в каждом деле отличались круг истцов и ответчиков, содержание исковых требований, их обоснование) проверили законность генеральных соглашений между «ЮКОСом» и его добывающими предприятиями, а также вытекающих из них договоров, на положениях которой в значительной степени базировалась деятельность вертикально-интегрированной компании «ЮКОС» при реализации добытой нефти. Вместе с тем, те же решения арбитражных судов, а также упомянутые постановления апелляционной, кассационной инстанций установили, что при заключении и исполнении генеральных соглашений не нарушено каких-либо норм действующего законодательства и чьих-либо прав. Данные судебные акты подробно исследованы в судебном заседании 24, 25 и 27 мая этого года, и защитой обращено внимание суда на все эти важнейшие для разрешения нашего дела обстоятельства. Затронут в них и вопрос законности ценообразования на добытую нефть внутри вертикально-интегрированной компании «ЮКОС», а этот вопрос, напомню, обвинение ставит во главу угла своих заведомо ложных утверждений. Так в

постановлении апелляционной инстанции, Арбитражного суда Ханты-Мансийского округа, от 27 января 1999 года указано: «Прокурор Ханты-Мансийского автономного округа обратился в суд с иском о признании недействительным генерального соглашения, заключенного между ОАО «НК «ЮКОС» и ОАО «Юганскнефтегаз» на основании ст.ст.168, 170 ГК РФ. Исковые требования мотивированы тем, что «ЮКОС», осуществляя функции исполнительного органа «Юганскнефтегаз», злоупотребил правом определять решения, принимаемые дочерним обществом, исключительно с намерением причинить вред другим лицам». В этом же постановлении содержится следующий вывод: «Фактически вся добытая обществом «Юганскнефтегаз» нефть поступает в распоряжение компании «ЮКОС», то есть сделка влечет определенные последствия, что исключает признание ее в соответствии со ст.170 ГК РФ мнимой». Из текста этого судебного акта, таким образом, видно, что прокуратура с тех же позиций, что и в настоящем процессе, уже пыталась подвергнуть сомнению законность тех самых генеральных соглашений. Арбитражные суды трех инстанций, отказывая прокурору в иске, подробно обосновали несостоятельность его позиции. И что же, господа оппоненты, будем продолжать упорствовать, утверждая, что в арбитражных судах речь шла якобы о чем-то другом? Как представляется, это больше похоже на другую ситуацию «нас в дверь выставили, а мы в окно влезем». Федеральный арбитражный суд Западносибирского округа в постановлении от 31 марта 1999 года по этому же делу указал: «Стороны, заключив соглашение, осуществляли сделки по купле-продаже нефти, соответственно исполняя обязательства – отгрузка, передача, оплата и тому подобное». В постановлении того же Федерального арбитражного суда от 27 декабря 1999 года, вынесенным уже по другому делу, по иску «ЮКОСа» к Ханты-Мансийскому территориальному Управлению Министерства антимонопольной политики, указано: «Как следует из материалов дела, ОАО «НК «ЮКОС» и ОАО «Юганскнефтегаз» не являются конкурирующими хозяйствующими субъектами, так как созданы в порядке приватизации как материнское и дочернее предприятия, и заключенное генеральное соглашение не признано недействительным в судебном порядке». Это также и к вопросу о выдуманном обвинении притеснении добывающих предприятий. К аналогичным выводам относительно законности генерального соглашения между «ЮКОСом» и «Томскнефтью», пришел и Арбитражный суд Томской области. Цитирую: «Заключенное сторонами соглашение не влечет злоупотребление правом (ст.10 ГК РФ), что само по себе не является основанием для признания сделки недействительной. Ссылка истца на п.1 ст.170 ГК РФ (мнимая сделка) ничем не подтверждена. Стороны, заключив соглашение, осуществляли сделки по купле-продаже нефти, исполняя свои обязательства. Не основан довод истца и о притворности соглашения, то есть сделке, совершенной с целью прикрыть другую сделку (п.2 ст.170 ГК РФ)». О связанности добывающих компаний и компаний-трейдеров, тех же самых, обзванных обвинением в нашем деле подставными, в рамках вертикально-интегрированной нефтяной компании и их действиях исключительно в интересах «ЮКОСа» говорится в решениях Арбитражного суда Москвы по искам добывающих компаний «ЮКОСа» к Федеральной налоговой службе от 10 июня 2005 года, от 04 мая 2005 года. Причем в последнем решении прямо указано, что «ЮКОС» вправе давать «Томскнефти» обязательные для исполнения указания. В связи с приведенными выводами, содержащимися в судебных решениях, ничем иным, как попыткой ввести суд в заблуждение, следует расценивать заявление прокурора Ибрагимовой, сделанное в прениях 22 октября, о том, что арбитражные суды якобы ничего не ведали о взаимозависимости и связанности участников сделок купли-продажи нефти внутри «ЮКОСа», и данные факты якобы установлены только в настоящем судебном заседании. В приговоре Нефтеюганского районного суда Ханты-Мансийского округа от 04 февраля 2006 года в отношении руководителя «Юганскнефтегаз» Гильманова констатируется, что ОАО «НК «ЮКОС» является также и управляющей организацией в рамках вертикально-интегрированной компании. По вопросу законности практики ценообразования при

реализации нефти внутри «ЮКОСа» арбитражный суд, а именно апелляционная инстанция Арбитражного суда Ханты-Мансийского округа в деле по иску «ЮКОСа» к территориальному Управлению Министерства антимонопольной политики высказался более чем однозначно: «ОАО «НК «ЮКОС» не может что-либо навязывать ОАО «Юганскнефтегаз», так как они входят в вертикально-интегрированную структуру, созданную в соответствии с Указом Президента Российской Федерации и Постановлением Правительства путем преобразования государственных предприятий в акционерные общества и приватизации этих акционерных обществ, с одновременной передачей 38% акций каждого из акционерных обществ в уставной капитал ОАО «НК «ЮКОС», что составляет 51% голосующих акций. Применение положений п.1 ст.5 закона «О конкуренции» в данном случае в части навязывания монополично низких цен лицам, не являющимся имущественно, организационно и юридически самостоятельными, представляется неправомерным». В принципе, очевидно, что обнаружить в обычной хозяйственной деятельности такую доселе невиданную форму хищения вверенного имущества, как изъятие по заниженной цене, руководствуясь законом и судебной практикой, невозможно. Подобное, может быть, и было изобретено, только по приказу или по заказу, который рьяно исполняют обвинители-фальсификаторы. А неосведомленные о таком приказе суды, которым в ходе рассмотрения других дел были представлены те же фактические данные о той же самой ценовой разнице пресловутой, причем с различных позиций, усмотрели в этом что угодно, только не признаки хищения. В обоснование этого своего утверждения приведу следующие подтверждения из текстов судебных актов. Арбитражный суд Москвы в решении от 26 мая 2004 года установил, что «ОАО «НК «ЮКОС» продавало нефть ЗАО «ЮКОС-М» по цене 750 рублей за тонну. Далее «ЮКОС», уже как комиссионер, продавало данную нефть на экспорт по цене за тонну уже более 4 тысяч рублей. Из этого следует, что заключение данных договоров имело цель создания видимости получения прибыли организацией, зарегистрированной на территории, где действовал льготный режим налогообложения, с тем, чтобы не уплачивать с данной прибыли налоги». Следующая цитата. «Товар реализовывался на экспорт по цене, в четыре раза превышающей цену производителя». Это уже из решения арбитражного суда от 28 апреля 2005 года, итоговый вывод которого был лишь в обоснованности налоговых претензий к «ЮКОСу». Аналогичный пример содержится в решении Арбитражного суда Москвы от 15 октября 2004 года. Вывод арбитражного суда и кассационной инстанции, Федерального арбитражного суда Западносибирского округа, по делу по иску прокурора Ханты-Мансийского округа: «ОАО «Юганскнефтегаз» – субъект хозяйственных отношений и вправе заключать свободно договоры и определять цену продаваемой нефти с учетом требований норм права» (том 192 л.д.101). С предыдущим выводом корреспондируются и выводы Арбитражного суда Москвы, рассмотревшего исковое заявление «Самаранефтегаза» к Федеральной налоговой службе на решение от 01 июня 2005 года и установившего, что, хотя добытая нефть продавалась истцом не по рыночным ценам, но стороны вправе устанавливать любые условия договора, не противоречащие закону. Дальше цитирую: «Ответчиком не представлено доказательств, подтверждающих ухудшение положения либо нарушение прав третьих лиц установлением низкой цены за тонну нефти». Это уже из постановления Федерального арбитражного суда Западносибирского округа по делу по иску «ЮКОСа» к территориальному Управлению Министерства антимонопольной политики (том 192 л.д.57). Следующая цитата: «Фактическая цена реализации нефти существенно превышала ее себестоимость». Такой вывод сделал Арбитражный суд Москвы в решении от 07 апреля 2005 года по иску «Томскнефти» к Федеральной налоговой службе. Данным решением суда также полностью опровергается наличие таких неотъемлемых признаков хищения, как безвозмездность и прямой ущерб. «Суд считает, что отсутствует какая-либо экономическая целесообразность покупки ОАО «НК «ЮКОС» нефти у организаций, зарегистрированных на территориях с льготным режимом налогообложения, при наличии

возможности покупать нефть существенно дешевле у дочерней нефтедобывающей компании», отмечается в решении Арбитражного суда Москвы от 23 декабря 2004 года. Дословно такой же вывод воспроизводится и в решении Арбитражного суда Москвы от 28 апреля 2005 года. Эти установленные судом обстоятельства полностью обесмысливают прокурорские изыскания о хищении нефти у добывающих предприятий «ЮКОСа» по заниженной цене. Не усмотрел признаков хищения в пресловутой ценовой разнице и Мещанский районный суд, хотя именно эта самая разница была и инкриминирована нашим подзащитным в качестве составляющей совершенно другого преступления. Более подробно об этом приговоре выскажусь ниже. Тема третья. Из действительных целей деятельности компаний-нефтетрейдеров (получения экономической и налоговой выгоды от торговли нефтью) многие суды усмотрели единственное: получение «ЮКОСом» налоговой выгоды за счет налоговых льгот. В дальнейшем именно получение налоговой выгоды и было объявлено незаконным, и стало объектом первоначальной атаки государства на «ЮКОС», когда получение этой выгоды обозвали уклонением от уплаты налогов. С юридическими выводами судов о незаконном характере налоговой минимизации и последствиями этих выводов в виде налоговых санкций или осуждения людей мы, разумеется, не согласны, но это не предмет данного дела. А главное сейчас в том, что выводы судов, верные они или нет, не отменяют фактов. Суды признали все это операциями «ЮКОСа» внутри «ЮКОСа» в интересах «ЮКОСа», а это значит, исключая хищение нефти. То есть вектор репрессий поменялся, о невозможности по причине полной абсурдности и откровенной противоправности квалифицировать одни и те же действия и как налоговое правонарушение, и как хищение наши оппоненты явно не задумывались в тот момент, а судебные решения, как бы мы к ним ни относились, вступили в законную силу. Так, решением Арбитражного суда Москвы от 28 апреля 2005 года установлено, что (цитирую): «Экономическая целесообразность поставок сырой нефти через зависимые организации «ЮКОСа» отсутствовала. Преследовалась единственная цель – уклонение от уплаты налогов». Аналогичные выводы в той или иной форме многократно повторяются как в тексте данного решения, так и в текстах других вышеуказанных решений Арбитражного суда Москвы. Приговоры судов в отношении Иванникова и Лубенца более чем убедительны в этой части и тоже не могут трактоваться двояко. В приговоре в отношении Иванникова указано следующее: «В декабре 1997 года были учреждены подконтрольные «ЮКОСу» подставные ООО «Бизнес-Ойл», «Вальд-Ойл», «Форест-Ойл» и «Митра», и специально зарегистрированы на территории ЗАТО город Лесной Свердловской области с целью уклонения от уплаты налогов в бюджеты различных уровней». Аналогичное утверждение содержится в приговоре в отношении Лубенца, только трейдеры другие. А вот прокурор в обоих процессах, кстати, один и тот же: госпожа Ибрагимова. Налоговый мотив совершения инкриминируемых деяний, связанных с функционированием тех же трейдеров «ЮКОСа», зарегистрированных в ЗАТО, присутствует в приговорах в отношении Величко и Карасевой, однако тот же общеизвестный следственный орган, ничто же сумнящееся, через некоторое время ту же деятельность тех же нефтетрейдеров объявляет уже составной частью, способом и орудием хищения всей добытой дочерними обществами «ЮКОСа» нефти. По ст.199 УК РФ были осуждены руководители «Самаранефтегаз» Анисимов и Марченко, и «Юганскнефтегаза» Гильманов. Так, в приговоре Самарского областного суда от 19 мая 2006 года утверждается, что «Самаранефтегаз» занижало налогооблагаемую базу в результате реализации добытой нефти подконтрольными «ЮКОСу» организациями по заведомо заниженным ценам. К таким же, по сути, выводам в отношении деятельности ОАО «Юганскнефтегаз» пришел и Нефтеюганский районный суд Ханты-Мансийского округа в приговоре от 04 февраля 2006 года в отношении Гильманова. Таким образом, налицо различная уголовно-правовая квалификация одних и тех же действий в нашем деле и в делах по обвинению руководителей добывающих предприятий «ЮКОСа». В приговоре Лесного городского суда от 16 июля 2008 года в отношении руководителя

налогового органа города Лесной Карфидова также утверждает, что подконтрольные «ЮКОСу» организации были учреждены нашими подзащитными и зарегистрированы в ЗАТО Лесной в целях уклонения от уплаты налогов. И в завершение рассмотрения этой темы невозможно не упомянуть приговор Мещанского районного суда Москвы, которым наши подзащитные уже осуждены по ст.199 УК РФ за те же действия, за которые их повторно судят сейчас, но только с иной уголовно-правовой квалификацией. О том, почему нельзя дважды судить за одно и то же, и что это прямо запрещено национальным законодательством (это ст.50 Конституции РФ, ст.6 УПК РФ), а также международным правом (я, прежде всего, имею в виду п.5 ст.4 Протокола №7 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и п.7 ст.14 Международного пакта о гражданских и политических правах), уже было неоднократно сказано в настоящем процессе, и еще будет отмечено в выступлениях коллег. Я же сосредоточу внимание суда на тех установленных Мещанским судом обстоятельствах, которые подтверждают факт незаконного повторного привлечения к уголовной ответственности Лебедева и Ходорковского за одни и те же инкриминируемые деяния. И в данном приговоре, и в рассматриваемом в настоящем судебном процессе обвинении просматривается полная идентичность фактических обстоятельств этих инкриминируемых деяний. Очевидно, что речь идет о процессе перепродажи одной и той же нефти, добытой теми же дочерними обществами «ЮКОСа», через одни и те же торговые фирмы-трейдеры «ЮКОСа», зарегистрированные в ЗАТО Лесной и Трехгорный, в один и тот же период времени. Все это на л.д.11-13 в томе 45. Приведу говорящую саму за себя выдержку из этого приговора: «Ходорковским, Лебедевым и членами организованной группы были использованы подконтрольные подставные ООО «Бизнес-Ойл», «Митра», «Вальд-Ойл», «Форест-Ойл», чтобы от имени этих юридических лиц создавать видимость осуществления посреднической деятельности и совершать указанные действия и преступления. Их деятельность была убыточной, предназначенной в целях уклонения от уплаты налогов занимающихся сбытом нефти и нефтепродуктов нефтедобывающих и нефтеперерабатывающих дочерних предприятий ОАО «НК «ЮКОС» и аффилированными ему коммерческими организациями». Явно осознавая шаткость ситуации с двойной квалификацией действий, связанность перепродажи нефти через компании, зарегистрированные на территориях с льготным режимом налогообложения, прокурор Лахтин еще 16 августа 2010 года пытался что-то объяснить суду про совокупность преступлений. При этом он дорассуждался до того, что наши подзащитные якобы с целью сокрытия совершаемых преступлений, придания правомерного вида владению, пользованию и распоряжению похищенным обязаны были платить установленные налоги, но уклонялись от их уплаты. 22 октября, выступая уже в прениях, Лахтин сообщил, что занижение стоимости нефти якобы одновременно посягало на два объекта правоотношений и повлекло как налоговую ответственность, так и ответственность за посягательство на собственность. Понятие идеальной совокупности преступлений в уголовном праве, а, следовательно, и в правоприменительной практике действительно существует, однако прокурором Лахтиным оно упомянуто совершенно неуместно, ведь очевидно, что не все составы преступлений, предусмотренные в Уголовном кодексе, совместимы в идеальную совокупность. Кроме того, даже наличие такой идеальной совокупности все равно не позволяет повторно осуждать человека за те же, по сути, действия, если ему при вынесении первого приговора по какой-то причине как бы недовменили один из составов преступления, охватываемых этой совокупностью. Поэтому прокурор Ибрагимова в тот же день, выступая в прениях после Лахтина, создавая для ложного обоснования заведомо противоправной позиции в этом вопросе некий запасной аэродром, в своей речи дистанцировалась от прямолинейности своего коллеги, сообщив, что нет совпадения между обвинениями, по которым наши подзащитные были осуждены в 2005 году, и теми, в связи с которыми они предстали перед судом сейчас. Далее последовал подробный и пространный экскурс в теорию уголовного и налогового

права. Не вижу смысла в описании и анализе данного экскурса, ибо все это опровергается известной любому квалифицированному юристу непреложной истиной. У похитителя никогда не возникает законной обязанности уплачивать налог ни с самого похищенного имущества, ни с дохода от него, ни с какой-либо деятельности, связанной с оборотом похищенного. Налогооблагаемая база может происходить только от легального владения активом. Видимость обязанности платить налоги в неких целях иногда создать можно, а саму реальную обязанность – никогда. Опять же, не оставляя шансов Вам, Ваша честь, попытайтесь найти скользкий выход из этой ситуации путем воспроизведения в итоговом решении по делу изложенных выше прокурорских измышлений, особо отмечаю, что незаконное повторное предание суду не подразумевает, согласно смыслу разъяснений как Верховного Суда Российской Федерации, так и судебной практики Европейского Суда, обязательно полного совпадения объемов обвинения или же уголовно-правовой квалификации инкриминируемых деяний. Не стоит смотреть на все это примитивно и буквально. Какие-либо новые или вновь открывшиеся обстоятельства по ныне рассматриваемому делу отсутствуют, а само оно, так же, как рассмотренное в Мещанском суде, является выделенным из так называемого основного дела «ЮКОСа» за номером 41/03 и практически полностью состоит из материалов, скопированных из этого и других дел, выделенных из него, либо соединенных с ним. Прописные истины, услышанные от прокуроров Лахтина и Ибрагимовой, о различии объектов преступных посягательств при совершении хищения и налоговых преступлений совершенно неуместны в данном случае и уводят нас от элементарной сути вопроса о незаконном повторном суде по поводу одних и тех же обстоятельств. Так что, если вся эта околесица о мирном сосуществовании налоговых правонарушений и хищения в оправдание откровенного попрания международных и конституционно-правовых норм останется лишь в протоколе судебного заседания, мы больше не будем уделять ей внимания. Если же она повторится уже от имени суда, тогда будем разбираться по каждому пункту, досконально, уже на следующих стадиях судопроизводства. В заключение дам отдельный анализ приговора Басманного районного суда Москвы в отношении Малаховского и Переверзина, который был постановлен уже в рамках второго этапа преследования наших подзащитных, когда фабрикация налоговых обвинений сменилась на фабрикацию дел о якобы хищении всей добытой нефти и легализации. Поэтому данный приговор является клоном рассматриваемых в Хамовническом суде обвинений Лебедева и Ходорковского. Мы имеем все основания утверждать, что именно упреждающее создание такого клона для использования против наших подзащитных и было единственной настоящей целью фабрикации обвинения в отношении фактически случайных людей. Именно для этого эти люди и получили двенадцать и одиннадцать лет лишения свободы, чтобы теперь обвинение могло кивать на этот приговор как на якобы преюдицию. Однако, несмотря на итоговый вывод о виновности Малаховского и Переверзина, Вам, Ваша честь, и этим обстоятельством воспользоваться нет никакой законной возможности. Надуманность и противоречивость обвинения была настолько очевидна, что этот приговор превратился в акт саморазоблачения фальсификаторов. Дело в том, что данным приговором многократно установлено и буквально рассыпано по всему его тексту обстоятельство, в действительности подтверждающее полное отсутствие фактов хищения и ряда необходимых составляющих элементов хищения как такового. Об этом неоднократно и подробно говорилось в судебном заседании, в том числе при оглашении данного приговора защитой 20 сентября 2010 года. Еще раз зафиксирую внимание суда на наиболее существенных обстоятельствах, установленных судом. Первое. Добытая нефть, как установлено судом, самостоятельно поставлялась псевдопотерпевшими непосредственно конечным потребителям, на нефтеперерабатывающие заводы, на экспорт и так далее, то есть не выбывала из их законного владения помимо их воли. Смотри, например, л.д.127-128. Эта нефть этими псевдопотерпевшими на самом деле продавалась, а, следовательно, не могла быть одновременно у них же похищена. Смотри л.д.174. Эти

псевдопотерпевшие получали за добытую нефть денежное возмещение, включающее не только возмещение фактической стоимости расходов по производству, но и прибыль, что исключает безвозмездность и прямой ущерб как обязательные признаки хищения. Кстати, Арбитражный суд Москвы в упомянутом выше решении от 07 апреля 2005 года установил то же самое. Далее, российские и зарубежные торговые фирмы-трейдеры, обозванные в обвинениях наших подзащитных подставными, функционировали и получали прибыль под контролем и в интересах «Нефтяной компании «ЮКОС», а вовсе не в целях некоего преступного обогащения членов мифической организованной группы. Причем судом отдельно отмечена зависимость именно от «ЮКОСа» компании «Routhenhold», которую прокурор в прениях 18 октября позиционировал как заключительное звено в цепочке номинальных собственников экспортируемой нефти. Кстати, этот же вывод о подконтрольности торговых компаний именно «ЮКОСу», содержится в упомянутых выше решениях Арбитражного суда Москвы от 10 июня 2005 года и 04 мая 2005 года. Даже в показаниях представителей так называемых потерпевших, которые суд, кстати, считает возможным положить в основу приговора, как указано в тексте этого приговора, лишь утверждается о недополучении якобы полагающейся им части прибыли от реализации добытой нефти. А представитель «Юганскнефтегаз» даже не стал высказывать своего отношения к предъявленному в уголовном деле гражданскому иску. Это, Ваша честь, именно и есть фактические обстоятельства, установленные вступившим в законную силу приговором суда, а их Вы в полном соответствии с законом обязаны положить в основу своего решения. А вывод Басманного районного суда о виновности других людей, которых мы вместе с Вами допрашивали в качестве свидетелей здесь, Вас ничем не связывает и ни к чему не обязывает. Невозможно без игнорирования фактов и здравого смысла обойти все приведенные обстоятельства попыткой сослаться на то, что защита свои выводы, дескать, строит на вырывании отдельных фраз из общего контекста. Контекст у этого приговора один – сказать побольше для создания видимости обоснования огромных сроков заключения. Так, начинается приговор с вывода о том, что добытая дочерними обществами «ЮКОСа» нефть якобы изымалась по заниженным ценам (л.д.125 (оборот), абзац два). Правовое содержание в этом утверждении отсутствует, ибо оно содержит внутреннее противоречие, является бессмысленным. Это очевидно для любого добросовестного юриста. Далее в тексте приговора чередуются взаимоисключающие с точки зрения уголовно-правовой квалификации деяний утверждения о том, что вся добытая нефть была похищена, и о том, что члены мифической организованной группы присвоили часть прибыли от ее продажи самими псевдопотерпевшими, разницу в цене, выручку, вариантов много. То есть, как в «басманном деле», так и в нашем, в «хамовническом», при формальном обвинении в хищении нефти фактически говорится о чем-то другом. Но факты остаются неизменными, и именно они не подлежат перепроверке. Хотя, впрочем, они уже давно фактически перепроверены и переподтверждены в нашем деле. Нашим оппонентам только и остается, что прикрывать этот срам демагогическими рассуждениями о сложности дела, о совокупности доказательств, то есть опять о том же самом пресловутом сокровенном знании. В действительности мы имеем дело с результатом невежественного исполнения преступного умысла, то есть с уникальным сочетанием умышленной фальсификации обвинения и дремучего невежества исполнителей этой фальсификации. Таким образом, в приговоре в отношении Малаховского и Переверзина содержатся как внутренние неразрешимые противоречия, так и выводы и утверждения, противоречащие выводам и обстоятельствам, установленным другими приговорами и решениями арбитражных судов. В связи с этим, при оценке данного приговора у суда есть все основания вспомнить о принципе презумпции невиновности и применить положения ст.14 УПК РФ. В итоговой части своего выступления считаю необходимым сделать краткий обзор основных недостойных и не имеющих ничего общего с законом и здравым смыслом методов, примененных стороной обвинения при «протаскивании» через судебную процедуру своих

заведомо ложных, при этом также нелепых обвинений с целью создания лжепреюдиции и в целом для придания сфальсифицированному делу некоей видимости справедливого и беспристрастного расследования и судебного разбирательства, а заведомо ложному обвинению – видимость обоснованности. Итак, перед нашими оппонентами была поставлена непростая задача – назвать черное белым, и не просто назвать, но и создать некую видимость обоснования этого. Для ее решения, прежде всего, нужно представить обстоятельства дела таким образом, что осознать якобы преступный характер деятельности наших подзащитных и возглавляемых ими коммерческих структур, которые на самом деле со всей очевидностью являются совокупностью общепринятых и легальных бизнес-процессов, возможно только через некое сокровенное знание, которое доступно только посвященным, а именно и прежде всего самим следователям и прокурорам. Представители стороны защиты, по мнению гособвинения, также обладают этим сокровенным знанием, но притворяются, делая вид, что обвинение непонятно. Далее, за сокровенным знанием у прокуроров следует пресловутая совокупность доказательств, из которой это знание якобы и вытекает. В составе этой фальсификаторской совокупности и уделено важное место лжепреюдиции. Это действительно для них важно, потому что при явно надуманном и искусственном характере таких недобросовестных построений невозможно избежать множества несостыковок, и они буквально преследуют авторов заведомо ложных обвинений. Поэтому для прикрытия этого позора применяется фальсификация доказательств. А для некоего скрепления расползающихся, громоздких, неестественных и фантазмагорических конструкций заведомо ложных обвинений следователи и прокуроры прибегли к этому самому методу ложной преюдиции, который заключается в следующем. Сначала, на стадии досудебного производства, происходит искусственное разделение так называемого дела «ЮКОСа» на ряд отдельных дел в отношении разных сотрудников компании или иных связанных с ее деятельностью лиц. На следующем этапе эти дела «продавливаются» в судах, и вынесенные приговоры обвинение пытается использовать в настоящем деле в своих противоправных интересах, а именно для того, чтобы заранее предупредить его исход, выгодный для целей расправы. Созданная таким образом заведомо ложная преюдиция держит обвинителей, поскольку дает им возможность демагогически утверждать, что не только они, но и другие посвященные и знающие толк в совокупности доказательств прокуроры и судьи пришли к таким же выводам и успешно, сами по себе и независимо овладели тем самым сокровенным знанием. Подобная практика, в сочетании с отсутствием реальных фактов каких-либо преступлений, позволяет стороне обвинения по своему усмотрению манипулировать обстоятельствами, установленными приговорами судом по уголовным делам в отношении сотрудников «ЮКОСа», в одном случае, когда им это выгодно, настаивать на преюдициальном значении тех или иных обстоятельств, а в другом случае утверждать, что другие обстоятельства, свидетельствующие в пользу стороны защиты, не имеют отношения к делу по обвинению Лебедева и Ходорковского, поскольку они якобы установлены по другим делам. Также стороной обвинения в целях той же ложной преюдиции используются и решения арбитражных судов, с помощью которых реализовывались налоговые претензии к компании «ЮКОС», послужившие инструментами для ее уничтожения. Хотя следуют отметить, что основные цели вынесения данных решений арбитражных судов в пользу налоговых органов были иными, и они используют данные судебные акты в обвинении постфактум и факультативно. Это повторное использование уже отработанного для решения других задач материала в итоге сработало против стороны обвинения, о чем уже было подробно изложено выше. С позиций закона и здравого смысла совершенно очевидно, что в силу предвзятости и односторонности, вытекающих из сущности заведомо ложных обвинений, прокурорский заход в тему преюдиции потерпел неизбежное и ярко выраженное фиаско. Об этой неизбежности им следовало бы задумываться раньше, когда планировались все эти неблагоприятные манипуляции с решениями судов, однако вседозволенность и

Безнаказанность отодвинули предусмотрительность на задний план. Итак, первое. Вовлекая в процессы преследования Ходорковского и Лебедева, а также уничтожения компании «ЮКОС» значительное количество чиновников, сотрудников правоохранительных органов и судей, организаторы этой расправы не сумели в полной мере проконтролировать запущенные процессы, синхронизировать их и привести в соответствие друг к другу промежуточные задачи. Очевидно, невозможно было посвятить широкий круг вовлеченных лиц в нелюбезные подробности и, вообще, детально скоординировать все и вся. Поэтому, несмотря на явную ангажированность решений по многим рассматриваемым делам, суды нередко искренне не могли не видеть в инкриминируемых впоследствии нашим подзащитным деяниях обычную и легальную предпринимательскую деятельность, направленную на извлечение прибыли. Вынося при этом решения, хотя и в пользу прокуратуры и налоговых органов, судьи иногда становились на путь саморазоблачения и одновременно в ряде случаев приходили к естественным и логичным выводам, противоречащим абсурдным утверждениям обвинения. По этой причине многие судебные акты, принятие которых инициировалось преследователями наших подзащитных, содержат в себе взаимоисключающие выводы и утверждения. Законный выход из этих противоречий в рамках данного дела только один, об этом уже говорилось: истолкование всех сомнений и противоречий исключительно в пользу обвиняемых на основании презумпции невиновности. Кроме того, существуют также судебные решения, которые были приняты вне рамок развязанной кампании против наших подзащитных и «ЮКОСа», однако обстоятельства, установленные данными решениями, имеют отношение к предмету доказывания по настоящему делу. Эти решения по понятным причинам не вписались в обвинительное творчество Генеральной прокуратуры, и поэтому замалчиваются и прячутся обвинителями-фальсификаторами, поскольку являются безусловным подтверждением несостоятельности позиции наших процессуальных оппонентов и противоправного характера их действий. Содержание судебных решений, пусть даже вступивших в законную силу, не может носить некий сакральный характер. Законы формальной логики и общеизвестные факты судебные решения в принципе не могут отменить и изменить. Они не требуют специального доказывания, а их игнорирование заведомо незаконно и бессмысленно. Сколько ни вступай судебное решение в законную силу, не станет британское владение Гибралтар, расположенное на европейском материке, островом, а нефть не будет стоять без движения на узле учета и переходить на баланс, не появится ни у кого, ни при каких обстоятельствах фиктивное право собственности. Ничего подобного не произойдет никогда, ибо суду это неподвластно. Поэтому противоречащие общеизвестным фактам утверждения, зачастую дословно воспроизводящие фразы и доводы налоговиков и прокуроров и отраженные в судебных актах, инициированных преследователями «ЮКОСа», также ждут своей адекватной оценки со стороны суда в настоящем процессе. Таким образом, с учетом новой редакции ст.90 УПК РФ, в нашем деле против многочисленных доводов защиты, связанных с преюдициальными обстоятельствами, у фальсификаторов обвинения остается последний демагогический оплот о якобы неотносимости выводов другого суда к обстоятельствам рассматриваемого дела. Дескать, мы тут рассматриваем дело особой сложности, о хищениях вверенного имущества частных компаний, а в других же судах рассматривались дела совсем о других преступлениях, а в арбитражных судах и вовсе рассматривались вопросы, к криминалу отношения не имеющие, – начисление и взыскание налогов, сделки и тому подобное. Поэтому какая тут может быть преюдиция? Не относимо все это к нашему предмету доказывания. Подобный подход ни чем иным, как издевкой над законом, не является, и не стоит Вам его, Ваша честь, брать на вооружение. Это лишь ширма для прикрытия несостоятельности подходов и суждений наших оппонентов. Если Вы ей воспользуетесь, то лишь усугубите ситуацию. Мы уже неоднократно предупреждали, что не дадим Вам ни малейшего шанса отыскать лазейки для создания видимости законного обвинительного

приговора. Кстати, при этом наблюдается раздвоение сознания обвинителей, которые в своих интересах сами ссылаются на судебные решения по другим делам. Но это не главный наш аргумент в данном вопросе. Доводы типа «сам такой» никогда не были особо убедительными. Если даже все-таки допустить, что другие суды при вынесении своих решений что-то не ведали, что-то важное прошло мимо их внимания, им не была представлена вся совокупность доказательств, то дезавуирование, в терминологии прокурора Лахтина, их выводов, лежит вне компетенции Хамовнического районного суда по вышеуказанной причине неоспоримости преюдиции, как указано в том же определении Конституционного Суда №193. Цитирую: «Что касается фактических обстоятельств, которые рассмотрены и установлены в судебных актах арбитражного суда, осуществляющего гражданское судопроизводство в соответствии с компетенцией, определенной Конституцией и Арбитражным процессуальным кодексом, то его выводы относительно этих обстоятельств, если ими, по существу, предрешается вопрос о виновности или невиновности лица в ходе уголовного судопроизводства, подлежат доказыванию и оценке в соответствии с общими принципами доказывания, закрепленными в ст.49 Конституции РФ, притом, что подтвержденные арбитражным судом обстоятельства, свидетельствующие в пользу обвиняемого, могут быть отвергнуты лишь после того, как вступивший в законную силу исполняемый судебный акт арбитражного суда будет аннулирован в предусмотренных для этого процедурах. Иное не соответствовало бы Конституции Российской Федерации и установленным на ее основании уголовно-процессуальным законодательством правилам доказывания». Остается добавить, что уголовно-правовая оценка отношений в сфере предпринимательской деятельности, делового оборота может и должна производиться исключительно на основе гражданско-правового регулирования, а не прокурорского правосознания. Именно этим обстоятельством, известным еще как принцип межотраслевого соответствия, и аксессуарным, то есть производным, вспомогательным характером уголовного права по отношению к праву гражданскому, и предопределена изложенная выше позиция Конституционного Суда. Помимо описания шулерского приема по лукавому отрицанию преюдициального значения невыгодных прокуратуре обстоятельств, установленных судами, собственно, наличие которых прокуроры признают, и даже зачастую повторяют в своих выступлениях (стороной обвинения в прениях при освещении темы преюдиции в полной мере продемонстрированы их привычные уловки в виде замалчивания, передергивания, откровенной лжи или забалтывания сути вопроса), приведу лишь несколько показательных примеров. Первый. Рассказывая 19 октября суду о приговоре в отношении Величко, прокурор придумал, что там содержится утверждение о том, что операционные компании, зарегистрированные в ЗАТО, якобы использованы для похищения нефти и последующей легализации. Правда, на следующий день уже другой прокурор, повторив ту же ложь, добавил, что одновременно эти компании и для уклонения от уплаты налогов использовались. В своем выступлении 20 октября откровенно исказила суть выводов арбитражного суда о зависимости от ОАО «НК «ЮКОС» его нефтетрейдеров прокурор Ибрагимова, заменив собственно «ЮКОС» на руководство «ЮКОСа». Почувствуйте разницу. Она же, Ибрагимова, 22 октября, беспомощно пытаясь опровергнуть изложенные выше элементарные и однозначные для понимания выводы судов о праве собственности на нефть, ложно утверждала, что из решений арбитражных судов якобы следует, что нефть в действительности принадлежала добывающим компаниям. И просто вопиющий факт. Заигравшиеся в безнаказанность прокуроры в прениях, умолчав о соответствующих судебных решениях, в очередной раз сослались в обоснование своих выводов на признанные недействительными арбитражными судами трех инстанций решения и предписания территориального управления Министерства антимонопольной политики по Ханты-Мансийскому округу, несмотря на то, что к делу приобщены соответствующие упомянутые выше решения арбитражных судов. В завершение этого выступления

обращаюсь с призывом к суду применить надлежащим образом при разрешении данного дела требования уголовно-процессуального закона, в том числе ст.ст.14 и 90 УПК РФ, не проявлять снисхождения к стороне обвинения и оправдать наших подзащитных в полном объеме по предъявленным обвинениям. Очевидно, что одних только приведенных преюдициальных обстоятельств уже достаточно для принятия соответствующего решения по инкриминируемым эпизодам хищения нефти и некой последующей легализации. Благодарю за внимание.

Защитник Клювгант В.В.: Ваша честь, на десять минут просим перерыв.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: поддерживаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: поддерживаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: поддерживаю.

Защитник Грузд Б.Б.: поддерживаю.

Защитник Сайкин Л.Р.: поддерживаю.

Защитник Купрейченко С.В.: поддерживаю.

Защитник Липцер Е.Л.: поддерживаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: поддерживаю.

Защитник Ривкин К.Е.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Клювганта В.В. удовлетворить, объявить перерыв.

Судом объявляется перерыв.

12 часов 05 минут – судебное заседание продолжено.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б. – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – явился.

Защитник Левина Е.Л. – не явилась.

Защитник Москаленко К.А. – не явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – явился.

Защитник Краснов В.Н. – не явился.

Защитник Купрейченко С.В. – явился.

Защитник Липцер Е.Л. – явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б. – явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Фрадкин К.Б. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Лозко В.И. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетели – не явились.

Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Кловгант В.В.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Грузд Б.Б.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Сайкин Л.Р.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.

Защитник Грузд Б.Б.: далее я обосную, что это обвинение выдуманно от начала и до конца.

Сказать необходимо много, времени мало, поэтому буду говорить тезисно. Вчера Михаил Борисович пять раз обратил Ваше особое внимание на отдельные места своей речи.

Сегодня я это сделаю один раз. Итак, обстоятельства этого эпизода следующие. Между «Нефтяной компанией «ЮКОС» и дочерними добывающими компаниями «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз» в июле 1996 и «Томскнефть-ВНК» в ноябре 1998

года были заключены генеральные соглашения. В соответствии с их условиями, переход права собственности на нефть, добытую в составе скважинной жидкости, от дочерней компании к «ЮКОСу» происходил на устье каждой конкретной скважины немедленно после ее извлечения из недр. На основе этих генеральных соглашений дважды в месяц заключались договоры купли-продажи нефти, в каждом из которых указывался объем нефти и ее цена. Эти договоры за шесть месяцев 1997 года, 1998 год и 1999 год были

одобрены общими собраниями акционеров нефтедобывающих компаний в марте 1999 года. Как уже говорил мой уважаемый коллега, адвокат Мирошниченко, эти генеральные соглашения были оспорены в двух случаях прокурорами субъектов Федерации, еще в одном случае управлением Министерства по налогам и сборам Томской области в арбитражные суды. В этих исках им было отказано. Решениями судов трех регионов, вступившими в законную силу после обжалования в апелляционном и кассационном порядке было установлено, что генеральные соглашения ни в чем не противоречат и являются действительными сделками. До февраля 2000 года включительно покупателем нефти было само акционерное общество «Нефтяная компания «ЮКОС», впоследствии - ее торговые компании. Деятельность этих компаний решениями арбитражных судов была признана деятельностью самого «ЮКОСа». Денежные средства, предусмотренные этими договорами и превышающие фактическую стоимость нефти, поступали нефтедобывающим компаниям в полном объеме. Товарная нефть сдавалась в акционерную компанию «Транснефть», которая доставляла ее конечным потребителям. Выработанные из данной нефти нефтепродукты на нефтеперерабатывающих заводах «ЮКОСа» реализовывались оптом через сбытовые предприятия компании и через собственную сеть АЗС. Договоры купли-продажи нефти, а также решения общих собраний акционеров никогда и никем в суде не оспаривались. Собственно, это все факты, которые необходимы для анализа этого эпизода. Наши оппоненты их, по сути, не оспаривают. Существует лишь различная юридическая оценка между обвинением и защитой. Так, прокуроры, несмотря на проигранные ими в трех инстанциях арбитражные дела, называют генеральные соглашения, цитата, «заведомо подложными», «носящими фиктивный характер» и «включающими в себя заведомо ложные сведения». Тем самым прокуроры пытаются опорочить сотни исполненных договоров, основывающихся на этих генеральных соглашениях, проверенных и подтвержденных судами, всего лишь добавив к слову «соглашение» прилагательные «подложный» и «фиктивный». Хотя это непросто, но обвинению удалось практически по каждому существенному аспекту дела сформулировать несколько взаимоисключающих утверждений. При этом, как правило, сведения о фактах в этих утверждениях отсутствуют, преобладают негативные оценочные суждения. Пожалуй, наиболее часто используемое стороной обвинения прилагательное «фиктивный», оно используется в формуле обвинения на 146 страницах постановления о привлечении в качестве обвиняемого (далее я для ускорения буду называть этот документ «ппо») 170 раз. Иногда в одном предложении это слово или его синоним встречается трижды. Только правовой безграмотностью можно объяснить использование процессуальными противниками таких выражений, как «фиктивное право собственности», «фиктивный собственник» и тому подобное. Это то же самое, что «круглый квадрат». Выражение «фиктивное право собственности» лишено смысла. Право – это явление идеальное, оно не обладает качествами, позволяющими его воспринимать органами чувств человека. Право или есть, и тогда оно не фиктивное, либо его нет вовсе. Определение понятий «фиктивная сделка» или «фиктивный договор» в российском законодательстве отсутствует, однако, для целей настоящего уголовного дела следственные органы разработали свой специальный понятийный аппарат. Как указал в одном из своих документов прокурорско-следственный генерал Ковраев, цитата, «фикция в юридической теории и практике особый прием, который заключается в том, что действительность подводится под некую формулу, ей не соответствующую или даже ничего общего с ней не имеющую, чтобы затем из этой формулы сделать определенные выводы. Именно в этом значении следователем употреблялось выражение фиктивности». Конец цитаты. Что это означает применительно к договору? Что в действительности договор существует, но следствие будет считать, что его нет? А что есть? Какая действительность оценивается как хищение? Ничего без добавки «фиктивное» в «ппо» и обвинительном заключении (далее – «оз») нет. 15 октября, выступая в прениях, уважаемая прокурор Ибрагимова назвала сделки по купле-продаже нефти «инструментом сокрытия

хищения». 18 октября уважаемый прокурор Лахтин договоры купли-продажи нефти охарактеризовал как (цитата) «юридическое прикрытие завладения имуществом добывающих предприятий», конец цитаты. Выходит, что в ходе судебного следствия было исследовано то, чего в действительности не было. С юридическим прикрытием понятно, но что же было на самом деле? Что, по мнению прокуроров, произошло в действительности? К сожалению, этого мы так и не услышали. Все изложенные в договоре условия и реквизиты (даты, подписи, печати, и так далее) соответствуют действительности. Очевидно, что в этом случае, то есть подложными (поддельными в понятиях уголовного права) договоры являться не могут, поскольку отражают действительно состоявшиеся и исполненные соглашения между сторонами. В соответствии именно с этими договорами происходила оплата и передача прав собственности на нефть, они являлись одним из оснований для транспортировки нефти государственной монополией «Акционерная компания «Транснефть», а также для последующей передачи этой нефти для переработки на НПЗ. Исходя из условий именно этих договоров, в бухгалтерском и налоговом учете отражались обстоятельства, рассчитывались и уплачивались налоги. Других, не фиктивных, а неких настоящих договоров, актов, счетов-фактур нет и не было. Даже сторона обвинения о таковых не упоминает. Такое заведомо недобросовестное манипулирование терминами свидетельствует о том, что сторона обвинения осознает, законным способом обычную, нормальную хозяйственную деятельность компании «ЮКОС» как преступление квалифицировать невозможно. О предмете преступления. Один из вопросов, на который должен будет суд ответить в приговоре, - что являлось предметом преступления, то есть на какое именно имущество было направлено преступное посягательство. Сторона обвинения в этом вопросе запуталась окончательно. Несмотря на то, что прокуроры неоднократно в судебном заседании заверяли, что была похищена нефть, в «ппо» и в «оз» содержатся и другие утверждения, в частности, о том, что были похищены денежные средства в виде недополученной выручки или прибыли, что были похищены нефть и нефтепродукты. Поскольку прокуроры ранее неоднократно это оспаривали, в качестве примера оглашу соответствующие места из «ппо». Их много, я приведу лишь несколько. Вот про деньги, 47 страница: «Обеспечивал учет и финансовые операции с похищенными денежными средствами». 69 страница: «ОАО «Юганскнефтегаз» лишилось чистой прибыли в сумме», а ОАО «Томскнефть-ВНК» в сумме такой-то. Вот про нефтепродукты, 142 страница: «Члены организованной группы полученных от реализации похищенных нефти и нефтепродуктов дочерних предприятий ОАО «НК «ЮКОС». Уважаемый прокурор Лахтин заявил, что суть преступления заключается в ценовой разнице. Но в таком случае предметом преступления нефть быть не может. Ведь цена в договорах купли-продажи выражается в деньгах, следовательно, и похищенная разница тоже деньги, а вовсе не нефть. Это цитата. Государственные обвинители, выступая в прениях, не только не отказались от этих взаимоисключающих утверждений, но и повторили их. Так, уважаемая прокурор Ибрагимова только 18 октября как минимум четырежды повторила о хищении денежных средств. Например, цитата: «Путем выстраивания такой холдинговой структуры Ходорковский, Лебедев и другие члены организованной группы преследовали цель - запутать движение похищенных денег и, произведя перемещение денежных средств через счета внешне взаимозависимых компаний, управлять ими (деньгами) как собственными», конец цитаты. 18 октября уважаемый прокурор Лахтин заявил (цитата): «В связи с тем, что выручка за нефтепродукты является выручкой за другой вид имущества, не вмененного подсудимым, сторона обвинения считает необходимым исключить данные суммы как ущерб от хищения нефти добывающих предприятий. Вместе с тем, сторона обвинения настаивает на верно вмененных суммах за поставленную на экспорт нефть как размер стоимости похищенной нефти», конец цитаты. Из этого факта вытекает несколько важных следствий. Первое. Подсудимым были вменены денежные средства, названные здесь выручкой и суммами. Второе. За стоимость нефти

принималась выручка от реализации нефти и нефтепродуктов. И третье. Исключив из обвинения выручку за нефтепродукты, прокуроры оставили фактически выручку за нефть, просто пересчитав ее по другой методике, о чем я скажу чуть позже. Следовательно, и в этом случае речь идет о хищении денежных средств. Очевидно, что если похищена нефть, то денежные средства в виде выручки или прибыли от ее реализации, а также нефтепродукты, выработанные из присвоенной нефти не могут быть похищены у того же потерпевшего по той простой причине, что у него они не могут появиться. Распоряжение похищенной нефтью путем ее продажи или переработки является реализацией корыстной цели виновного. Денежные средства и нефтепродукты и так уже у него должны находиться, и поэтому не могут быть изъяты из владения потерпевшего. С другой стороны, если была похищена прибыль, то не могли быть похищены ни нефть, ни нефтепродукты, поскольку тогда прибыль тоже не могла бы оказаться у потерпевшего. По имеющимся в деле процессуальным документам легко проследить, что вплоть до конца сентября 2005 года следствие утверждало, что были похищены именно денежные средства. Затем, без какого-либо обоснования и установления новых фактов, буквально из воздуха возникает другой предмет преступления – нефть. Вот буквально несколько примеров из того, что было написано в документах той поры. Постановление о выделении и возбуждении уголовного дела в отношении Ходорковского и Лебедева, 02 декабря 2004 года, цитата: «На счетах ООО «Фаргойл» аккумулировались похищенные путем присвоения денежные средства, полученные в качестве выручки от реализации нефти и нефтепродуктов дочерних ОАО «НК «ЮКОС» предприятий», конец цитаты. Далее, постановление о выделении и возбуждении уголовного дела в отношении Черниковой, Карташова, Спиричева и Вальдес-Гарсия, 06 июля 2004 года, цитата: «Похищенные денежные средства руководители ОАО «НК «ЮКОС» присваивали путем выплаты дивидендов подконтрольным иностранным учредителям подставных компаний-посредников и дальнейшего их обналичивания. Так, в 2001-2002 годах вышеуказанным способом организованной группой были присвоены денежные средства, принадлежащие дочерним ОАО «НК «ЮКОС» обществам в размере», указывается сумма, «чем акционерам ОАО «НК «ЮКОС» и его дочерним предприятиям причинен ущерб в крупном размере», конец цитаты. Далее, запрос следователя Каримова о правовой помощи от декабря 2004 года в Министерство юстиции и общественного порядка Республики Кипр. Цитата: «Таким путем организованная группа лиц в 2001-2003 годах совершила хищение выручки от реализации нефти нефтедобывающих предприятий ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Томскнефть-ВНК» и ОАО «Самаранефтегаз» на сумму». Далее. «С целью легализации (отмывания) денежных средств, приобретенных в результате хищения под видом выплаты дивидендов», конец цитаты. Первый заместитель Генерального прокурора господин Бирюков обращался и в Хамовнический районный суд с ходатайством о производстве следственных действий. Судья Хамовнического районного суда Сучков, рассмотрев это ходатайство, 28 июня 2005 года в своем постановлении указал (цитата): «Ходорковский, Шахновский, Брудно совершили в целях завладения выручкой от реализации, то есть присвоения вверенных средств», «Ходорковский руководить всей деятельностью членов организованной группы, направленной на присвоение выручки, полученной в результате сбыта нефти и нефтепродуктов. Шахновский – по присвоению и распределению в пользу членов организованной группы денежных средств, поступивших в качестве выручки от реализации нефти. Брудно, обеспечивающий хищение выручки от реализации» и так далее, «Леонович – по изъятию со счетов подставных компаний похищенной выручки. Лебедев, обеспечивали движение похищенных денежных средств с целью совершения присвоения выручки от реализации нефти». И так далее, и тому подобное. Важно отметить, что указанные процессуальные акты не отменены, и поэтому сохраняют свою юридическую силу. Истинная причина всех этих манипуляций с внезапной подменой предмета присвоения заключалась в том, что в первом уголовном деле Ходорковского и Лебедева был похожий эпизод о так называемом

присвоении денежных средств в виде ценовой разницы при реализации апатитового концентрата. 22 сентября 2005 года Московский городской суд изменил приговор Мещанского районного суда, исключив обвинение в хищении, так как выручка от реализации апатитового концентрата еще не поступила в собственность потерпевшего и, следовательно, не могла быть похищена. Цитата из этого определения: «Разница между заниженной и рыночной стоимостью от реализации продукции еще не поступила на счета ОАО «Апатит», и в данном случае нет оснований утверждать, что произошло обязательное при хищении изъятие (умаление) имущества собственника», конец цитаты. После этого решения концепция фальсификации изменилась, но лишь в одном аспекте – что было похищено. Все остальное: описание событий, время, место, участники и так далее осталось неизменным. Как правило, в обычном уголовном деле расследование идет от факта преступления к предполагаемому преступнику. Здесь не так. В исходных условиях уже было установлено, что Ходорковский и Лебедев должны сидеть. За что – неважно. Деньги, нефть – безразлично. Исполнители, готовые выполнить все, что необходимо, всегда найдутся. Раньше они так же напористо в этом же суде доказывали, что были похищены денежные средства, сейчас – что похищена якобы нефть. Ведь искушенному прокурору так легко перепутать эти два похожих между собой предмета: денежные средства и нефть. Данное уголовное дело, если Вы посмотрите, уважаемый суд, состоит из двух равных блоков, расследование которого проводилось двумя разными следственными группами. Первый блок – это деятельность «ЮКОСа» в 2001-2003 годах, когда действовала концепция о хищении денежных средств. Второй блок (хронологически за 1998-2000 год) расследовался позже, во главе со следователем Каримовым, когда концепция о предмете уже изменилась. И грубый шов, которым было шито это дело, особенно наглядно виден по изменившемуся способу расчета якобы причиненного ущерба, о чем я буду говорить несколько позже. О способе совершения преступления. С физическими характеристиками и свойствами предмета преступления естественным образом связан и возможный способ его хищения. Очевидно, что похитить недвижимое имущество (здание) и кошелек из кармана одним и тем же способом невозможно. В нашем случае неумные фальсификаторы, изменив один предмет преступления (безналичные денежные средства) на другой (нефть) способ оставили прежний. Поэтому в их версии получается, что жидкость (нефть) присваивалась точно тем же способом, путем составления бумаг, сейчас не говорю, каких, это безразлично, так же, как и деньги в безналичной форме. Между тем, как указал Пленум Верховного Суда, присвоение возможно лишь при условии противоправного завладения исполнителем предметом преступления. Владение же достигается путем передачи вещи либо иным способом, позволяющим виновному установить фактическое господство над вещью. Другими словами, составив какой-либо документ, невозможно присвоить вещь. Для этого необходимо совершить действия, непосредственно направленные на вещь, чтобы ее обособить, изъять либо иным образом установить над ней физический контроль. Видимо, о чем-то подобном автор коллективной обвинительной речи слышал или догадывался. Именно с этим я связываю этот фрагмент, который пришлось оглашать уважаемой госпоже Ибрагимовой, когда наступила ее очередь. Цитата: «Похитить цифры существующей бухгалтерской отчетности невозможно, а совершить хищение нефти, являющейся материальной величиной, имуществом, возможно». Конец цитаты. Сторона обвинения признала, что нефть во владение «ЮКОСа», его торговых компаний или членов организованной группы не поступала, а самостоятельно отгружалась «потерпевшими» непосредственно российским и зарубежным потребителям. Вот одна лишь цитата из «ппо» Ходорковского, страница 37. «Ходорковскому, Лебедеву и их сообщникам было достоверно известно, что ОАО «НК «ЮКОС» фактически покупателем нефти не является, а продукция нефтедобывающими предприятиями самостоятельно отгружается непосредственно российским и зарубежным потребителям». Конец цитаты. Государственные обвинители также утверждали, что физическое перемещение нефти в

предмет доказывания по настоящему уголовному делу не входит, а все ходатайства защиты, направленные на установление данных обстоятельств, по настоянию стороны обвинения судом были отклонены. Вообще, следует признать, что об эпизоде, за который прокурор потребовал восемь лет лишения свободы, мы знаем до обидного мало. В «ппо» отсутствуют какие-либо конкретные сведения о способе, времени и месте хищения нефти. Михаилу Борисовичу с трудом удалось вырвать буквально у прокурора Лахтина сведения о том, что местом совершения похищения является узел учета (протокол судебного заседания от 12 марта 2009 года). К слову сказать, как следует из показаний свидетелей Гильманова и Анисимова, у «Самаранефтегаз» и «Юганскнефтегаз» было у каждой по четыре узла учета. Понятно лишь одно, что нефть якобы присваивалась подсудимыми с 01 января 1998 года по 31 декабря 2003 года, из формулировок, которые мы встречаем в «ппо», «оз» и выступлениях уважаемых прокуроров. То есть так называемое хищение происходило и тогда, когда Лебедев со 02 июля 2003 года, а Ходорковский с 25 октября 2003 года находились под стражей. Почему так получилось в обвинении, тоже понятно: на эти даты составляется бухгалтерская отчетность. Нам также понятно, что для наших процессуальных противников алиби – не оправдание. Это не аргумент защиты. Как заявил 22 октября прокурор Лахтин (цитата), «не имеет значения, где находился Лебедев, на территории страны в тот момент или иной момент или даже в какой точке земного шара». Конец цитаты. Однако следует заметить, что, в отличие от эпизодов с легализацией, в этом случае не было даже попытки как-то разумно объяснить данный парадокс. Обвинение предлагает сразу как минимум четыре альтернативных способа так называемого хищения: под видом сделок, путем оформления фиктивных сделок по купле-продаже нефти по многократно заниженным ценам и передаче права собственности на всю нефтедобычу, путем оформления фиктивных договоров купли-продажи нефти, путем искусственного перевода ее на баланс. Прежде всего, указанные способы объединяет одно главное обстоятельство: с их помощью нельзя завладеть жидкостью; цифрой из бухгалтерской отчетности, наверно, можно. Способ под видом сделки – это определение через отрицание. Другими словами, сторона обвинения говорит, что хищение было совершено не так, не сделками. Как? Не поясняет. Анализировать здесь нечего, просто нет необходимой информации. Посредством оформления договора купли-продажи нефти присвоить нефть невозможно еще и потому, что, как было бесспорно установлено, договор заключался как минимум за пятнадцать дней до момента добычи нефти. Поэтому действие, которое совершается до появления новой вещи, в принципе, не может рассматриваться как способ ее присвоения. По фиктивной сделке право собственности передать нельзя, тем более на нефтедобычу, которая обозначает процесс, а не имущество. Присвоить нефть путем искусственного перевода ее на баланс невозможно и потому, что баланс – это документ, отражающий в бухгалтерской отчетности юридического лица некие факты хозяйственной жизни, хозяйственной деятельности этого общества, правильно или неправильно, неважно. Бухгалтерская отчетность, в которую входит и баланс, составляется после сдачи нефти в магистральный трубопровод. Переданная же в магистральный трубопровод нефть, смешиваясь с нефтями других производителей, теряет свои индивидуально определенные свойства, присущие только ей характеристики и перестает, как таковая, существовать. Таким образом, получается, что при одном предложенном способе хищения предмет хищения еще не существует, а при другом уже не существует. И еще, разумно было бы предположить, что исполнитель, место, время и способ совершения преступления должны быть как-то между собой связаны. Если Вы попытаетесь мысленно объединить место (узел учета), способ, время, то получится ерунда. Я пробовал. О наличии и отсутствии ущерба, его характере и размере. Ущерб в оконченном преступлении – это всегда реальный материальный ущерб в виде уменьшения объема наличного имущества собственника. Применительно к настоящему делу фактическая стоимость нефти для псевдопотерпевшего, производителя нефти, – это сумма его затрат на добычу и подготовку, доведение ее до состояния товарной продукции.

Поскольку денежные средства, уплаченные псевдопотерпевшим за нефть по договорам купли-продажи, превышали ее фактическую стоимость, то ущерб отсутствует. Для того чтобы порассуждать об ущербе и ценовой разнице, сторона обвинения сравнивает заведомо несопоставимые цены. Между тем, российское законодательство, говоря о рыночной цене товара, предполагает, что сделки будут происходить в сопоставимых экономически коммерческих условиях. При определении убытков гражданское законодательство предполагает, что будут приниматься во внимание цены, существовавшие в том месте, где обязательство должно быть исполнено. Как нормы российского законодательства применительно к установлению ущерба и его размера применяло следствие, я скажу чуть позже. Так, при расчете мнимого ущерба за 1998-2000 годы сторона обвинения исходит не из фактов, а из нескольких фантастических допущений. А именно, что псевдопотерпевшие, не располагая налаженными деловыми связями, соответствующими специалистами и опытом работы, смогут самостоятельно организовать экспорт нефти. Контролирующий, а затем и единственный акционер компании «ЮКОС» не будет возражать против такой организации бизнеса. На экспорт будет отгружаться не так, как это было в действительности по закону, около 30-40% добытой нефти, а 100% от фактически добытой нефти без каких-либо потерь при ее транспортировке. Нефть будет продаваться в портах Роттердама и Аугусты, хотя в действительности она туда не поставлялась. Оплату транспортных расходов, стоимости страхования, перевалки, портовых сборов, таможенных сборов, вывозной экспортной пошлины, вместо псевдопотерпевших, кто-то безвозмездно возьмет на себя, например, компания «ЮКОС» или пресловутая организованная группа. Таким образом, полученная экспертами по такому методу сумма является не фактической стоимостью нефти, а гипотетической выручкой, которую псевдопотерпевшие могли бы получить при одновременном наступлении нескольких невероятных условий. Кроме того, при расчете мнимого ущерба за 1998-2000 годы обвинение хотя и признает факты оплаты нефти «ЮКОСом» и его торговыми компаниями, но их вовсе не учитывает. В то же время псевдопотерпевшие исчисляют мнимый ущерб как разницу между фактически полученной от «ЮКОСа» или его торговых компаний платы за нефть и некими рыночными ценами. В судебном заседании прокуроры отказались от обвинения в части присвоения нефти, которые превышали объемы от ее добычи на десятки миллионов тонн и сотни миллиардов рублей. В этой связи насмешкой звучит это место из обвинительного заключения. Цитата: «В постановлениях о привлечении Ходорковского и Лебедева к уголовной ответственности по всем эпизодам вменения совершенно точно определена сумма вменяемых преступлений: как присвоения, так и легализации» - 1723 страница. При расчете мнимого ущерба за 2001-2003 годы органы следствия вновь определяли не фактическую стоимость нефти, а действительные финансовые результаты торговых компаний (обращаю внимание, я говорю об органах следствия) за минусом фактически понесенных расходов. Но не всех. Например, к похищенным были отнесены суммы, уплаченные в виде налога на прибыль торговыми компаниями «ЮКОСа». При этом характерно, что за стоимость якобы похищенной нефти принимались финансовые результаты ООО «Фаргойл», которое нефть у псевдопотерпевших никогда не покупало. Особого внимания заслуживает обстоятельство: метод, примененный органами следствия. В самом постановлении о назначении комиссионной бухгалтерской экспертизы следователь указывает эксперту, какую цену ему следует применить. В этом документе прямо указывается: «Учитывая, что нефть, добываемая на территории России, относится к сорту Urals, то из котировок следует брать цены по данной категории нефти. При этом в расчетах следует принимать наименьшую котировку из минимальной цены нефти Urals Mediterranean и Urals Rotterdam за день». Таким образом, если бы следователь в своем постановлении указал другую цену, например, цену на нефть в Антарктике, то, наверняка стоимость этой нефти была бы еще выше, а размер якобы причиненного ущерба еще больше. Вот то место, на которое я хотел обратить Ваше особое внимание, когда говорил

в начале своей речи, это изменение методики расчета мнимого ущерба за 2001-2003 годы. Я могу лишь догадываться, кто был автором коллективным прокурорской речи. Может быть, тот же, кто на протяжении полутора лет суфлировал уважаемому нашему высокоученому другу Валерию Алексеевичу, но для меня очевидно одно: этот человек не вполне знаком с судебной стадией процесса. В противном случае он не заложил бы такую процессуальную мину под обвинение. Что я имею в виду? Расчет по новому, измененному способу, который заключается в том, что вместо сумм, являющихся финансовым результатом торговых компаний, теперь принимаются не эти суммы, а нефть, поставленная на экспорт. Но если в первом случае за период 1998-2000 год за расчет принималась Urals R'dam, Urals Med, то в этом случае обвинение говорит: «Мы будем принимать цену на таможенной границе Российской Федерации». Что получается? Уменьшив объем нефти за 2002 и 2003 год, размер якобы причиненного ущерба увеличивается, например, за 2003 год на сумму почти в 57 миллиардов рублей. Что это значит? Что существенно изменяется обвинение, от которого подсудимые не защищались. Какие это цены на таможенной границе, мы не знаем, можно только предполагать и догадываться, расчета государственные обвинители ни суду, ни нам не представили. И самое главное – это увеличение объемов якобы похищенного имущества. В какую ситуацию государственные обвинители, по нашему мнению, поставили суд? Стоимости, простите, я оговорился. С одной стороны, суд уже не может вернуться к ранее вменным суммам ущерба, потому что государственные обвинители от него отказались, а с другой стороны он не может и принять новый расчет, как существенно отличающийся по фактическим обстоятельствам, так и по размеру вменного якобы ущерба от присвоения. Не соглашусь в этом вопросе, о котором частично затрагивал уважаемый Михаил Борисович вчера, когда предположил, что это является некой помощью со стороны государственного обвинения, которое не хочет брать грех на душу. Думаю, здесь речь все-таки идет о недостаточном профессионализме. Простите. Стоит отметить, что по вопросу, в чем состоит вред от сделок с нефтью, у органов следствия имеется также несколько несогласующихся между собой и во всех случаях ложных утверждений, которые они пытаются доказать в различных уголовных делах. Это что якобы вред причинен бюджету в результате уклонения от уплаты налогов нефтедобывающими компаниями при продаже нефти, то есть нефти не похищенной, а законно проданной как нашими мнимыми потерпевшими, так и самой компанией «ЮКОС» при покупке нефти, то есть опять же не похищенной, а законно купленной. Это дела, о которых уже упоминали: Гильманова, Анисимова, а также дело Голубь, главного бухгалтера ОАО «НК «ЮКОС». Вред причинен миноритарным акционерам в виде недополучения ими дивидендов. Вред причинен нефтедобывающим компаниям в виде недополучения выручки, прибыли. Вред причинен нефтедобывающим компаниям в виде безвозмездного изъятия нефти. И вред причинен нефтедобывающим компаниям в виде безвозмездного изъятия и нефти, и нефтепродуктов. Эти утверждения или не согласуются между собой, или находятся в противоречии. Об элементах состава преступления. Присвоение является одной из форм хищения, следовательно, этому преступлению присущи как общие признаки хищения, так и частные, которые свойственны только ему. Отсутствие хотя бы одного признака состава преступления исключается уголовную ответственность по данной статье. Разберем, что должно быть доказано при квалификации действий подсудимых как присвоение. Обязательным признаком присвоения является обращение чужого имущества против воли собственника. Лица, которые продавали нефть от имени добывающих компаний, имели на это полномочия. Более того, в силу специфики технологии процесса добычи, продавать ее они были обязаны. Иное бы привело к остановке производства и значительным убыткам самим компаниям. Истинная претензия обвинения заключается не в том, что у собственника не было намерения продать нефть, а в том, что она якобы была продана не по той цене. Именно этим объясняются соответствующие формулировки, встречающиеся в «ппо», «оз» и в выступлениях уважаемых гособвинителей в прениях об экономически

невыгодных условиях, экономически невыгодных соглашениях, об экономически необоснованных генеральных соглашениях, об отсутствии экономической необходимости и о бессмысленности с экономической точки зрения. Между тем, выгодность или невыгодность вовсе не является предметом правового регулирования. Для гражданского оборота было бы полной катастрофой допустить возможность квалификации гражданско-правовых договоров как преступлений по той лишь простой причине, что они могут быть невыгодны одной из сторон. Особенно, когда о выгодности или невыгодности сделок будет судить следователь. Утверждение следствия, что для хищения нефти применялась цена, абсурдно, так как содержит внутренние противоречия. В соответствии с Гражданским кодексом, цена является существенным условием договора, устанавливаемым соглашением сторон. А соглашение – это всегда отчуждение имущества по воли собственника, согласованное с волей покупателя. Отчуждение же имущества по воли собственника по любой цене исключает хищение. Более того, даже если бы имела продажа товара по цене ниже рыночной, и это не нарушало бы не только уголовный, но и гражданский закон. Так, в постановлении Президиума Высшего Арбитражного Суда России по конкретному делу было сказано (короткая цитата): «Кроме того, занижение стоимости имущества при его продаже, даже если это и имело место, само по себе не является основанием для признания сделки недействительной на основании ст.ст.10 и 168 ГК РФ». Конец цитаты. Таким образом, законные, действительные и исполненные сделки совершенно произвольно называются прокурорами незаконными, а нефть, поставленная по ним, – похищенной. Денежные средства, поступившие потерпевшим в качестве оплаты нефти от «ЮКОСа» и его торговых компаний, до настоящего времени отражаются в их бухгалтерской и управленческой отчетности как выручка по сделкам, а не как безвозмездно полученные средства от организованной группы. Это следует и из заключения комплексной финансово-технической экспертизы, в которой указано (цитата): «Выручка ОАО «Юганскнефтегаз» от реализации нефти ООО «Ратибор» учтена в бухгалтерском учете и включена в данные бухгалтерской отчетности ОАО «Юганскнефтегаз». Выручка ОАО «Томскнефть-ВНК» от реализации нефти учтена в бухгалтерском учете и включена в данные бухгалтерской отчетности». Конец цитаты. Это также следует из справки, представленной по запросу суда из компании «Роснефть», «Самаранефтегаз» и «Томскнефть», в которой указано (цитата): «На основании данных управленческой отчетности ОАО «Юганскнефтегаз». И далее приводятся данные о выручке и себестоимости. То же самое – справка от ОАО «Томскнефть-ВНК». Признают факт реализации нефти по воли собственника и псевдопотерпевшие в своих исковых заявлениях. Цитата, исковое заявление «Юганскнефтегаз»: «Нефть реализовывалась ОАО «Юганскнефтегаз». Выручкой, полученной ОАО «Юганскнефтегаз», от реализации нефти». То же самое – по «Самаранефтегаз». То же самое – по «Томскнефть-ВНК». Признали факт реализации нефти по воли собственника и органы следствия. Так, в постановлении о производстве выемки по уголовному делу главного бухгалтера «ЮКОСа» Голубь сказано: «Следствием установлено, что в 2000-2003 годах Голубь в составе группы лиц, заведомо зная, что ОАО «Томскнефть-ВНК», ОАО «Юганскнефтегаз», ОАО «Самаранефтегаз» самостоятельно осуществляют добычу и реализацию нефти». Конец цитаты. Доначисление налоговыми органами «Самаранефтегаз», «Томскнефть-ВНК», «Юганскнефтегаз» налогов, пеней, штрафов по результатам анализа сделок купли-продажи нефти за тот же период времени, который вменяется подсудимым, подтверждает наличие воли нефтедобывающих предприятий в лице уполномоченных на то органов на отчуждение нефти. Очевидно, что если бы это были не сделки по воле сторон, а нефть у них была похищена, то потерпевшие не должны уплачивать налоги с похищенного. Тем более, налог на прибыль. Юридическое лицо приобретает гражданские права и гражданские обязанности через свои органы. Высшим органом управления акционерным обществом является общее собрание акционеров. Сторона обвинения признает, что до 2001 года нефтяная компания «ЮКОС» являлась

контролирующим акционером добывающих компаний, а после 2001 года – единственным. Какой-либо иной воли у юридического лица, отличной от воли общего собрания его акционеров или его единственного акционера, нет и быть не может. Как указал Президиум Высшего Арбитражного Суда России по другому конкретному делу (цитата): «При наличии решения общего собрания акционеров акционерного общества об одобрении крупной сделки суды первой и кассационной инстанции неправомерно сочли спорные объекты выбывшими из владения акционерного общества помимо его воли». Конец цитаты. Таким образом, сделки купли-продажи, которые были одобрены общим собранием акционеров или его единственным акционером, это сделки, совершенные по воле юридического лица. Об отсутствии признака противоправности. Противоправность обращения (изъятия, завладения имуществом) означает, что оно осуществляется способом, прямо запрещенным уголовным законом. Действительно, исполненный договор не может являться способом присвоения нефти. Защита Ходорковского обращалась в Конституционный Суд с жалобой на нарушение его конституционных прав статьей 160 и примечанием 1 к статье 158 УК РФ. Как указал Конституционный Суд России в своем определении от 02 июля 2009 года (цитата), «не предполагается возможность привлечения к уголовной ответственности лиц, совершивших правомерные гражданско-правовые сделки». Конец цитаты. Важно отметить, что Конституционный Суд отказал в рассмотрении жалобы, так как, по его мнению, нет предмета, настолько этот вопрос очевидный. В силу закона, эта правовая позиция Конституционного Суда, как и любая другая, общеобязательна. Причем она сформулирована именно по нашему делу. Одним из оснований приобретений права собственности на имущество является договор купли-продажи. В соответствии с Конституцией России, никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда. «ЮКОС» и его торговые компании приобрели право собственности по договорам купли-продажи. Решений судов, по которым «ЮКОС» был бы лишен права собственности нефть или переход права собственности был признан несостоявшимся, нет. Есть другие, прямо противоположные, по которым «ЮКОС» был признан фактическим собственником нефти. Сторона обвинения выводит противоправность завладения имуществом напрямую из нарушения норм гражданского законодательства (это ст.ст.1, 10 и 179 ГК РФ), антимонопольного законодательства (п.п.2, 4 ст.6 закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности на товарных рынках») и корпоративного законодательства (в ч.3 ст.83 Федерального закона «Об акционерных обществах»). Эти суждения являются заведомо ложными. Никаких нарушений гражданского и иного законодательства, о которых говорится в обвинении, на самом деле допущено не было. Однако я не буду здесь, в этом процессе, останавливаться на доказывании этого обстоятельства. Для целей данного дела важно не это, а то, что такие домыслы не усиливают, а, наоборот, это обвинение опровергают. Приведу лишь несколько примеров. Несоответствующие действительности утверждения о злоупотреблении правом (ст.10 ГК РФ) означают, что сторона обвинения исходит из того, что субъективное право на совершение действий, в которых обвиняются подсудимые, у них было. Нельзя злоупотребить правом, если им не обладаешь. Но они якобы это право употребили во зло. Однако, в соответствии с законом (п.2 той же ст.10), последствием такого поведения является не преследование в гражданском или, тем более, в уголовном порядке, а возможность суда (цитата) «отказать в защите принадлежащего ему права». Так, заведомо ложное утверждение о нарушении положений закона «Об акционерных обществах» при одобрении сделок купли-продажи нефти, как сделок, заключенных с заинтересованностью ОАО «НК «ЮКОС» при их совершении, исключает обвинение в присвоении. Если было соглашение между основным и дочерним обществом о купле-продаже нефти, то нет места для присвоения нефти физическим лицом: или сделка между «ЮКОСом» и его дочерними добывающими обществами, неважно, с заинтересованностью или нет, или хищение, то есть обращение нефти членами организованной группы без каких-либо правовых оснований. Далее, заведомо ложные,

выдвигаемые вопреки вступившему в законную силу решению суда, о чем уже говорил уважаемый адвокат Мирошниченко, утверждения следствия о нарушении положения закона «О конкуренции и ограничении монополистической деятельности» при заключении генеральных соглашений также прямо опровергают обвинение в присвоении. Вот цитата из обвинительного заключения, где указывается на это место, которое затем неоднократно цитировали уважаемые государственные обвинители, выступая в прениях: «Ходорковский и другие члены организованной группы путем введения для нефтедобывающих предприятий внешнего управления в лице ЗАО «ЮКОС ЭП» и заключения генеральных соглашений, обязывающих поставлять нефть только ОАО «НК «ЮКОС» и устанавливающих цены на нефть для нефтедобывающих предприятий, нарушили такие-то статьи, устанавливающие запрет на заключение соглашений (согласованных действий)». В скобках еще написано, для тех, кто не понял. То есть, если имели место соглашения, согласованные действия, как разъяснено, между основным и дочерним обществом по ценам и поставкам нефти только для ОАО «НК «ЮКОС», то нет места для противоправного завладения нефтью членами организованной группы. Хочу сказать, что количество обвинений не всегда переходит в качество. Иногда, как и в этом деле, эти обвинения, вступая в противоречия между собой, опровергают друг друга. Таким образом, признак состава преступления: противоправность при сделках с нефтью также отсутствует. Об отсутствии признака безвозмездности. Необходимым признаком любого хищения является безвозмездность. Безвозмездно, значит, даром. Именно так это и понимается в российском законодательстве. Нефть была оплачена псевдопотерпевшим в размере, превышающем фактическую стоимость и обеспечивающем получение прибыли в установленном основным обществом размере. Пересчитав объемы нефти на среднемесячную цену, указанную в «ппо» Ходорковского, мы увидим, что псевдопотерпевшим за нефть за указанный период, 1998-2003 год, было перечислено почти 408 миллиардов рублей. Очевидно, что уплата сумм в таких размерах не позволяет назвать сделки с нефтью безвозмездными, а возмещение – символическим. Утверждая, что передача прав собственности на нефть была безвозмездной, как сказал 19 октября уважаемый прокурор Смирнов, «практически безвозмездной», в действительности сторона обвинения пытается обосновать неэквивалентность цены сделок некой рыночной цене. Однако неэквивалентность не тождественна безвозмездности. А если речь идет о сделке, то есть согласованной воле продавца и покупателя, то утверждение о неэквивалентности цены не просто бессодержательно, оно носит антиправовой характер, поскольку попирает конституционную гарантию свободы договора. Если в роли арбитра эквивалентности/неэквивалентности, выгоды/невыгоды сделок выступает следователь, то не только устойчивость гражданского оборота, но и свобода каждого из нас оказывается в опасности. Вдруг окажется, что вещь, купленная Вами в Москве, в Самаре, в Томске, будет в Роттердаме или Аугусте стоит дороже, тогда следователь Каримов будет решать, какая степень неэквивалентности достаточна для того, чтобы признать сделку безвозмездной, а Вас – похитителем. Пленум Верховного Суда в своем постановлении, на которое постоянно ссылается защита, предусматривает возможность хищения имущества (цитата) «с одновременной заменой его менее ценным». Описанная ситуация с настоящим делом ничего общего не имеет. Во-первых, потому что она предполагает изъятие и завладение имуществом против воли собственника. Замена похищаемого имущества менее ценным всегда осуществляется именно для того, чтобы скрыть от собственника имущества, что таким образом ему причиняется прямой ущерб: он лишается принадлежащего ему имущества. Например, материально ответственное лицо присылает товар первого сорта, заменяя его товаром того же наименования, но третьего сорта. Вот что имел в виду Пленум Верховного Суда. Во-вторых, это невозможно и потому, что нельзя сравнивать цены с деньгами. Деньги сами являются универсальным эквивалентом стоимости других товаров или услуг, в данном случае – нефти. Именно в этом состоит главная особенность и одновременно ценность денег в экономике страны.

Если же рассуждать о недостаточном количестве денег, уплаченных за нефть, тогда мы снова возвращаемся к пункту, который мы рассматривали выше, о договорных ценах и свободе договора. Главное же здесь (и это не отрицается обвинением): фактическая стоимость нефти полностью компенсирована производителям уплаченной за нее ценой, а это значит, что все рассуждения о менее ценной ее замене, тем более деньгами, это не для нашего случая. Хищения в этом случае нет и быть не может. Таким образом, и признак состава преступления: безвозмездность при сделках с нефтью также отсутствует. Законность вверения. Защита утверждает, что само содержание предъявленного Ходорковскому и Лебедеву обвинения, как и позиция стороны обвинения, полностью исключает возможность квалификации их действий как присвоение в силу следующих обстоятельств. Присвоение возможно лишь при условии, что похищенное имущество находилось в правомерном владении либо в ведении виновных (абзац 1 п.18 постановления). Напомню, что по первому уголовному делу Московский городской суд отменил приговор в части осуждения Ходорковского по эпизоду передачи им денежных средств структурам группы «МОСТ» с прекращением производства по делу за отсутствием в его действиях состава преступления из-за внутренней противоречивости формулы обвинения. Тогда прокуроры одновременно пытались доказать два взаимоисключающих тезиса. Первое: имущество находилось в незаконном ведении подсудимого. Второе: оно было им растрчено, что предполагает нахождение в законном ведении этого имущества. Цитата из определения судебной коллегии по уголовным делам Московского городского суда: «Диспозиция указанной статьи (ст.160) предусматривает присвоение или растрату вверенного или находящегося в ведении лица имущества, находящегося в правомерном владении виновного, который в силу должностных обязанностей, договорных отношений или специального поручения собственника осуществляет в отношении этого имущества правомочия по распоряжению, управлению, доставке или хранению. Однако из самой формулы обвинения следует, что суд признал установленным, что указанные денежные средства находятся у Ходорковского неправомерно, поскольку получены незаконно, в том числе, в результате хищения. Однако, как следует из диспозиции ст.160 УК РФ, лицо, которое незаконно владеет каким-либо имуществом, не может его растратить. При таких обстоятельствах приговор в части осуждения Ходорковского по эпизоду передачи им денежных средств структурам «МОСТ» подлежит отмене с прекращением производства по делу из-за отсутствия в его действиях состава преступления». Конец цитаты. Сторона обвинения утверждает, что контроль над компанией «ЮКОС» изначально был получен подсудимыми преступным путем. Об этом, например, говорится на странице 31 «ппо» Ходорковского: «Ходорковский, Лебедев в 1998 году, завладев, в том числе и посредством преступных действий, большинством акций ОАО «НК «ЮКОС». Очевидно, что в этом случае невозможно присвоение какого-либо имущества как этой компании, так и ее дочерних обществ, поскольку оно никак не могло оказаться в этом случае в законном владении и ведении подсудимых. В «ппо», «оз» и выступлениях государственных обвинителей в прениях содержатся многочисленные утверждения о незаконности создания управляющих компаний и договоров о передаче полномочий исполнительного органа нефтедобывающих предприятий. Так, уважаемая прокурор Ибрагимова 18 октября сказала (цитата): «Выстраивание вертикально-интегрированной структуры управления компании «НК «ЮКОС» сторона обвинения связывает с умыслом подсудимых, направленным на создание условий для последующего хищения нефти. Передача полномочий исполнительных органов от нефтедобывающих предприятий и процедура дальнейшего управления добывающими предприятиями со стороны управляющих компаний в лице подсудимых являлось злоупотреблением правом». Конец цитаты. Между тем, доверенности на совершение сделок по купле-продаже нефти выдавались именно управляющей компанией. Если ее создание и/или передача ей полномочий исполнительного органа нефтедобывающих предприятий или дальнейшее управление ими

были незаконными, то уже в силу этого невозможно утверждать о правомерном владении либо ведении нефтью лицом, действующим на основании таких доверенностей. Следовательно, это также исключает возможность присвоения. Аналогичная ситуация с утверждением в «ппо», «оз» и выступлении государственных обвинителей о противоправном завладении подсудимыми акциями нефтедобывающих компаний, в том числе акциями ОАО «Томскнефть-ВНК», хищение акций которого является одним из эпизодов данного уголовного дела. Очевидно, что если так называемое стратегическое и оперативное управление этими коммерческими организациями, нефтедобывающими компаниями, со стороны Ходорковского и Лебедева было незаконным, то нет и не может быть правомерного владения и ведения, а, следовательно, также не может быть и присвоения. Прокурор Ибрагимов 21 октября заявила: «Ходорковский, не будучи избранными и назначенным руководителем этой нефтяной компании, не обладая по закону никакими полномочиями по ее управлению и распоряжению, незаконно присвоил себе эти полномочия». 22 октября прокурор Лахтин продолжил (цитата): «Сторона обвинения отмечает, что в судебном заседании стороной обвинения приведены доказательства, свидетельствующие о незаконности заключенных нефтедобывающими предприятиями генеральных соглашений с ОАО «НК «ЮКОС», в результате которых вся нефть, принадлежащая нефтедобывающим предприятиям, перешла в ведение подсудимых Ходорковского, Лебедева и других членов организованной группы». Конец цитаты. Во-первых, это выход за пределы предъявленного обвинения. В «ппо» таких утверждений нет, подсудимые от них в ходе судебного разбирательства не защищались. Во-вторых, если бы это утверждение прокуроров было верным, то оно также исключает законность вверения имущества, а, следовательно, и присвоения. Указанные противоречия обвинения являются неустранимыми и могут быть разрешены судом лишь постановлением оправдательного приговора. Несмотря на сказанное, защита заявляет, что заведомо ложными являются как утверждения обвинения о незаконности получения Ходорковским и Лебедевым контроля над компанией «ЮКОС» и его дочерними обществами, так и утверждения обвинения о каких бы то ни было незаконных действий по распоряжению добытой ими нефтью. Отсутствие признака обращения в свою пользу. Еще немножко. Присвоение возможно лишь при обращении чужого имущества в свою пользу. Получение экономической выгоды от торговли нефтью и нефтепродуктами группой компаний «ЮКОС» исключает присвоение. Право собственности на нефть по договорам купли-продажи переходило к «ЮКОСу» или к его торговым компаниям, а не к вымышленной организованной группе. Выручку от продажи нефти и нефтепродуктов получали не подсудимые, а ОАО «НК «ЮКОС» и его торговые компании. Фактически, сторона обвинения отождествляет ОАО «НК «ЮКОС» и его торговые компании с выдуманной ими организованной группой, а приобретение права собственности на нефть и поступление выручки от ее продажи на счета ОАО «НК «ЮКОС» и его торговых компаний приравнивает к получению прав на нефть и денежных средств самими подсудимыми. Это наглядно видно из следующих формулировок «ппо» Ходорковского. Страница 48: «Обеспечение полного и непрерывного контроля за движением похищенной продукции нефтедобывающих предприятий ОАО «НК «ЮКОС», выработанных из нее нефтепродуктов, денежных средств, полученных от реализации похищенного, учета затрат, ведения бухгалтерского учета сосредоточили в едином центре ООО «ЮКОС ФБЦ», то есть в специализированном органе бухгалтерского учета ОАО «НК «ЮКОС». Там же, следующий абзац: «Подготовка договоров, актов приемки-передачи продукции и других документов, перечисление денежных средств по системе «Банк-Клиент» осуществлялись в ОАО «НК «ЮКОС» ООО «ЮКОС Москва», ЗАО «ЮКОС ЭП» и ЗАО «ЮКОС РМ»: в дочерних управляющих организациях ОАО «НК «ЮКОС». И еще: «Управление банковскими счетами подставных компаний, на которые поступала выручка от похищенной нефти и выработанных из нее нефтепродуктов, учет движения денежных средств, вырученных от реализации похищенной нефти и нефтепродуктов, члены

организованной группы сосредоточили в управлении казначейства ООО «ЮКОС Москва». В «ппо» Ходорковского также содержится и такая замечательная формулировка: «ОАО «НК «ЮКОС» и других компаний, на которые было легализовано похищенное имущество и денежные средства» (страница 55, 3 абзац снизу). Государственные обвинители, выступая в прениях, указанные формулировки повторили. Кроме того, 18 октября уважаемый прокурор Лахтин раскрыл, что он понимает под присвоением (цитата): «Получив от имени ОАО «НК «ЮКОС» в свое распоряжение нефть от нефтедобывающих предприятий, то есть похитив ее путем присвоения, Лебедев и другие члены организованной группы распоряжались похищенным» и так далее. Достаточным основанием для такого утверждения, по мнению стороны обвинения, является подконтрольность ОАО «НК «ЮКОС» и его торговых компаний подсудимым. А подконтрольны они Ходорковскому и Лебедеву потому, что они опосредовано являются основными акционерами ОАО «НК «ЮКОС». Это и следует, в частности, из «ппо» МБХ на странице 5 (цитата): «За счет владения большинством акций компании «Group Menater Limited», являющейся материнской компанией по отношению к ОАО «НК «ЮКОС», Ходорковский являлся физическим лицом, обладающим правом на стратегическое и оперативное управление этими коммерческими организациями». И далее: «Ходорковский, Лебедев в 1998 году, завладев большинством акций ОАО «НК «ЮКОС», приобрели право на стратегическое и оперативное управление этими акционерными обществами». Однако псевдопотерпевшие, пользуясь терминологией наших процессуальных противников, были также подконтрольны подсудимым наряду с ОАО «НК «ЮКОС» и его торговыми компаниями. Сама сторона обвинения говорит об этом многократно. Например, на странице 31 «ппо» МБХ: «Ходорковский и Лебедев в 1998 году, завладев 100%-м пакетом акций дочерних данному обществу акционерных обществ, добывающих и перерабатывающих нефть, приобрели право на стратегическое и оперативное управления этими акционерными обществами». Конец цитаты. Следовательно, руководствуясь извращенной логикой наших оппонентов, следует признать, что получение выручки от экспорта нефти нефтедобывающими предприятиями все равно было бы ими квалифицировано, как присвоение, ведь они также подконтрольны подсудимым, как «ЮКОС» и торговые компании, что, конечно же, является полным абсурдом. Обвинение, признав, что российские и иностранные торговые компании, через которые реализовывались нефть и нефтепродукты, входили в холдинговую компанию «ЮКОС», а их прибыль была консолидирована в финансовой отчетности компании, разоблачили свою ложь о присвоении. Федеральная налоговая служба с привлечением к работе оперуполномоченных Главного управления по налоговым преступлениям Федеральной службы по экономическим и налоговым преступлениям МВД России по результатам многочисленных проверок «ЮКОСа», его торговых компаний и, в том числе, псевдопотерпевших, на основе изучения огромного объема документов и объяснений, указанных в актах проверок, во всех случаях пришла к выводу, что экономическую выгоду от торговли нефтью и нефтепродуктами получал ОАО «НК «ЮКОС», а выручка торговых компаний фактически являлась выручкой самого «ЮКОСа». Арбитражные суды также считают, что экономическую выгоду от торговли нефтью и нефтепродуктами получал «ЮКОС», а выручка торговых компаний фактически являлась выручкой самого «ЮКОСа». Об этом уже говорили в своих выступлениях и Михаил Борисович, и уважаемый адвокат Мирошниченко. Псевдопотерпевший, нефтяная компания «Роснефть», правопреемник «Юганскнефтегаза» и нынешний владелец других псевдопотерпевших («Самаранефтегаз», «Томскнефть-ВНК») в рамках процедуры банкротства уже добился возмещения от ОАО «НК «ЮКОС» упущенной выгоды от сделок с нефтью за 2000-2003 годы. Арбитражный суд города Москвы удовлетворил требования «Роснефти» о включении более 137 миллиардов рублей в третью очередь реестра кредиторов «НК «ЮКОС». Эти средства им были фактически получены и отражены в его консолидированной финансовой отчетности. Государственная компания

доказывала, что доходы от сделок с нефтью поступали именно в пользу ОАО «НК «ЮКОС», и суд с этим согласился. Это обстоятельство исключает возможность осуждения подсудимых за присвоение нефти. Об этом судебном решении в своих показаниях 23 сентября сего года говорил Ходорковский, и 25 марта этого же года – свидетель Ребгун. Само определение Арбитражного суда города Москвы от 12 октября 2006 года, а также несколько томов из арбитражного дела с расчетом и обоснованием требований Хамовнический суд отказался исследовать и приобщить к материалам настоящего дела. Таким образом, «Роснефть», заявив и поддерживая гражданский иск в уголовном деле, пытается получить с подсудимых те же суммы, которые уже были получены с «ЮКОСа». Этих беспринципных людей не останавливает не только возможность осуждения заведомо невиновных, но и то, что в их действиях содержатся признаки мошенничества. И последний раздел, о доказательствах. Каждое событие, а тем более, такое глобальное, как присвоение всей нефти, добытой компанией на протяжении шести лет, должно оставить в окружающем нас материальном мире массу следов. Следов в широком смысле этого слова. Если таких следов нет, в том числе, в памяти людей, то, следовательно, не было и самого события. В условиях, когда для наших процессуальных противников даже алиби подсудимого не является веским аргументом, единственным способом защиты является опровержение логических следствий, с неизбежностью вытекающих из какого-либо факта. Например, если нефть изъята безвозмездно, то у потерпевшего не могло быть прибыли, и так далее. Сторона обвинения, признавая существование промежуточных фактов, таких как сдачу всей нефти в магистральный трубопровод, получение нефти в полном объеме конечным потребителем, получение выручки, уплату налогов, наличие прибыли у добывающих, торговых компаний и у «ЮКОСа», отсутствие недостачи денег и нефти, расходование прибыли на капитальные вложения, на приобретение новых активов, на развитие социальной сферы, наконец, то, что сумма прибыли равна понесенным из нее затратам, не желает соглашаться с вытекающим отсюда выводом. Прокуроры заявляют: это ничего не доказывает, подсудимые все равно все присвоили. Спор на подобном уровне оскорбляет интеллект здравомыслящего человека. Ни один из свидетелей, даже приглашенных стороной обвинения, не сказал, что он являлся очевидцем присвоения нефти. Или даже что-то слышал об этом от других. В то же время, каждый из свидетелей, рассказывая правду об известных ему фактах, опровергал логические следствия, которые с неизбежностью должны вытекать из версии о присвоении всей нефти. Например, свидетель Хамидуллин, рассказывая о реализации нефтепродуктов через казанский филиал сбытового дочернего предприятия «ЮКОСа» и перечислении выручки не в карман Ходорковского, а в головную компанию, тем самым опровергал и предъявленное обвинение. Уголовное дело состоит из подобранных документов об обычной финансово-хозяйственной деятельности компании, которым совершенно надуманно придается криминальное значение. В деле, как уже было сказано выше, нет актов инвентаризации, документальных ревизий и отчетности по РСБУ псевдопотерпевших. Сторона обвинения считает, что договоры купли-продажи, комиссии, дополнительные соглашения к ним, акты приема-передачи партий нефти, счета-фактуры, акты сверки взаиморасчетов, платежные и другие документы – подложные, фиктивные, а отчетности самого «ЮКОСа» по РСБУ и US GAAP сфальсифицированы и недостоверны. Поскольку заключения экспертов основывались на анализе (в кавычках) «подложных и фиктивных» документов, а также (цитата) «сфальсифицированной и недостоверной бухгалтерской отчетности», то следовало бы признать, что и сами выводы экспертов в этом случае также должны быть недостоверны. Если отбросить все указанные документы, то окажется, что в уголовном деле о хищении в течение шести лет такого огромного объема нефти на такую сумму не осталось ни одного доказательства обвинения ни о характере, ни о размере якобы причиненного ущерба. Если событие преступления вымышлено, то каждое доброкачественное доказательство разрушает искусственную конструкцию обвинения. Именно поэтому в ходе

предварительного и судебного следствия сторона обвинения столь яростно препятствовала исследованию и приобщению к делу многочисленных доказательств невиновности подсудимых, допросу в суде свидетелей и специалистов. Таким образом, подводя итог сказанному, по выдуманному преступлению не установлены: предмет, способ совершения, характер, размер вреда. Доказано отсутствие таких необходимых признаков присвоения, как обращение (изъятие) чужого имущества против воли собственника, противоправность, безвозмездность, обращение в свою пользу. Наличие же признака «законность вверения» настойчиво пытается опровергнуть сама сторона обвинения. На основании изложенного, прошу уважаемый суд по данному эпизоду обвинения подсудимых оправдать за отсутствием события преступления. Надеюсь, что Вы, Ваша честь, не откажете им в правосудии. Спасибо за внимание.

Защитник Ривкин К.Е.: Ваша честь, мы просим сейчас объявить перерыв до 14.15, и после этого мы готовы продолжить, если Вы не возражаете.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: поддерживаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: поддерживаю.

Защитник Клювгант В.В.: поддерживаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: поддерживаю.

Защитник Грузд Б.Б.: поддерживаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: поддерживаю.

Защитник Сайкин Л.Р.: поддерживаю.

Защитник Купрейченко С.В.: поддерживаю.

Защитник Липцер Е.Л.: поддерживаю.

Защитник Мирошниченко А.Е.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Ривкина К.Е. удовлетворить, объявить перерыв.

Судом объявляется перерыв.

14 часов 10 минут – судебное заседание продолжено.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б. – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – явился.

Защитник Левина Е.Л. – не явилась.

Защитник Москаленко К.А. – явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – не явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – не явился.

Защитник Краснов В.Н. – не явился.

Защитник Купрейченко С.В. – явился.

Защитник Липцер Е.Л. – явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – не явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – явился.

Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б. – явилась.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.

Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.

Потерпевший Демченко В.М. – не явился.

Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Фрадкин К.Б. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.

Представитель потерпевшего Лозко В.И. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.

Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.

Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.

Свидетели – не явились.

Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.

Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.

Защитник Москаленко К.А.: не возражаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.

Защитник Купрейченко С.В.: не возражаю.

Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.

Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимов Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.

Защитник Ривкин К.Е.: Уважаемый суд, уважаемые участники процесса, уважаемые присутствующие, мне предстоит изложить суду позицию защиты относительно обвинения, предъявленного нашим подзащитным, в легализации. Наверное, после того, как мои коллеги достаточно убедительно рассказали о том, что никакого хищения нет и на самом деле не было, можно было бы сказать, что если нет предиката, то чего же говорить о легализации. Но, тем не менее, коль скоро в обвинительном заключении этот раздел остался, коль скоро очень долго (по нашим подсчетам где-то около трех дней) наши оппоненты об этом рассказывали в прениях, я, тем не менее, вынужден был об этом говорить. И оговорюсь о том, что в интересах раскрытия вопросов, связанных с этой

темой, в ряде случаев мне придется апеллировать к тому, что мои коллеги уже говорили. Итак, для опровержения заведомо ложного обвинения в легализации, вытекающего, по мнению наших оппонентов, из хищения нефти у дочерних нефтедобывающих предприятий «ЮКОСа» в гигантских размерах за шесть лет, мы, прежде всего, призовем в союзники факты, которые стали историей. За тот период времени, который обозначает обвинение (мы все знаем, это с 1998 года по 2004 год), «ЮКОС» стал одной из лучших нефтяных компаний России. Для подтверждения этой достаточно широко известной истины мы сначала планировали воспользоваться цитатой, которая здесь уже звучала у нас, из поздравления Владимира Владимировича Путина к десятилетию компании «ЮКОС». Однако после того как я поприсутствовал на прениях и послушал то, что сказали прокуроры, я пришел к выводу, что лучше, чем прокурор Лахтин, сказать о компании «ЮКОС» просто-напросто невозможно. Это слова, которые уже приводились в выступлении Михаила Борисовича, так ласкающие слух защиты, и не грех, наверное, повторить. Значит, сторона обвинения не оспаривает приобретение производственных активов «ЮКОСа», сторона обвинения не оспаривает, что часть полученных средств была направлена на капитальные вложения. И не могу удержаться, чтобы не процитировать конец этой фразы: «Поддержание производственных мощностей не противоречит предъявленному Ходорковскому и Лебедеву обвинению, а подтверждает его, так как увеличение объемов производства компании, используемых ими для личной наживы, соответствовало их корыстным стремлениям получать все большую прибыль. Выплатой дивидендов Ходорковский и Лебедев преследовали две цели: обогатиться вместе со всеми остальными и подкупить остальных акционеров растущими из года в год дивидендами». Спасибо, Валерий Алексеевич. Вряд ли эта комплементарная цитата, отрицающая какой-либо преступный умысел, нуждается в дополнительном комментировании. За время своего существования, как мы услышали здесь от свидетелей и посмотрели соответствующие документы, «ЮКОС» осваивал новые месторождения, увеличивал добычу нефти, реализовывал социальные программы, приобретал новые активы, совершенствовал корпоративную структуру, повышая эффективность и прозрачность ее работы. Соответственно, росли показатели финансово-хозяйственной деятельности группы «ЮКОС», повышались кредитные рейтинги, и, кстати, увеличивались налоговые отчисления в государственный бюджет. Доказательств сказанному в деле великое множество, но мы для начала еще раз, вслед за Ходорковским, приведем всего лишь один красноречивый документ, содержание которого говорит само за себя. Это справка, которая находится у нас в уголовном деле. И, кстати, прокурорами она тоже использовалась. Здесь есть данные о показателях валовой выручки, прибыли и выплаченных дивидендах ОАО «НК «ЮКОС» по данным консолидированной финансовой отчетности US GAAP за период с 1999 года по 2003 год. Если мы внимательно присмотримся к ее содержанию, то мы видим, что выручка за пять из шести лет, когда, согласно обвинению, была похищена вся нефть, составила огромную сумму в размере 50 миллиардов 560 миллионов долларов США, а прибыль за те же годы (которая по версии следствия, кстати, отмывалась самыми различными способами) равна ни много, ни мало – 15 миллиардов и 521 миллион долларов США. Эти показатели, исчисляемые, заметим еще раз, в миллиардах долларов США, группы компаний, входивших в холдинг «ЮКОСа», которая жила, если так можно выразиться, за счет переработки, реализации нефти, добытой дочерними нефтедобывающими предприятиями, поскольку именно они производили сырье для создания продукции, являвшейся источником доходов всей группы. Но эти предприятия по категорическому утверждению следствия дотла разворованы. Плюс, по логике обвинения, выплаты из прибыли дивидендов акционеров, о которых так якобы пекутся господа прокуроры, тоже есть форма отмывания похищенного. При этом парадокс ситуации состоит в том, что сторона обвинения, не оспаривая, по сути, ни один из натуральных или денежных показателей финансово-хозяйственной деятельности «ЮКОСа», в то же время с маниакальным упорством твердит о гигантских

по размерам хищениях нефти у его дочерних нефтедобывающих компаний, а также о легализации средств, вырученных от ее продажи. Но ведь ясно как день, что могло быть что-то одно: либо огромное, масштабное хищение, либо выручка 50 миллиардов долларов. А теперь вновь вернемся к историческим фактам. В процессе разгрома «ЮКОСа», сопровождавшегося, как известно, массовым уголовным преследованием его основных акционеров и менеджеров, а также предъявлением компании несуразных налоговых претензий, на аукционе была, хотя и по дешевке, но все-таки за 260,8 миллиардов рублей продана одна из дочек «ЮКОСа»: ОАО «Юганскнефтегаз». Покупатель этого нефтедобывающего актива, «широко известный в сфере бизнеса», конечно же, неподставная и неподконтрольная фирма «Байкал финанс групп», совершив эту же, конечно, нефиктивную сделку, быстренько продалась целиком государственной компании «Роснефть», и сейчас «Юганскнефтегаз», хочется верить, исправно служит новому хозяину. Мы напомним присутствующим эту относительно недавнюю историю исключительно для того, чтобы предложить суду задуматься над простым вопросом. Как же так? До основания разворованная компания приобретает «Роснефтью», то есть, по сути, за государственный счет, за сотни миллиардов рублей. А чуть позже вслед за «Юганскнефтегазом» с молотка ушли «Самаранефтегаз» и «Томскнефть-ВНК». Их купила та же «Роснефть», причем не совсем за бесплатно. Если вспомнить банкротные распродажи иных активов «ЮКОСа», обстоятельства которых почему-то напрочь вылетели из головы у их организатора господина Ребгуна на нашем процессе (он давал здесь показания, напомним, два дня), то получается, что компании, которые обвинение называет подставными и клеймит как орудия легализации, расхватывались там, как горячие пирожки. К примеру, были успешно распроданы хорошо нам известные по обвинительному заключению и выступлениям прокуроров российские и зарубежные компании, в частности, «ЮКОС Экспорт Трейд», «ЮКОС Инвест», «Нефтемаркет», «YUKOS Invest Limited», «ЮКОС СНГ Инвестмент», «YUKOS Finance B.V.», «ЮКОС-М», «Ю-Мордовия», «ЮКОС Восток Трейд». А в целом, в результате банкротства до доньшка обворованной в течение шести лет компании и при всех дружественных продажах в пользу правильных покупателей им выручено еще 30 миллиардов долларов. Это как? Наверное, все же что-то здесь неладно, иначе придется предположить страшное: госкомпания «Роснефть» скупала краденное, акционеры «ЮКОСа», включая государство, ежегодно получали отмытые дивиденды, а конкурсный управляющий господин Ребгун занимался, если говорить термином обвинительного заключения, дальнейшей легализацией. Теперь от новейшей истории перейдем к крайне важным для нас вопросам корпоративного устройства «ЮКОСа». И это лишний раз, я надеюсь, нам поможет убедиться в несостоятельности наших оппонентов приписывать Ходорковскому и Лебедеву какую-либо криминальную легализацию. В этой связи, прежде всего, следует сказать, что изучение обвинительного заключения приводит к выводу, что следствие в нем достаточно подробно описывает функционирование «ЮКОСа», являющегося ВИНКом, то есть вертикально-интегрированной нефтяной компанией, в котором применение метода вертикальной интеграции обуславливает назначение подчиненной единому управлению структуры. При этом обвинение намеренно отказывается воспринимать ВИНК «ЮКОС» как единый хозяйствующий субъект, искусственно разрывая его на части, противопоставляя эти части и криминализируя их и взаимоотношения между ними. Неразрывную с точки зрения целей единого производственно-хозяйственного процесса деятельность ВИНК «ЮКОС» обвинение расценивает как два взаимосвязанных состава преступления, то есть хищение (приобретение у дочек добытой ими нефти) и легализацию (это цепочка сделок и финансовых операций с вырученными от продажи нефти деньгами, преимущественно в пределах периметра консолидации «ЮКОСа»). Защита утверждает, что именно в этом и заключается одна из основных фальсификаций в этом насквозь фальшивом деле. Вопреки показаниям выступавших на суде, в том числе, бывшего первого заместителя Министра

госимущества Российской Федерации, Министра экономики Российской Федерации Грефа, Министра промышленности и торговли Христенко, бывших сотрудников «ЮКОСа» Василадиса, Иваненко, Тяна, Гильманова, Анисимова, специалиста Хона и многих других, а точнее просто всех, кто отвечал на соответственно поставленный вопрос о том, что вертикальная интеграция и ее неотъемлемая часть, трансфертное ценообразование – это законная, эффективная и общераспространенная бизнес-практика; наконец, вопреки представленным суду документам, в том числе, Указу Президента Российской Федерации, свидетельствующего о том, что «ЮКОС» изначально задолго до Ходорковского создан именно как вертикально-интегрированный холдинг с подчинением дочерних компаний основной, обвинение по-прежнему стоит на порочной позиции заведомо противозаконной и бесосновательной оценки легальной деятельности крупнейшей российской компании «ЮКОС» в терминах Уголовного кодекса Российской Федерации, при этом попутно извращая показания одних свидетелей и обильно измазывая грязью других. В результате такого подхода сделки купли-продажи квалифицируются как хищение, персонал «ЮКОСа», включая руководителей и менеджеров среднего звена, так или иначе, причисляется к организованной преступной группе, а в получении прибыли усматривается корыстная цель и незаконное обогащение. Все это, по мнению обвинения, имело место в компании, о деятельности которой компетентные люди говорят по-другому, я цитирую: «За тот период времени, за который я анализировал материалы, «ЮКОС» получал выручку от продажи нефти и газа, оплачивал операционные расходы в миллиарды долларов, платил налоги, опять же, на миллиарды долларов, тратил миллиарды долларов на капитальные расходы, выплату дивидендов и покупку акций, тратил миллиарды долларов на развитие дочерних компаний за счет инвестиций и приобретений и располагал миллиардами долларов наличных денежных средств, размещенных на его счетах». Из показаний здесь, в суде, специалиста Уэса Хона 31 мая 2010 года. О совершенно законной деятельности ОАО «НК «ЮКОС» и его руководителей на процессе давали подробные показания многие свидетели, включая тех, кого необоснованно причислили к свидетелям обвинения. Они, к примеру, рассказывали о том, что торговля нефтью и нефтепродуктами, в том числе на экспорт, осуществлялась в обычном для нефтяных компаний порядке, претензий по внешнеторговым контрактам не было, надлежаще велся бухгалтерский учет. Это свидетели Ползик, Рудой, Нестеров, Тян, Тимошенко, Арефьева. О правильном составлении консолидированной отчетности сообщили свидетели Золотарев и Узорников. Об успешном функционировании дочерних нефтедобывающих предприятий «ЮКОСа» – Гильманов, Анисимов, Филимонов. Далее нам поможет разобраться в сути вопроса общедоступное всем желающим решение коллеги Счетной Палаты Российской Федерации от 17 сентября 2004 года №29, где сказано (цитата): «По своей структуре группы предприятий «ЛУКОЙЛ», «ЮКОС» и «Сибнефть» являются вертикально-интегрированными нефтяными компаниями (ВИНКи)». Здесь я прошу обратить особое внимание на следующую фразу: «Основой финансово-хозяйственной деятельности ВИНК является применение внутрикорпоративных (трансфертных) цен, позволяющим головным компаниям перераспределять с целью минимизации налогообложения финансовые потоки между хозяйствующими субъектами, входящими в их структуру. Причем трансфертные цены применяются нефтяными компаниями как в случае приобретения нефти у дочерних добывающих предприятий, так и в случае реализации нефти на экспорт». Заметим, что Счетная Палата Российской Федерации, основной задачей которой является выявление фактов нарушения закона, опубликовав итоги своей проверки уже после того, как свыше года государственные органы вели массированную атаку на «ЮКОС», ни словом не обмолвилась о каких-либо обнаруженных ею хищениях, а тем более легализации преступных доходов. Видимо, хорошо известную в экономической деятельности практику использования трансфертных цен пришлось в голову криминализовать только организованной прокурорской группе (ОПГ) известных всем нам товарищей, чьи фамилии

не раз произносились на этом процессе, и только с одной понятной целью: заведомо незаконного преследования наших подзащитных. При этом присутствующий здесь прокурор Лахтин недавно договорился до того, что в прениях заявил в упрек нашим подзащитным, будто бы «ЮКОС» применял не трансфертные, а внутрикорпоративные цены, хотя по своей сути эти термины являются однозначными, что ясно следует из цитаты Счетной Палаты. Вынужден огорчить неудавшегося трактователя экономических понятий, явно не понимающего их сути: факт применения «ЮКОСом» трансфертных или, по-другому, корпоративных цен признали не только Счетная Палата, но и налоговые органы в своих актах по проверке нефтяной компании, на которые есть целый ряд ссылок в обвинительном заключении в нашем деле, также прокуроры Смирнов и Ибрагимова, которые выступали в прениях. И, наверное, совсем огорчу прокурора Лахтина, поскольку его опровергает составивший обвинительное заключение руководитель следственной бригады государственный советник юстиции третьего класса Алышев, который в томе 188 на страничке 32-89 сообщает для, видимо, менее грамотных чинов, низших по званию, о применении «ЮКОСом» именно трансфертных цен. Несмотря на это, прокуроры в прениях фальсифицировали и умышленно исказили смысл сказанного о трансфертном ценообразовании свидетелями Христенко, Грефом и Касьяновым, а также специалистом Хоном. На самом деле, ни один из них не говорил, что трансфертное ценообразование противоречит закону, это просто-напросто ложь. Единственный, кто сделал подобное открытие – это свидетель обвинения и многоразового использования господин Рыбин. Напомню его слова, радостно процитированные государственными обвинителями: «Внутрикорпоративные цены – это криминал в случае подсудимых, а в любом случае – это не криминал». Последовавший затем хохот в зале помнят, наверное, все присутствующие. Что это, как не доказательство уголовного преследования наших подзащитных по мотивам, находящимся за пределами закона? Помимо сказанного, отметим, что как раздел обвинения, так и выступления прокуроров, посвященные как хищению нефти, так и легализации, изобилуют порочной правовой логикой, необъяснимыми противоречиями и так же, как все дело в целом, подтасовкой фактов. Ваша честь, мой коллега Борис Борисович Грузд уже сообщил суду, что в результате чудесных корректировок обвинения, стоимость похищенного в 2003 году увеличилась всего-навсего без малого на 57 миллиардов рублей. Я, к сожалению, вынужден продолжить портить Вам настроение, поскольку это не все. Добавляю, что за 2002 год соответствующий показатель возрос, хотя и несколько поскромней, всего-навсего на 1,2 миллиардов рублей, копейки я упускаю, это нетрудно посчитать. И все это при трехкратном заверении прокуроров, что они тем самым никак не нарушают положение наших подзащитных. Что же в итоге получается? Старая методика подсчета якобы похищенного отвергнута прокурорами как несостоятельная, а результаты новой недопустимы по причине противоречия закону. Я повторяюсь, поскольку мы теперь постепенно перейдем к подобного рода проблемам с так называемой легализацией. Простой пример, на который мы также хотим особо обратить внимание суда. В начале прений прокурор Ибрагимова заявила об изменении обвинения (я, если позволите, хвостики цифр буду убирать, понятно, о чем речь идет) за 1999 год в сторону уменьшения объема хищения, которое теперь должно составить всего-навсего 43,5 миллиона тонн на сумму 131 миллиард с лишним рублей. Однако такое счастье длилось недолго, и уже 18 октября 2010 года прокурор Лахтин, доводя до нас свои глубокие мысли по поводу легализаций, опроверг свою коллегу, и вновь озвучил прежнюю цифру якобы похищенного в 1999 году. Я напомню, 62 миллиона тонн на сумму 191 миллиард рублей. Теперь, видимо, суду предстоит решить, по какому принципу выбрать прокурора, которому стоит верить: по должности, половозрастным характеристикам, росту или, может быть, по жребию. Здесь, пользуясь случаем, хочу обратить внимание суда еще на одну головоломку, которая нам предлагается для разрешения. Как все мы теперь знаем, оппоненты заявили об изменении ранее предъявленного нашим доверителям обвинения, в

том числе за счет исключения из эпизода хищения нефти указаний на присвоение нефтепродуктов (я надеюсь, это все помнят), а также, исходя из нового принципа подсчета размера якобы украденного, объемов нефти, реализованных на внутреннем рынке. Я не знаю, надо мне это пояснять или не надо, поскольку они считают на таможенной границе, то внутренний рынок автоматически должен уходить. Так вот, после того, как прокуроры ни на копейку не поменяли размеры якобы легализованного, и во всех их выступлениях в прениях на эту тему по-прежнему фигурируют как сделки с нефтепродуктами, так и поставки на внутренний рынок, вновь встает вопрос, кому из обвинителей в какой части надлежит верить. То есть они «скостили нам», спасибо им большое, объем по нефти в хищениях, а в легализации (я так подозреваю, двух недель им не хватило), там все осталось по-прежнему. И с точки зрения методики, и с точки зрения объема. Так что, Ваша честь, мы Вас хотим с этим немножко поздравить. Однако и на этом дело не закончилось. Я, извините, продолжу Вам портить настроение. Хотим довести до суда еще один ребус, который ему предстоит решить в совещательной комнате. Здесь также пойдет речь об уже упоминавшемся дуэте Ибрагимов-Лахтин. Выступая в прениях, прокурор Ибрагимов 15 октября сообщила, что в 1998 году на основании фиктивных, по ее мнению, договоров у «Томскнефть-ВНК» было похищено нефти всего в размере 199 тысяч 506 тонн. Однако ее коллега Лахтин установил, видимо, после отдыха в выходные дни, поскольку это происходило 18 октября того же, рассказывая присутствующим о легализации, поведал, что в том же 1998 году по договорам с «Томскнефтью» (я напоминаю цифру: 199 тысяч тонн), вот теперь прокурор Лахтин входит на трибуну и рассказывает нам, что в 1998 году по договорам с «Томскнефтью» было реализовано сначала 531 тысяча тонн нефти. Значит, украли, по словам Ибрагимовой, 199, Лахтин сначала говорит, что было реализовано, то бишь легализовано (реализовано в рамках легализации) 531 тысяча тонн, затем еще 51 тысяча тонн, а потом еще 60 тысяч тонн «томскнефтехских». Теперь суду предстоит определить, каким чудесным образом, похитив 199 тысяч тонн нефти, можно легализовать 642 тысячи тонн нефти. Но мы не станем проявлять очевидное неуважение к суду, как это сделали наши оппоненты, приоткроем завесу над применявшимися следователями методиками фальсификации доказательства. В деле зафиксировано, что 199 тысяч тонн было приобретено ОАО «НК «ЮКОС» у «Томскнефть-ВНК» на основании генерального соглашения от 04 ноября 1998 года. Прокуроры открывают свое собственное обвинительное заключение, смотрят страничку 1769, это все очень просто. После этого они открывают странички 1830-1831 и видят, что касается приобретения у «Томскнефти» 642 тысяч тонн – это совершенно иные сделки, в котором ОАО «НК «ЮКОС» выступило лишь комиссионером. Таким образом, господа прокуроры предлагают нам сейчас защищаться, извините, от бредового обвинения, согласно которому 199 тысяч 506 тонн нефти было похищено, но не легализовано, и напротив, 642 тысячи тонн нефти были легализованы, но зато подзащитные наши забыли их похитить. Хотелось бы пожелать суду успеха в решении этой заведомо неразрешимой правовой головоломки, созданной командой обвинителей. Здесь же следует отметить еще один перл, что согласно откровениям, содержащимся в обвинительном заключении, передача нефти на нефтеперерабатывающие заводы для выработки из нее нефтепродуктов в понимании обвинения тоже является легализацией. И здесь я привожу страницы обвинительного заключения. Полагаем, однако, что все интеллигентные люди, а тем более такие, как прокурор Лахтин, гордящиеся своим хорошим высшим образованием, понимают, что сама по себе нефть представляет интерес лишь как сырье для выработки из нее нефтепродуктов, которые становятся предметом потребления. Причем в нашем случае поставки на ПНЗ совершались, с подтверждения обвинительного заключения и прокуроров, самими потерпевшими. При обозначенных обстоятельствах утверждение обвинения, что переработка нефти в нефтепродукты – это ее преступная легализация, при всем стремлении изобретателей такого подхода к интеллигентности трудно назвать иначе, как запредельной глупостью. К тому же,

говорить об операциях с нефтепродуктами как о легализации при предикатном обвинении хищения нефти означает подменять предмет легализации, что и без того успешно сделано нашими противниками. Согласно обвинительному заключению, похищена нефть, а отмываются деньги от ее продажи. Далее следует сказать о том, что анализ собранных следствием и названных уголовным делом сомнительных материалов убедительно свидетельствует, что предметом, если так можно выразиться, криминального негодования стороны обвинения является порядок распределения в «ЮКОСе» прибыли от продажи нефти. И даже внесение в обвинение сумбурных изменений мало повлияло на ситуацию. Но если предмет противоправного в понимании деяния либо нескольких совокупных деяний – это все же прибыль от реализации нефти и нефтепродуктов, то в силу положений уголовного закона здесь, естественно, не может быть никакого хищения этой нефти, и вытекающей из него легализации. И в любом случае, вопрос о том, как ВИНК «ЮКОС» распоряжался своей прибылью, не входит в компетенцию органов уголовного преследования, как и иных государственных органов, не обладающих правом оценивать экономическую целесообразность решений, принимаемых в сфере бизнеса субъектами предпринимательской деятельности. Кстати, должен обратить внимание присутствующих, что до 2003 года это понимала даже Генеральная прокуратура Российской Федерации, что нашло отражение в одном из ее документов, направленных на имя тогдашнего Президента Российской Федерации, копия которого приобщена к нашему делу. Это имеется в виду том 170 л.д. со 181 по 184: письмо Генерального прокурора Устинова от четвертого 2003 на имя Президента Российской Федерации Путина по теме «Продажа ОАО «Апатит». Интересующиеся могут там посмотреть. Но поскольку выступления в прениях представителей стороны обвинения вновь показали, что они по-прежнему не желают действовать в русле закона и продолжают размахивать Уголовным кодексом, как дубиной, с целью расправы над нашими подзащитными, то мы постараемся продемонстрировать, как сама корпоративная структура «ЮКОСа» выступает в защиту Ходорковского и Лебедева против обвинений в легализации, обусловленной якобы совершенным присвоением нефти. 12 августа 2010 года в суде Стив Уилсон, ранее работавший начальником международного налогового управления в «НК «ЮКОС», доступно объяснил невозможность совершения в «ЮКОСе» каких-либо масштабных хищений с последующей легализацией. Первая цитата из его выступления: «Ни обвинение в хищении, ни обвинение в отмывании и легализации не имеет никакого смысла в свете моих знаний и моего опыта работы с «ЮКОСом» и в «ЮКОСе», и того, что я знаю о «ЮКОСе». Целью структуры, о которой мы говорили, было установление контроля со стороны «НК «ЮКОС» над всеми поступлениями. В рамках той структуры, которая мне известна, я не усматриваю никаких возможностей для хищения как физических объемов нефти, так и выручки от продажи нефти. И поскольку я в результате этого не могу понять, откуда берутся незаконно полученные средства, каким образом незаконно полученные средства формируются, я, соответственно, не могу и понять, как можно утверждать, что имело место отмывание или легализация незаконно полученных средств». Вторая цитата того же свидетеля, реакция на приведенный ему фрагмент обвинительного заключения: «Здесь много слов», – говорит свидетель, – «которых я не понимаю. Если деньги двигались в пределах группы четко, прозрачно, и при этом это было проверено аудиторами, то тогда я не могу понять, как после этого процесса есть какая-то, вообще, необходимость отмывать или легализовывать эти денежные средства. Ведь ничего незаконного не произошло. Есть и другие слова: «выводя из структуры компании «ЮКОС». Это невозможно. Никаких возможностей извлекать денежные средства, выводить денежные средства из-под «ЮКОСа» не было». Постараемся проиллюстрировать мысль Стивена Уилсона на примерах с конкретными юридическими лицами, деятельность которых обвинение связывает с так называемыми легализационными сделками и, прежде всего, продажей нефти. Мы видим те самые периоды, за которые вменяется хищение нефти, и, по сути дела, где-то на этом уровне у

нас хищение заканчивается, и дальше идет легализация. Здесь, соответственно, иностранные участники, и несколько выше – российские. Черта проведена – 1998-1999 год, поскольку, как Вы понимаете, там менялась некая схема. И сейчас мы для начала поговорим о левой части этой схемы. О компаниях «Behles», «Baltic», «South», с оговоркой о том, что в части обвинения в хищении, касаясь легализации, здесь истек срок давности, поскольку речь идет о событиях 1998-1999 годов. Поскольку об этом тут много говорится и особенно в привязке почему-то к «PricewaterhouseCoopers», мы тоже несколько слов скажем. Итак, в этом случае речь идет о создании, использовании и совершенствовании каналов продажи нефти на экспорт компанией «ЮКОС». Здесь главное, что нет никаких целей легализации (не скрывались источники происхождения нефти, применявшиеся цены, задействованные фирмы и привлеченные лица, и так далее), правомерный вид у купленной нефти как был, так и оставался, и полностью соответствовал действительности. Источники ее происхождения ни от кого не скрывались и не менялись, поскольку это было ненужно и невозможно. О самой сути и экономической обоснованности привлечения к экспортным поставкам «ЮКОСа» компаний «Behles», «Baltic» и «South» на процессе много говорилось, в том числе, в показаниях Ходорковского и Лебедева, и нет необходимости это повторять. Существенно, наверное, то, что из обвинительного заключения прямо следует, что криминальную цель легализации следствие усматривает в якобы имевшем месте сокрытия Ходорковским и Лебедевым подконтрольности им указанных трех компаний. Сравним с диспозицией ст.174.1 УК РФ. Таким образом, само обвинение констатирует, что имеют место разногласия при определении характера взаимоотношений трех указанных компаний с ОАО «НК «ЮКОС», а вовсе не проблема придания правомерного вида каким-либо сделкам или финансовым операциям. Между тем, ситуация с «Behles», с «Baltic», с «South», действительно, была предметом длительного обсуждения с представителями аудиторской компании «PricewaterhouseCoopers», что никто и не отрицает. Материалами дела доказано, что все обстоятельства хозяйственных отношений «ЮКОСа» с этими фирмами аудиторами досконально изучались, вплоть до выезда на места их регистрации (предлагаю вспомнить показания сотрудника «PricewaterhouseCoopers» свидетеля Зайцева от 11 марта этого года). И никаких фактов искажения сути операций, придания какого-либо иного вида или сокрытия источников происхождения нефти обнаружено не было. Из имеющейся в деле отчетности данных фирм с указанием структуры их владения прямо следует, что, вопреки заведомо ложным утверждениям в обвинительном заключении, не раз повторенным в суде прокурором Лахтиным, никакого юридически значимого отношения наши подзащитные к ним не имеют, и на это обстоятельство Лебедев особо обращал внимание в своих показаниях. Напомню также, что им же, то есть Лебедевым, было уделено достаточное время в своих дополнительных показаниях 24 сентября 2010 года рассказу о различных подходах к инициированной «Pricewaterhouse» проблеме. Но нам следует четко понимать, что вопрос о характере взаимоотношений «ЮКОСа» с нефтетрейдерами, в данном случае, имеет значение только и исключительно для целей аудирования и составления консолидированной отчетности, но никак не для уголовно-правовой квалификации чьих-либо действий. При таких обстоятельствах говорить о какой-либо легализации нет ни малейших оснований, скорее, наоборот, установленный судебным следствием факт того, что сделки с участием «Behles Petroleum», «Baltic Petroleum» и «South Petroleum» осуществлялись по рыночным ценам, а выручку получал «ЮКОС», говорит, в первую очередь, об отсутствии какого-либо хищения, а вслед за этим – и об отсутствии легализации. Я напомню показания Михаила Борисовича Ходорковского в ходе судебного следствия: «В материалах дела имеются отчетности компании «PricewaterhouseCoopers», к слову, не отозванные, где они исследует цены сделок между «ЮКОСом» и «Baltic», «Behles» и «South» и подтверждают, что никаких признаков того, что цены каким-либо образом отклонялись от тех, которые могли быть установлены независимыми сторонами, ими не обнаружено. И сторона обвинения не

обнаружила. Во всяком случае, описания вменяемых мне лично криминальных действий нет». И, кстати, утверждения о хищениях с участием этих трех компаний опровергают и сами обвинители. Это хорошо видно из представляемого для обозрения слайда с цитатами из обвинительного заключения и выступлений в прениях прокурора Лахтина. Вот очень хорошо сказано: «Умышленные действия Лебедева при установлении цен, чтобы цена продажи нефти ОАО «НК «ЮКОС» на таможне была чуть выше средних других российских компаний». Очаровательно. Вот Вам и хищение. При этом очевидно, что никакого уголовно-правового значения не имеет, что сначала до 2000 года для экспорта «ЮКОСом» использовались одни компании, являвшиеся постоянными торговыми партнерами, с которыми был наработан большой опыт таких сделок, а потом «ЮКОС» пожелал иметь свои собственные фирмы-трейдеры, что хорошо видно на слайде, где отражена ситуация с продажей нефти в период с 2000 по 2003 год. Обращаю особое внимание на то, что зеленым закрашено – это те самые структуры, которые входят в период консолидации «ЮКОСа». То есть что у нас получается? Дочки «юкосовские», покупатели «юкосовские», перепродавцы тоже «юкосовские», как в пределах Российской Федерации, так и за ее пределами. Вот Вам и хищение, вот Вам и легализация. Если подробнее, здесь на первом месте стоят организации, которые в целях минимизации налогов действовали в зонах льготного налогообложения. Наша задача – показать, какое они имели отношение к «ЮКОСу». Я постараюсь коротко, поскольку об этом коллеги уже говорили. В отдельную группу следствие и гособвинители выделяют компании, функционировавшие в ЗАТО городов Лесное и Трехгорный, они известны: «Форест-Ойл», «Вальд-Ойл», тут далеко не все приведены для упрощения схемы. Однако утверждения обвинения об их легализационной направленности опровергаются, прежде всего, преюдициально значимыми судебными актами в этом плане: приговором Мещанского суда города Москвы, арбитражными решениями по налоговым взысканиям с «ЮКОСа», где говорится о том, что они учреждались и функционировали исключительно с целью уклонения от уплаты налогов. Никаких хищений и легализаций там нет. А в решении Арбитражного суда города Москвы от 26 мая 2004 года, где анализировалась деятельность таких организация, как «Ю-Мордовия», «ЮКОС-М», «Альта-Трейд» и ряд других, содержится и вовсе убийственный для обвинения категорический вывод, который звучит в отношении этих компаний так: «Судом установлено, что собственником нефти и нефтепродуктов являлось ОАО «НК «ЮКОС». Практически такое же однозначное утверждение содержится и в решениях Арбитражного суда Москва от 23 декабря 2004 года и 28 апреля 2005 года, я особо подчеркиваю, все эти три решения есть у нас в уголовном деле. Теперь эти цитаты мы можем сравнить с тем, что сказала прокурор Ибрагимова 22.10.2010 года. Я честно скажу, когда я в расшифровке это прочитал, я трижды попросил помощника аудиозапись прослушать, я не поверил своим ушам. Он мне подтвердил, что все было именно так: «В решениях арбитражных судов города Москвы отсутствуют утверждения о том, нефть была собственностью ОАО «НК «ЮКОС». Кто-то из нас, наверное, чего-то здесь не понимает. Суд говорит, что им установлено, что собственником нефти и нефтепродуктов являлось ОАО «НК «ЮКОС», прокурор говорит абсолютно противоположное. Особую пикантность этой ситуации, на мой взгляд, придает заявление прокурора Лахтина, который 22.06.2010 года сказал: «Прокурор лгать не может». По аудиозаписи цитирую: «Смех в зале». «Он поддерживает обвинение по данному уголовному делу». На наш взгляд, данный пример является очень хорошей иллюстрацией того, как в основу обвинений Ходорковского и Лебедева кладется ложь, которую нельзя определить иначе, как беспардонную. Думаю, что столь дорогой сердцу прокурора Ибрагимовой Хуан от стыда съел бы свое сомбреро, если бы его уличили в подобном вранье. Совершенно очевидно, что при таких обстоятельствах, констатированных даже несколькими вступившими в силу судебными решениями, имеющими по статусу силу закона, способы распоряжения правомочным собственником своей нефтью и нефтепродуктами, и вырученными от их продажи деньгами не могут

являться не только легализацией, но и в целом предметом нездорового интереса со стороны следственно-прокурорских органов. Кстати, мы не можем не доставить себе удовольствия в том, чтобы в подтверждение тезиса о наличии правомочий собственника привести дословную цитату из выступлений гособвинителей в прениях. Она уже, кстати, приводилась. 22 октября 2010 года прокурор Ибрагимов, видимо, пытаясь загладить свою вину за вышеприведенный обман участников процесса, сделала признание, которое вбивает, на наш взгляд, «последний гвоздь в крышку гроба» насквозь фальшивого обвинения. Вслушаемся в музыку этих слов, уже звучавших в зале суда. «Надо иметь в виду, что ОАО «НК «ЮКОС», общества «Юганскнефтегаз», «Самаранефтегаз», «Томскнефть-ВНК», «Бизнес-Ойл», «Митра», «Вальд-Ойл», «Форест-Ойл», «Нортекс», «Кверкус», «Грейс», «Виртус», «Мускрон» и другие юридические лица, через которые возглавляемая Ходорковским организованная группа перемещала и средства, добытые преступным путем, как юридические лица, были добросовестными приобретателями этого имущества». За это уже огромное спасибо, просто готовы простить все, но тут и дальше прокуроры идут и «подливают тут меда нам в бутылку». «Исходя из принципов, заложенных в Конвенции о защите прав человека и основных свобод» (что они знают, оказывается) «ст.1 протокола 1 в редакции протокола 11» (Елене Львовне стыдно, наверное, будет, не знает, наверное) «Конституции Российской Федерации (ст.ст.71, 76) указанные юридические лица, как добросовестные приобретатели, имели все предусмотренные законом права на имущество и обязаны были выполнять все возложенные законом обязательства, в том числе оплачивать предусмотренные законом налоги. Таким образом, получается, что, несмотря на все потуги обвинения, оно же вынуждено признать, что сначала ОАО «НК «ЮКОС», а затем и его операционные компании совершенно законно покупали нефть у нефтедобывающих «дочек» и были при этом добросовестными приобретателями. Это еще одно доказательство отсутствия как хищения, так и легализации. Для выяснения целей деятельности другой группы компаний мы призовем на помощь приговор Басманного районного суда Москвы от 01 марта в 2007 года, оговорившись перед этим в дополнение к сказанному коллегой Мирошниченко, что своей корректировкой обвинения в хищении нефти в 2001-2003 году госпрокуроры свели его выгодную для них преюдициальную значимость к нулю. Я просто напомним, там была та самая методика использована, которую мы сейчас опорочили в нашем процессе. В то же время в этом приговоре констатируется, что взаимосвязанность и зависимость «Ратибор», «Энерготрейд», «Ю-Мордовия», «Фаргойл», «Эвойл» и целого ряда других структур от ОАО «НК «ЮКОС» установлена исследованными в ходе судебного разбирательства копиями решений Арбитражного суда города Москвы. Сошлемся на сами эти решения, вот они здесь, Алексей Евгеньевич сегодня подробно на эту тему рассказывал. Обращаясь к тому же приговору Басманного суда в отношении Малаховского и Переверзина, можно с уверенностью сказать, что никакого намерения скрывать что-либо, а значит, легализовывать, здесь также не прослеживается. О том, что учреждавшиеся в ЗАТО организации работали на «ЮКОС» и это ни от кого не скрывалось, подтвердили на суде свидетели Крайнов, Коношенко и ряд других. К такому же выводу приводит и имеющаяся в деле справка, составленная сотрудниками «ПрайсвотерхаусКуперс», где указаны российские компании, показатели которых включены в консолидированную финансовую отчетность ОАО «НК «ЮКОС», причем, среди них хорошо известные нам по обвинительному заключению, закрепленные как орудия легализации (здесь достаточно много. Я думаю, этот документ все помнят, он оглашался), в том числе, вызывающие особо нездоровый интерес у обвинения «Ратибор», «Фаргойл» и «Ю-Мордовия». Можно сослаться также и на решение совета директоров ОАО «НК «ЮКОС» об учреждении компании «Нефтетрейд-2000» и «Нефтемаркет-2000», «Ю-Мордовия», «ЮКОС-М», а также на ряд других документов. Очевидно, что «ЮКОС» был, говоря не вполне юридическим, но достаточно понятным языком, хозяином компаний, которые активно использовал в своих бизнес-интересах. В этом не было

никакого секрета, и арбитражные суды лишь зафиксировали статус-кво, говоря о (цитата) «специально созданных организациях, зависимых от ОАО «НК «ЮКОС». Хотя эти суды, преследуя цель максимизировать налоговые начисления «ЮКОСа», пошли еще дальше, сделав смелый правовой вывод о том, что собственником реализуемой действующих в зонах льготного налогообложения организаций нефти и нефтепродуктов являлся ОАО «НК «ЮКОС». Что ж, в данном случае мы исходим из того, что это судебное решение. Из предыдущего раздела нашего повествования следует, что «ЮКОС», приобретавший нефть у своих дочерних нефтедобывающих предприятий, то бишь потерпевших, был еще и собственником нефти и нефтепродуктов, попадавших так называемым операционным компаниям. Это утверждение, основанное на незаконно отвергаемых прокурорами решениях арбитражных судов, напрочь разбивает выдумки обвинения о существовании неких фиктивных договоров, которые лежали в основе движения нефти. Нетрудно догадаться, что собственник не может стать таковым по фиктивному договору просто потому, что он тогда бы не стал собственником. Нет и не может быть такого способа возникновения права собственности по фиктивному договору. А затем уже мы можем сделать вывод, что, как собственник, «ЮКОС» мог владеть, пользоваться и распоряжаться своим имуществом, не спрашивая разрешения у прокуроров, что он и делал, осуществляя выгодные ему сделки с иностранными фирмами, о которых мы поговорим далее. Итак, следующим звеном в реализации продукции нефтедобывающих дочек «ЮКОСа» стоят кипрские компании «Routhenhold», «Pronet», принадлежность которых к «ЮКОСу» также доказана и не вызывает никаких сомнений. О том, что «Routhenhold», «Pronet», а также «Petroval» являлись дочерними компаниями «ЮКОСа», сообщили суду свидетели Переверзин и Уилсон. Их консолидированность с «ЮКОСом» также отражена в справке «ПрайсвотерхаусКуперс», которая была направлена в Генеральную прокуратуру Российской Федерации. В свою очередь, и в приговоре Басманного суда приведен вывод о том, что создавались и действовали «Pronet» и «Routhenhold» исключительно в интересах ОАО «НК «ЮКОС». Причем, показатели обеих этих компаний за 2000, 2001, 2002 год были включены в консолидированную финансовую отчетность ОАО «НК «ЮКОС», что подтверждает то, что Переверзин на эту тему говорил совершенно верно. Вот мы видим внизу эти самые компании в этой схеме. Главное, что во всех случаях использования нефтрейдеров двигателем этих торговых механизмов и выгодоприобретателем от их деятельности был «ЮКОС». Иными словами, операции с участием этих компаний производились в интересах всей корпоративной структуры. Во всех ситуациях это были реальные фирмы, а не подставные, и к тому же являвшиеся добросовестными приобретателями, как нам любезно подсказали прокуроры. Просто представители стороны обвинения преследуют свои незаконные цели, и поэтому навешивают на них криминальные ярлыки. И поскольку сторона защиты, включая Ходорковского и Лебедева, не является для них авторитетом, может быть, они прислушаются к разъяснению, которое дал в суде Министр промышленности и торговли Российской Федерации Виктор Христенко 22 июня этого года. Я напоминаю. Прокурор Смирнов: «Правильно ли я Вас понял, под трейдерами Вы понимали такие организации, которые, в общем-то, хозяйственной деятельностью не занимались, а занимались только куплей-перепродажей?» Свидетель Христенко: «Я бы не назвал это нехозяйственной деятельностью. Это, в общем, деятельность, которая тоже достаточно, скажем так, хлопотная, поскольку эта услуга связана с большими сложностями профессиональными, работой со страховыми, финансовыми структурами и так далее. И как любая услуга, это тоже, в общем, стоит денег. Но это не производственно-технологическая в смысле промышленности деятельность, но не менее нужная и уважаемая». К сказанному Министром трудно что-либо добавить, кроме, пожалуй, одного. Все эти дремучие антиправовые эксперименты наших противников имеют отношение к чему угодно, кроме выдуманной преступной легализации якобы полученного в результате совершения преступления. Далее следует рассмотреть ту часть зарубежного сегмента «ЮКОСа»,

который, помимо продажи нефти и нефтепродуктов, занимался аккумулярованием и распределением денежных средств, представлявших собой прибыль ВИНК «ЮКОСа». Цели создания и использования компаний «ЮКОСа» за пределами Российской Федерации подробнее других раскрыли в своих выступлениях уже упоминавшиеся нами свидетели: Уилсон, а также свидетель Узорников. Они убедительно рассказали, для чего создавалась зарубежная часть структуры «ЮКОСа», включая такие фирмы, как «Yukos Finance B.V.», «Yukos International UK B.V.», «Brill Management», «Pronet», «Routhenhold», «ЮКОС Армения» и ряд других, которым следствие приписывает участие в легализационных операциях. Напомню, что часть таких организаций выполняла торговые функции, другие имели статус казначейских компаний, на третьи (холдингового типа) возлагалось осуществление стратегических инвестиций. Крайне существенно, что эти компании, деятельность которых названа легализацией, входили в периметр консолидации «ЮКОСа», о чем я уже говорил, и это никем не скрывалось, как и характер их работы. Каких-либо претензий со стороны государственных органов в странах, где они зарегистрированы, к ним не поступало. Напомню, что, отвечая на вопросы Лебедева, Уилсон подтвердил, что никаких претензий от налоговых органов таких стран как Люксембург, Нидерланды, Швейцария, Кипр по поводу функционирования на их территории компаний «ЮКОСа» не поступало. Напротив, материалы дела свидетельствуют, что в результате имевших место проверок были подтверждены законность их действий и отсутствие каких-либо искажений отчетности или злоупотреблений. В этом могли убедиться органы финансового контроля на Кипре, суды Швейцарии, Голландии, ряда других стран. О том, что все заинтересованные лица и организации обладали нужной им информацией о зарубежных структурах «ЮКОСа», говорит и следующий фрагмент из заявления Лебедева, сделанного 12.08.2010 года при допросе Стива Уилсона по теме, которой мы касались ранее. Компании, которые упоминал уважаемый свидетель («Yukos Finance B.V.», «Yukos Investment Armenia», «Yukos UK Limited», и там есть еще несколько компаний, Платон Леонидович говорит, иностранных), продавал господин конкурсный управляющий Ребгун, о чем он здесь давал показания. Эти материалы мы Вам представляли, где были раскрыты структуры, подконтрольные «Yukos Finance B.V.» и «ЮКОС СНГ Инвестмент», в том числе и «Brittany». Таким образом, конкурсному управляющему было хорошо в этой части все известно, и «Роснефть», когда покупала эти активы, и его контрагенты, им тоже так же все было хорошо известно. Котов в мешке государственные компании, я надеюсь, не покупают. Кстати, установленные факты продажи конкурсным управляющим Ребгуном компаний, входящих в зарубежную структуру «ЮКОСа», со всей очевидностью опровергают утверждения стороны обвинения, что ему, то бишь Ребгуну, якобы ничего не было известно об этой структуре. В консолидированной финансовой отчетности ОАО «НК «ЮКОС» по ОПБУ США, помимо уже упоминавшихся «Pronet» и «Routhenhold», можно видеть и другие иностранные компании, которым обвинение заведомо ложно приписывает участие в легализации средств, вырученных от продажи якобы похищенной нефти. «Bonaterm», «Brill», «Brittany», «Coastmill», «Dunsley», «Laurell», «Petroval», «Yukos Finance» и ряд других, о которых было прекрасно известно аудиторам «ПрайсвотерхаусКуперс». Кстати, именно в связи с попытками обвинения хоть как-то обосновать легализацию, связанную с иностранной структурой группы «ЮКОС», связан целый ряд случаев, когда защита успешно разоблачала и демонстрировала суду шулерские приемы, широко применяемые противной стороной. Так, к материалам дела приобщены копии двух договоров купли-продажи векселей от 06 марта 2002 года, где сторонами выступают фирмы, о которых много рассказывали нам государственные обвинители, а именно компания «Arley Limited» и «South Petroleum Limited» в одном случае, и компания «Arley» и «Baltic Petroleum Trading» в другом. Из текста договоров часто следует, что компания «Arley» выступает в качестве покупателя векселей у продавцов, компаний «South» и «Baltic», соответственно. Подчеркнем – покупателя, то

есть плательщика денег. В тексте же обвинения в легализации с целью придания видимости правдоподобности выдуманной схемы отмывания с акцентом на якобы имевший место вывод денег по поводу этих договоров утверждается совершенно обратное. А именно, цитата: «Предъявленное Ходорковскому и Лебедеву обвинение в том, что ими производилось изъятие у «South Petroleum» и «Baltic Petroleum» денежных средств в результате перепродажи нефти и нефтепродуктов и последующее сокрытие, и вывод этих средств под видом различных договоров». При таких обстоятельствах 02 июня 2009 года прокурор Лахтин, оглашая переводы вышеуказанных договоров от 06 марта 2002 года, сделал это таким образом, что из его слов невозможно было понять, какая из сторон договора является продавцом, а какая покупателем. Однако вызванные в суд свидетели Гулин, а затем и Анилионис, ознакомившись с текстами представленных им договоров, разоблачили ложь представителя обвинения и опровергли написанное в обвинительном заключении о выводе денег. С этим же договором связана еще одна фальсификация. Согласно обвинению, оформление этих договоров, как и ряд иных действий, связанных с легализацией, были осуществлены в офисе Лебедева по адресу: Московская область, Одинцовский район, деревня Жуковка, дом 112 в мае 2001 года и в феврале-марте 2002 года. Я напомним, там в одном случае Платон Леонидович посредством факсимильной связи склонял одного господина непонятно к чему, и якобы там эти договора имели место быть. Однако представленными суду документами и показаниями свидетелей Добродеева и Ямушиной неопровержимо доказано, что данный офис начал функционировать только с весны 2003 года, и поэтому указанные обвинения в легализации являются выдумкой. Между тем, вместо того, чтобы отказаться от фальсифицированных обвинений, прокуроры в прениях пошли на грубые нарушения закона, предложив суду считать местом совершения действий новый адрес: Колпачный переулок, 4. Изменение места инкриминируемого деяния не только нарушает право на защиту, но и является еще одним примером грубого подлога, поскольку, первое: суду предлагается существенное изменение обвинения, запрещенное законом. Защита, как ясно сказано, успешно защитилась от обвинения, привязанного к адресу в Жуковке, тогда как защищаться от обвинений, связанных с Колпачным, 4 возможности у нас не было. Второе. Представителями прокуратуры не было приведено никаких доказательств, что приписываемые Лебедеву действия имели место на Колпачном, 4, и что он там имел свой офис. Тем более что в данном комплексе зданий, на самом деле, находится банк «Траст» (старое название «ДИБ»), о чем прокурорам должно быть известно из материалов обысков, имеющих в деле: том 34, а также том 65. Не поленились бы, открыли, чтобы не позориться. И, наконец, третье. В ходе судебного следствия достоверно установлено, где на самом деле подписывались договоры, которые предъявлял свидетелю Анилионису в суде прокурор Лахтин 24 февраля 2010 года. Прокурор Лахтин: «Не помните, где подписывали договор?» Свидетель Анилионис: «В Москве». Прокурор Лахтин: «А где?» Свидетель Анилионис: «На Профсоюзной, 31, корпус 2, там, где обычно нахожусь». Таким образом, становится понятной цель подобной преступной фальсификации доказательств. Дело в том, что Лебедева при всем желании нельзя связать с какими-либо действиями на рабочем месте Анилиониса на Профсоюзной улице. Поэтому и приходится жонглировать адресами по причине элементарного незнания обстоятельств дела. Но и даже эти подлоги их авторам просто не удаются. Наконец, ближе к завершению, несколько слов относительно ситуации с тем, как работала зарубежная структура «ЮКОСа» на примере ситуации, описанной в обвинительном заключении, с займами «Yukos Capital S.a.r.l.». Очень много хотелось бы сказать, и очень интересна эта тема. Много тут рассказали прокуроры по поводу деятельности этой компании. Хотелось бы обратить внимание на несколько обстоятельств. Дело в том, что, для чего была зарегистрирована эта структура, очень подробно рассказывали здесь уже выступавшие на суде, в том числе свидетель Стив Уилсон, и для чего выдавались займы. Уилсон сказал: «Займы выдавались через «Yukos Capital S.a.r.l.» по очень простой причине: что налоговая

нагрузка и налоговая стоимость этих операций была намного ниже, чем если бы займы выдавались напрямую компанией «Yukos Finance B.V.». Заметим здесь, что обвинение в своих речах в прениях приложило немало усилий, дабы очернить свидетеля Уилсона, хотя не смогло ни в малейшей степени опровергнуть его показания, данные на процессе. Дошло до того, что его назвали подкупленным лицом, беспардонно ссылаясь на дважды отвергнутые судом документы «Яузы-М» и «Мегасистем», а затем обвинили в том, что он якобы (цитирую) «по существу, сбежал из России». Помимо того, что защита считает оскорбления свидетелей защиты недопустимыми, можно в ответ напомнить об известной всем, как и Уилсону, судьбе бывшего поднадзорного прокурора Лахтина по фамилии Вальдес-Гарсия, который добровольно отдался в руки правоохранительных органов и лишь затем сбежал за границу. Разница, как мы знаем, существенна: вовремя сбежавший жив и здоров, а запоздало прозревший получил от наших блюстителей закона переломы ног, повреждение головы и инвалидность. Далее напомним, что о причинах выдачи займов «Yukos Capital» дочерним нефтедобывающим предприятиям «ЮКОСа» рассказали суду Ходорковский, Лебедев в своих показаниях. Это происходило в 2004 году (это я пересказываю их показания), когда преследователи нефтяной компании активно начали арестовывать банковские счета «дочек», парализуя их работу. Поэтому руководство «ЮКОСа» вынужденно пошло на выдачу займов, причем, такое решение было одобрено советом директоров ОАО «НК «ЮКОС». Приведем по этому поводу показания свидетеля со стороны обвинения финансового директора «Томскнефть-ВНК» 19 марта 2010 года. С ней беседует прокурор Ибрагимов. Прокурор Ибрагимов: «Вас ставили в известность, по какой причине ОАО «Томскнефть» берет кредиты от «Yukos Capital S.a.r.l.»?» Дмитриева: «По большому счету, нет, никто специально в известность не ставил, хотя было понятно, что денежных средств в тот момент у «Томскнефти» не было, то есть привлечение денежных средств». Таким образом, показания Дмитриевой опровергают ложные утверждения прокуроров о том, что необходимости выдавать займы «дочкам» «ЮКОСа» не было, и подтверждают правильность показаний на эту тему Ходорковского и Лебедева. Напомню также, что член совета директоров Косьюшко-Моризе дал по этому поводу следующие показания, ознакомившись с приобщенным к делу и находящимся в томе 146 протоколом совета директоров, на котором были одобрены займы. «Я должен объяснить, что эта сделка происходила в пределах консолидированной группы «ЮКОС», и в силу этой причины она никакого влияния на консолидированную отчетность «ЮКОСа» не оказывала. И в этом смысле эта сделка не была важным вопросом для совета директоров. Для консолидированной отчетности «ЮКОСа» эта сделка была нейтральная, она никак на нее не влияла. Но я хочу сказать, что совет директоров настаивал на том, чтобы эта сделка, которая происходила между двумя компаниями внутри консолидированной структуры «ЮКОСа», осуществлялась на рыночных условиях по принципу независимости сторон. Я считаю, что эти действия являют собой еще один пример желания и воли реализовать в компании принципы прозрачности, качественного корпоративного управления». Попутно Косьюшко-Моризе опроверг ложь из обвинительного заключения, где сказано, что он был подконтролен Ходорковскому, и именно это было причиной одобрения вышеуказанных сделок. Видимо, в отместку прокуроры в прениях наговорили много всяких гадостей, я другого слова найти не могу, о Косьюшко-Моризе. Непонятно, с какой целью господин Лахтин додумался до такого утверждения о показаниях этого свидетеля (я цитирую): «Предпринятые стороной защиты попытки добиться оценки предъявленного обвинения не привели ни к какому результату». У сделавшего такое опрометчивое заявление прокурора Лахтина явно отшибло память. Поэтому вынужден напомнить, что Косьюшко-Моризе очень точно и лаконично охарактеризовал обвинение в хищении всей нефти в «ЮКОСе» как «бред сивой кобылы». Об этом, кстати, уже Ходорковский говорил. Приведенные показания свидетеля как нельзя лучше подтверждают отсутствие каких-либо намерений при выдаче займа. Еще один интересный нюанс. Изучение нами судебных решений, касающихся тяжбы «Yukos

Capital S.a.r.l.» с «Роснефтью», показывает, что представители последних ни разу не использовали в своих интересах тот аргумент, что выдача оспариваемого займа была формой легализации денежных средств, вырученных от продажи похищенной нефти. Даже когда уголовное дело в отношении Ходорковского и Лебедева уже поступило сюда, в Хамовнический суд, они излагали следующую позицию, это п.3.12.2 решения Апелляционного суда Амстердама от 28 апреля 2009 года. «Роснефть» заявляет, что договоры займа являются частью фискальной схемы внутри концерна «ЮКОС», суть которой заключалась вкратце в том, что «Юганскнефтегаз» продавало добытую ею нефть по низкой цене компаниям, входящим в состав концерна «ЮКОС», которые были расположены в районах с низкими налоговыми тарифами, с тем, чтобы уклониться от налогов, взимаемых российским государством с прибыли тех компаний, полученной от продажи нефти по высоким рыночным ценам. Реализованная таким образом прибыль была дана на основании названного договора займа в заем «Юганскнефтегазу» компанией «Yukos Capital», входящей в состав группы, для финансирования, кстати, ее производственной деятельности». Обращаю внимание, что, видимо, представители «Роснефти» понимали, что в судах Нидерландов их поднимут на смех и сочтут не вполне адекватными людьми, если они там будут рассказывать про хищение 350 миллионов тонн нефти и отмыwanie полученной от продажи краденного многомиллиардной выручки. Вместо этого для проведения своих беспредельно незаконных экспериментов на живых людях иные представители государства почему-то избрали Хамовнический суд. И подходя к самому концу, я хочу сказать, что, таким образом, из всего вышесказанного следует, что денежные средства, якобы вырученные от продажи украденной нефти, на самом деле являлись легальной выручкой «ЮКОСа» от законных сделок с принадлежащими ему, то есть никогда не похищавшимися, нефтью и нефтепродуктами. Эта выручка была полностью показана в отчетности с указанием ее источников, и абсолютно легально и открыто использовалась компанией «ЮКОС» в России и за ее пределами на цели, связанные с расширением ее основной деятельности: добычи нефти, выработки нефтепродуктов, осуществления торговых операций. Вспомните слайды, которые показывал Михаил Борисович. Парадокс состоит в том, что само обвинение признает наличие у «ЮКОСа» этой выручки, о чем прямо сказано в обвинении, но это не мешает ему заведомо незаконно утверждать о хищении у «ЮКОСа» всей нефти и о легализации доходов от этого хищения. И наконец, самое последнее. Ваша честь, завершая свое выступление, хочу сказать следующее. В ходе прений защита была вынуждена напомнить характеристику, которая дана в ходе судебного следствия обвинению наших подзащитных как «чушь» и «бред». Очень не хотелось бы, чтобы такую же оценку заслужил приговор Хамовнического суда, поскольку, если он будет обвинительным, иного просто не дано. На основании изложенного защита просит оправдать наших подзащитных по обвинению в легализации. Спасибо, у меня все.

Защитник Клювгант В.В.: Ваша честь, на пять минут перерыв просим.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: поддерживаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: поддерживаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: поддерживаю.

Защитник Москаленко К.А.: поддерживаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: поддерживаю.

Защитник Купрейченко С.В.: поддерживаю.

Защитник Липцер Е.Л.: поддерживаю.

Защитник Ривкин К.Е.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Клювганта В.В. удовлетворить, объявить перерыв.

Судом объявляется перерыв.

15 часов 25 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Защитник Терехова Н.Ю.: Уважаемый суд и присутствующие в зале лица. Мое выступление будет посвящено нарушению норм уголовно-процессуального закона, которое систематически допускалось на протяжении всего следствия по данному уголовному делу. Дело, рассматриваемое в суде, является необычным и, можно даже сказать, исключительным, так как, с одной стороны (и Вы уже, Ваша честь, в этом убедились, и присутствующие в зале лица), в документах, исследованных в зале суда, так же, как и в показаниях свидетелей, не содержатся сведения не только об обстоятельствах, но и о самих фактах преступлений, инкриминированных нашим подзащитным. Однако, с другой стороны, все доказательства, представленные стороной обвинения, собранные как на досудебной стадии, так и добываемые ею на протяжении всего судебного разбирательства, являются порочными, а именно недопустимыми и недостоверными, так как получены при системном нарушении уголовно-процессуального закона и умышленном игнорировании прав человека и гражданина, гарантированных Конституцией Российской Федерации. Поэтому мы не можем молчать об этих нарушениях, и я буду о них сегодня говорить, так как, если такие способы собирания и закрепления доказательств приговором суда будут признаны законными, то они незамедлительно войдут в практику, сначала в единичных случаях, а затем и приобретут массовый характер. Вся сложность процесса доказывания по данному уголовному делу является иллюзорной и навязана стороной обвинения для прикрытия заведомой ложности обвинений и многочисленных фальсификаций. Прикрываясь объемом материалов уголовного дела, количеством уголовных дел, соединенных, выделенных, опять соединенных, количеством следственных и процессуальных действий, способом представления доказательств, сторона обвинения пытается увести от главного: в материалах поступившего уголовного дела нет ни одного доказательства, отвечающего требованиям уголовно-процессуального закона. Исходя из принципов уголовного судопроизводства, которые неоднократно упоминались здесь в зале суда (это законность, охрана прав и свобод человека и гражданина, презумпция невиновности, состязательность сторон, свобода оценки доказательств), и основанных на этих принципах требований ч.3 ст.37 УПК РФ, прокуроры обязаны, поддерживая государственное обвинение, обеспечивать его законность и обоснованность, а значит, представлять доказательства, собранные и закрепленные в строгом соответствии с законом. При этом обозначать их источники, обеспечить суду и всем участникам возможность непосредственного исследования каждого доказательства. Порядок уголовного судопроизводства на территории Российской Федерации установлен Уголовно-процессуальным кодексом. Он основан на Конституции Российской Федерации и является обязательным как для судов, так для органов прокуратуры и органов предварительного следствия. 17 февраля 2009 года в Хамовнический районный суд города Москвы поступили в 188 томах материалы уголовного дела, следственный номер которого 18/432766-07. В дальнейшем я буду называть номер этого дела как «рассматриваемое в суде дело». Следовательно, предметом исследования и оценки судом могут быть лишь те доказательства стороны обвинения, которые собраны на стадии досудебного производства именно по этому делу и в полном соответствии с требованием закона. Суд имел реальную возможность убедиться в обратном, что все поступившие для рассмотрения в 188 томах уголовного дела материалы собраны за рамками производства по данному уголовному делу, приобщены к делу без законных на то оснований и не могут быть признаны допустимыми и достоверными доказательствами по делу. В суд представлены материалы по делу, которое не возбуждалось ни по факту совершения преступления, ни в отношении конкретного лица. 03 февраля 2007 года следователь Каримов, рассмотрев материалы уголовного дела 18/41-

03, постановил выделить из него в отдельное производство уголовное дело в отношении Ходорковского и Лебедева, выделенному уголовному делу присвоить номер, о котором я уже говорила. Необходимость принятого решения была обоснована следующим. Я цитирую: «Остальные участники организованной группы скрылись от следствия, в связи с чем объявлены в международный розыск. В настоящее время собраны достаточные доказательства, подтверждающие совершение Ходорковским и Лебедевым указанных преступлений, в связи с чем уголовное дело в отношении них подлежит выделению в отдельное производство для завершения предварительного расследования». Я не буду, Ваша честь, называть постоянно, делать ссылки на материалы уголовного дела. Они у меня имеются, если я это буду делать постоянно, то это займет очень много времени. Я приобщу те письменные тексты непосредственно к протоколу судебного заседания. П.1 ч.1 ст. 154 УПК РФ предусматривает право следователя выделить из уголовного дела в отдельное производство другое уголовное дело в отношении отдельных подозреваемых и обвиняемых по уголовным делам о преступлениях, совершенных в соучастии. Такое выделение возможно лишь в строго определенных случаях. При этом в силу ч.2 ст.154 УПК РФ такое выделение допустимо лишь для завершения предварительного расследования и только в тех случаях, когда это вызвано большим объемом уголовного дела или множественностью его эпизодов, а также при условии, если это не отразится на всесторонности и объективности предварительного расследования и разрешения уголовного дела. Ни одно из этих требований не соблюдено. Я цитировала постановление о выделении уголовного дела от 03 февраля 2007 года. Также в 2003 году из этого же уголовного дела 18/41-03 в отношении этих же лиц, Ходорковского и Лебедева, с аналогичной формулировкой: «для завершения предварительного расследования» уже выделялись уголовные дела: пятьдесят восьмое в отношении Лебедева и семьдесят второе в отношении Ходорковского и Крайнова, которые впоследствии были соединены в одно производство. Надо ли напоминать, что предварительное следствие было завершено вынесением Мещанским судом обвинительного приговора и длительным сроком наказания. Как в 2003 году, так и в 2007 году, помимо выделений, решений о возбуждении уголовного дела в отношении наших подзащитных не принималось. Этот факт является вполне объяснимым. Законных поводов и оснований для возбуждения уголовного дела, указанных в ст.ст. со 140 по 146 УПК РФ, у Каримова как не было, так и нет.

Судом объявляется перерыв.

15 часов 35 минут – судебное заседание продолжено в том же составе.

Защитник Терехова Н.Ю.: я остановилась на том, что уголовное дело в отношении наших подзащитных не возбуждалось и было выделено для завершения предварительного расследования второй раз без возбуждения уголовного дела. Кроме того, описи выделяемых из основного дела материалов также в постановлении отсутствуют. Я говорила о постановлении от 03 февраля 2007 года, которое вынес Каримов в отношении наших подзащитных для завершения предварительного расследования. Здесь необходимо обратить внимание на следующий важный аспект. На момент принятия решения о выделении дела в составе Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации действовала глава 57, и в соответствии с нормами ст.ст.1 и 4 УПК РФ следователь был обязан руководствоваться ее нормами. Согласно приложению 49 к ст.476 этого же кодекса в качестве неотъемлемой и обязательной части постановления о выделении должно быть указано, какие именно материалы уголовного дела выделены в отдельное производство, на скольких листах, и какие именно сведения об обстоятельствах, подлежащих доказыванию, в них содержатся. Однако и эти требования закона были умышленно проигнорированы. Положение ст.154 УК РФ в единстве с ч.4 ст.7 УПК РФ, которые устанавливают требования законности, обоснованности и мотивированности в постановлении следователя, обязывают следователя при выделении уголовного дела в отдельное производство приводить соответствующее фактическое правовое обоснование, поскольку без них невозможно выполнить другие требования взаимосвязанной нормы, это

ч.5 ст.154 УПК РФ. Так, не зная, какие именно материалы уголовного дела были выделены следователем в отдельное производство, суд не может установить, какие из представленных ему прокурором материалов настоящего дела он может рассматривать как выделенные надлежащим образом и допустить в качестве доказательств, а все сомнения, которые невозможно устранить, суд обязан толковать только в пользу обвиняемых. Наличие в материалах уголовного дела постановления о выделении в отдельное производство, так же, как и постоянное напоминание прокурора Лахтина о том, что то или иное дело когда-то являлось составной частью уголовного дела сорок первого, явно не заменяет перечня выделенных в самостоятельное производство документов и материалов. Какими же критериями должен руководствоваться суд, чтобы определить и допустить в качестве доказательств по данному уголовному делу как выделенные 03 февраля 2007 года из уголовного дела сорок первого, если, как я уже говорила, нет перечня, если нет сведений о том, какие документы выделялись в копии, а какие в подлиннике? Кроме того, как мы смогли уже убедиться в ходе исследования доказательств, что представленные копии документов, по ним нельзя установить ни даты их создания, ни даты их удостоверения, ни сверить идентичность оригиналу, нельзя выяснить данные о лицах, заверивших их, а именно занимаемую должность, фамилию, имя, отчество и полномочия этих лиц, то есть находилось ли уголовное дело сорок первого на момент заверения копии в их производстве. Не представляется возможным также установить местонахождение документа, с которого воспроизводилась копия. В постановлении о выделении уголовного дела не упоминается ни одного дела, на которое сейчас ссылается обвинение, как на составные части уголовного дела 41-03. Отсутствие сведений о составе и содержании выделенных материалов – не техническая ошибка, а умышленное игнорирование требования законов. Следователь Каримов, как руководитель следственной группы, не мог позволить себе составить перечень выделяемых материалов, поскольку при наличии таких сведений о составе и содержании выделенных материалов как в рассмотренном Мещанским судом, так и в настоящем уголовном деле, легко было бы установить, что не только одни и те же обстоятельства повторно квалифицированы как другие преступления, но и использована одна и та же доказательственная база. Но, в принципе, об этом сегодня уже много говорили мои коллеги, и еще раз подтвердили прокуроры в прениях, заявив о том, что одновременно посягали на два объекта правоотношений, и влекло как налоговую ответственность, так и ответственность за посягательство на собственность, то есть, говоря об идеальной совокупности преступлений, что противоречит действующему законодательству. Кроме того, наличие этого перечня лишило бы следственную группу и обвинителей в суде манипулировать доказательствами, постоянно обращаясь к иным делам, специально раздробленным уголовным делам для выдергивания из них по собственному усмотрению документов, и вбрасывать, доносить, пополнять материалы рассматриваемого дела. Сторона обвинения неоднократно, вплоть до завершения судебного следствия, пополняла материалы копиями документов из сорок первого дела. 17 февраля 2007 года для ознакомления нашим подзащитным и защитникам было представлено сначала 127 томов. Оказалось, что это не все доказательства, и сбор их не закончен, поскольку в дальнейшем следствие представило к ознакомлению еще 25 томов, и общее количество уже составило 152 тома, а далее еще 16 томов, и завершили предварительное следствие, как нам поясняет сторона обвинения, количеством томов 168. Следует отметить, что все дополнительно незаконно предоставляемые материалы являлись ни чем иным как копиями документов из других уголовных дел. И даже на стадии судебного следствия, включая ее дополнения, сторона обвинения пыталась дополнить материалы уголовного дела, иногда вполне успешно, документами из других дел, что свидетельствует о ее крайней недобросовестности и откровенном злоупотреблении своими правами. Изложенное еще раз подтверждает, что дело было выделено незаконно, а именно с нарушением требований ст.154 УПК РФ, его выделение отразилось на всесторонности и объективности

предварительного следствия и разрешения дела в дальнейшем. А утверждение следователя Каримова о том, что собраны достаточные доказательства, подтверждающие совершение Ходорковским и Лебедевым указанных преступлений, и выделение в отдельное производство не отразится на всесторонности и объективности расследования, являлось заведомо ложным. Попытка обвинения сослаться, как на панацею, что некогда вынесено постановление Басманного суда, которым отклонена жалоба защиты на незаконность выделения уголовного дела, является несостоятельной, недобросовестной и беспомощной. Постановление суда, вынесенное в порядке предварительного судебного контроля – это не приговор. Оно не устанавливает обстоятельств, имеющих преюдициальное значение, и не предрешает выводы суда при окончательном разрешении дела. Это прямо следует из ст.ст.90 и 125 УПК РФ. Таким образом, рассматриваемое уголовное дело в установленном законом порядке не возбуждалось, поскольку в постановлении о выделении уголовного дела не содержится решения о его возбуждении в порядке, предусмотренной ст.146 УПК РФ, и в нарушение ч.3 ст.154 УПК РФ. Постановление о возбуждении уголовного дела как таковое отсутствует. Поводов и оснований, как обязательных условий для возбуждения уголовного дела, нет. По смыслу ч.3 ст.7 УПК РФ проведение следственных и процессуальных действий без возбуждения уголовного дела в отношении конкретных лиц ведет к признанию юридически ничтожными порождаемых этими действиями юридических последствий. Указанное нарушение невосполнимо. Таким образом, в материалах уголовного дела нет ни одного доказательства, полученного в соответствии с требованиями закона, следовательно, нет доказательств, которые суд мог бы допустить в порядке ч.5 ст.154 УПК РФ как выделенные в отдельное производство. Суд не может признать допустимыми и представленные обвинением доказательства, тем более, собранные после 03 февраля 2007 года, даты выделения настоящего дела. С 03 февраля 2007 года поступившее для рассмотрения в Хамовнический суд уголовное дело, по утверждению следствия, существует самостоятельно. Следовательно, доказывание по нему с этого момента должно осуществляться самостоятельно и независимо от уголовного дела 18/41-03 и других уголовных дел. В соответствии с требованием закона (ст.ст.1, 5 п.32, 38, 86 УПК РФ), собрание доказательств следователем и прокурором может проводиться только способами, прямо предусмотренными законом. Иными словами, в отношении участников процесса со стороны обвинения не действует правило «разрешено все, что не запрещено законом». Это привилегия стороны защиты. По рассматриваемому уголовному делу стороной обвинения был изобретен новый, не известный закону способ собирания доказательств: периодический осмотр следователем материалов уголовного дела 18/41-03 и их выборочное копирование, а затем приобщение разрозненными группами к настоящему делу в качестве вещественных доказательств. Среди таких называемых доказательств содержатся ксерокопии (или, как их еще называют следователи, светокпии) протоколов следственных действий, включая протоколы допросов свидетелей, потерпевших, обвиняемых, заключений экспертов, процессуальных решений, полученных при производстве следственных и иных процессуальных действий по другим уголовным делам. Для примера приведу несколько таких осмотров. 08 февраля 2007 года следователь Иоган осмотрел материалы уголовного дела 18/41-03, но не полностью, а только компакт-диски, которые явились приложением к заключению информационной аналитическо-технической экспертизы. В этот же день документы в электронном виде, я цитирую, распечатанные в ходе осмотра материалов дела 18/41-03, а именно указанного компакт-диска, были приобщены в качестве вещественных доказательств к рассматриваемому делу. 10 февраля 2007 года следователь Михайлов произвел осмотр материалов этого же дела. Только осмотрел документы, изъятые 08 февраля 2007 года в ходе выемки у аудиторов, то есть в ЗАО «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит». Что мешало 08 февраля провести выемку по рассматриваемому уголовному делу следователю Михайлову или другому следователю, который состоял в составе следственной группы, совершенно

непонятно. Опять же, со всех осмотренных документов были изготовлены копии, которые заверены и были приложены к настоящему протоколу, 154 листа появилось в рассматриваемом деле. 15 февраля 2007 года были осмотрены документы опять же из материалов уголовного дела сорок первого, только это касалось запросов об оказании правовой помощи в Генеральную прокуратуру Украины. Это далеко не полный перечень осмотров документов и предметов из материалов уголовного дела, как называют его любовно, материнское, основное, базовое, сторона обвинения, произведенных до момента уведомления наших подзащитных об окончании следственных действий. После этого 14 декабря 2007 года материалы дела были пополнены следователем Михайловым светокопиями документов, всего на 594 листах, изготовленными в ходе осмотра материалов уголовного дела сорок первого. Аналогичным образом осматривались материалы названного мной дела 10 января 2008 года, и появилось 59 листов в деле, которое рассматривалось в Хамовническом суде. 16 января 2008 года появилось 2 618 листов, 27 июня 2008 года появилось 1 703 листа. Особо хочется отметить, что основания проведения осмотра четко регламентированы законом и ст.176 УПК РФ. Либо в целях обнаружения следов преступления, либо в целях выяснения других обстоятельств, имеющих значение для дела. Объектом осмотра могут являться только непосредственные носители доказательственной информации, и об этом прямо сказано в ст.176 УПК РФ. Копии материалов иного уголовного дела не могут признаваться документом по смыслу ст.ст.81, 84 и 176 УПК РФ, так как они не являются непосредственными носителями такой информации, не содержат ни в себе, ни на себе следов преступления. Осмотр и копирование материалов иного уголовного дела не может являться способом выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела. Единственно возможное исключение, когда само уголовное дело является доказательством преступной деятельности, например, подделки документов, уничтожения доказательств, иной фальсификации, которая, в принципе, сейчас и представляет уголовное дело, которое рассматривается в настоящем суде. Ни в одном протоколе осмотра документов нет сведений о том, что представляют собой материалы осматриваемого уголовного дела в целом. Нет указаний на номер тома, его объем, листы дела, подлежащие осмотру, что представляет собой каждый конкретный документ, на каком листе уголовного дела он находился, на какой бумаге, каким способом и красителем выполнен. Вместо всего этого, краткое перечисление документов, из которого далеко не всегда можно понять даже то, о каком документе идет речь. Следует отметить, что скопированные материалы в большинстве случаев не удостоверены подписями понятых. Опись материалов рассматриваемого уголовного дела также отсутствует. Для примера необходимости существования описи достаточно сослаться на позицию стороны обвинения. Так, когда 01 апреля 2009 года сторона защиты заявила в ходатайстве о необходимости истребования из арбитражных судов решений, подтверждающих законность генеральных соглашений, прокурор Лахтин, возражая против его удовлетворения, подверг сомнению полноту и содержание документов, находящихся в материалах арбитражных дел. Приняв во внимание этот довод, суд, помимо всего прочего, истребовал из арбитражных судов описи дел, наглядно демонстрирующие объем представленных и исследованных ими доказательств. Описи арбитражных дел поступили по запросу суда и исследовались в судебном заседании 24 и 25 мая 2010 года. Не говоря уже о том обстоятельстве, что материалы уголовного дела сорок первого были очень легко доступны для следователей Михайлова, Акимова и Русановой, и других, которые осматривали их периодически. Без проблем может получить любые сведения из материалов уголовного дела сорок первого и прокурор Лахтин, любой устный запрос которого исполнялся моментально, и документальное подтверждение имеется в материалах уголовного дела, ссылки у меня есть. Суд, а тем более защита, не имеют таких привилегий. К месту будет пояснить, как исследовался протокол осмотра фонограмм, а именно телефонных разговоров, записанных между Гололобовым и Бахминой. В зале суда была оглашена только копия протокола осмотра. В дальнейшем в

прениях сторона обвинения искажила содержание этого документа. 24 июля 2009 года стороной защиты было заявлено устное ходатайство об осмотре компакт-дисков и фонограмм, имеющихся на них, явившихся предметом осмотра и прослушивания 03 февраля 2007 года. Через месяц только, 28 августа 2009 года суд принял решение об удовлетворении ходатайства и направлении запроса в Генеральную прокуратуру. 29 сентября 2009 года, еще спустя месяц, руководитель отдела управления Алышев сообщил о невозможности исполнения судебного запроса о предоставлении компакт-дисков, так как (я цитирую дословно из текста) «указанные компакт-диски признаны и приобщены в качестве вещественных доказательств к уголовному делу 18/41-03, по которому производятся активные следственные действия, при производстве которых используются все материалы уголовного дела, в том числе и фонограммы. Направление любых материалов уголовного дела в суд, в том числе фонограмм, не будет отвечать требованиям уголовно-процессуального законодательства о необходимости установления обстоятельств, подлежащих доказыванию». Хотя в это же время на устные запросы прокурора Лахтина буквально на следующий день в сентябре месяце из этого же уголовного дела представлялись следователем Ганиевым любые документы, которые также находятся в материалах уголовного дела. Сторона защиты неоднократно ходатайствовала об истребовании первоначальных доказательств, однако ни разу не удостоилась положительного ответа. У защиты имеется обоснованное сомнение в том, что в материалах осматриваемого уголовного дела, а именно 41-03, на момент производства так называемых осмотров документов, предметов находились перечисленные в протоколах осмотра документы в том виде и объеме, в котором они представлены. Сторона защиты и суд, у которых отсутствует доступ к подлинным материалам дела, лишены возможности убедиться в достоверности и полноте находящейся в деле копии, а также в добросовестности выбора следователем материалов для копирования. Прокуроры не в состоянии доказать, что все материалы основного дела, имеющие отношение к выделенному, которое здесь рассматривается, к нему приобщены. А это означает, что все сомнения являются неустранимыми. В рамках рассматриваемого уголовного дела допрошен только один свидетель, проведены две экспертизы, не имеющие отношения к сущности предъявленного обвинения и предмету доказывания. Не проводилось таких следственных действий, как обыск, выемка, не отправлен ни один международно-правовой запрос. Попытка назначить комплексную экономическую и техническую судебную экспертизу 09 февраля 2007 года не увенчалась успехом, так как даже обычно на все согласным экспертам Елояну и Куприянову на этот раз для проведения экспертизы не хватило представленных материалов. Подлинными документами, которые выдаются за доказательства обвинения, оказались лишь протоколы осмотров материалов другого уголовного дела, и постановление о признании и приобщении копий в качестве вещественных доказательств с трафаретной мотивировкой следователей: «Данные документы в оригинале в качестве вещественных доказательств приобщены к уголовному делу быть не могут, так как являются доказательствами по другому уголовному делу – 18/41-03. Поэтому признанием вещественными доказательствами подлежат их светокпии». Я процитировала. Таким образом, по рассматриваемому уголовному делу весь процесс доказывания сведен к проведению незаконных осмотров материалов иного дела и составлению обвинительного заключения. Для защиты очевидно, что такое самостоятельное направление хода расследования и принятия решений о производстве следственных и иных процессуальных действий ни что иное как грубейшее превышение стороной обвинения своих полномочий и злоупотребления процессуальными правами. Действуя такими откровенно незаконными методами, сторона обвинения выполняла следующие задачи: не допустить нежелательных для нее лиц, а именно оппонентов со стороны защиты, в качестве участников судопроизводства, обладающих процессуальными правами и гарантиями, максимально изолировать участников досудебного производства со стороны защиты от доступа к достоверной информации, об их фактическом

процессуальном положении и манипулировать содержанием объема доказательственной базы по своему усмотрению, не допустить непосредственного ознакомления стороны защиты с первоначальными источниками сведений, скрыть их местонахождение. Этой же позиции придерживались и государственные обвинители в прениях, когда заявили о том, что показания подсудимых, их заявления, ходатайства о допросе свидетелей и обращения в Европейский Суд по правам человека, выступления защитников в средствах массовой информации является незаконным давлением на правосудие. Подсудимые не являлись участниками судопроизводства по иным делам. Иные дела, я имею в виду, это те дела, доказательственная база из других дел, которая активно использовалась в данном уголовном деле при рассмотрении стороной обвинения. Я перечислять ее не буду, она у меня содержится в ссылках, и, в принципе, все номера уголовных дел звучали в ходе исследования доказательств по настоящему делу. Таким образом, подсудимые не являлись участниками судопроизводства по иным делам. Их гарантированные Конституцией Российской Федерации (ст.ст.2, 15, 17, 18, 21, 45, 49, 52 и 53), а также права человека и гражданина в рамках названных производств не обеспечивались и не соблюдались. В нашем случае надлежащих уведомлений (я говорю о надлежащих уведомлениях от органов и должностных лиц: суда, прокурора, следователя, дознавателя) о занимаемом процессуальном положении по иным уголовным делам Ходорковскому и Лебедеву не поступало. Соответственно, до настоящего времени им не разъяснялись их права, обязанности и ответственность, так же, как не обеспечивалась возможность их реализации. Так, не являясь участниками уголовного судопроизводства по иным уголовным делам, ставшим бездонными источниками фальсифицированных доказательств обвинения по данному делу, Ходорковский и Лебедев, в том числе, не имели возможности реализовать право знать состав следственной группы, право заявить отвод следователям, право быть уведомленными о сроках предварительного следствия, соответственно, право обжаловать продление срока предварительного следствия, право знать иных участников уголовного судопроизводства (эксперта, специалиста, переводчика), право заявить им отвод, а также права, предоставленные законом участникам уголовного судопроизводства при назначении и проведении экспертизы, также право знакомиться с материалами уголовного дела. Как уже было сказано, по утверждению обвинения, с 03 февраля 2007 года рассматриваемое дело в связи с выделением его в отдельное производство существует самостоятельно и, как они считают, должно быть независимым от уголовного дела 41-03. С этой даты права, свободы и гарантии наших подзащитных в уголовном судопроизводстве по делу 41-03 не соблюдаются даже формально. Однако сбор доказательств против них под прикрытием этого дела продолжается по сей день, в том числе и по вопросам, составляющим предмет настоящего судебного разбирательства. По существу, все участники со стороны защиты при таком подходе превращены из субъектов судопроизводства в его объекты. Излишне доказывать, что это откровенно антиконституционный прием, обеспечивший неограниченную возможность для дальнейшей фальсификации доказательств. Таким образом, в деле нет ни одного доказательства, полученного в соответствии с требованиями закона. Собираение доказательств в период расследования уголовного дела сторона обвинения подменила копированием выгодных ей материалов иных дел. Все представленные стороной обвинения по рассматриваемому делу доказательства, собранные как до, так после 03 февраля 2007 года, представляют собой копии материалов иных уголовных дел, являются недопустимыми и сфальсифицированными. Нельзя умолчать и о тех нарушениях, которые были допущены следствием при собирании и закреплении доказательств по иным уголовным делам, тем более что сторона защиты обращала внимание на эти нарушения в ходе судебного следствия. Следует отметить, что способы собирания доказательств по этим делам были намного разнообразнее, но не менее изощренными. В материалах рассматриваемого дела имеется несколько томов копий документов, полученных по уголовному делу 325543-04, в которых содержатся, в

том числе, копия заключений экспертов и копии допросов свидетелей. Однако оснований для приобщения даже на привычном для стороны обвинения уровне выделения-соединения с материалами уголовного дела 41-03, не представлено. Чтобы легализовать в настоящем деле такую массу документов, 26 января 2007 года следователь Каримов, проявив удивительную осведомленность о содержании нового уголовного дела, направляет запрос с изложением подробного перечня истребуемых документов на имя начальника управления по расследованию особо важных дел Генеральной прокуратуры Иванова и просит представить 268 позиций документов плюс протоколы допроса свидетелей. В этот же день без всякой бюрократической волокиты получает в ответ все затребованное. 27 января 2007 года светокопии документов, истребованных из материалов уголовного дела, осматриваются следователем Шикиным, признаются и приобщаются в качестве вещественных доказательств по уголовному делу сорок первому. Таким образом, в материалах рассматриваемого уголовного дела находится 6 томов с незаконно изготовленными и полученными копиями документов, в том числе, копии заключения экспертов и копии протоколов допросов свидетелей. Так, за 2 дня (26 и 27 января 2007 года) решена задача, ни одного следственного действия не проведено, ни один нежелательный для обвинения человек не задействован, объем материалов уголовного дела значительно пополнился за счет копий документов, выгодных следственной группе, да и обвиняемых не пришлось беспокоить, тем более всякими глупостями, и они находятся в городе Чите. Под видом осмотров документов материалов уголовного дела 325543 эти же материалы многократно осматривались и ксерокопировались. Оппоненты утверждают, что уголовное дело 325501-04 является составной частью также уголовного дела 41-03, и поэтому суд должен априори принять всю доказательственную базу из данного уголовного дела, не подвергая ее сомнению. Хотелось бы предостеречь суд от этого шага, и не только по причине нарушения порядка выделения уголовного дела. 13 октября 2005 года уголовное дело, названное мной, пополнилось несколькими томами документов, но не в результате следственного действия в соответствии с нормами уголовно-процессуального закона, а в результате выемки следователем Тумановым у следователя Хатыпова документов из материалов уголовного дела 41-03. Так, в рассматриваемом уголовном деле появилось 3 тома документов, а у прокуроров появилась возможность ссылаться на документы, изъятые в ходе обыска 19 января 2004 года в «Русских инвесторах». Таким образом, перемещая путем дружеско-соседских запросов, выемок и соединений, выделений копии документов из одного дела в другое, обвинение опять же решает поставленную задачу: не допустить в эту процедуру нежелательных участников со стороны защиты, строго регулировать объем и содержание документов. Беспрецедентным является и количество следственных действий, произведенных с нарушением требований п.7 ч.2 ст.29 УПК РФ, в соответствии с которой только суд, в том числе и в ходе досудебного производства, правомочен принимать решения о производстве выемки предметов и документов, содержащих государственную и иную охраняемую законом тайну, а также предметов и документов, содержащих информацию о вкладах и счетах в банках и иных кредитных организациях. В ходе производства по иным уголовным делам только в период действия указанной нормы закона с 01 января 2004 года следственная группа, не получив разрешения суда, побывала с обысками и выемками в общей сложности 15 раз в банках «Траст» и «Актив-банк». При этом, направляя запросы о правовой помощи для производства на территории иностранного государства (Франция, Кипр, Испания), умышленно скрывала о существовании данной нормы при производстве выемок в банках. Адвокатская тайна охраняется Федеральным законом от 31 мая 2002 года «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации». Так, ч.3 ст.8 названного закона допускает проведение оперативно-розыскных мероприятий и следственных действий в отношении адвоката, в том числе, в жилых и служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, только на основании судебного решения. Закон вступил в силу и действует на территории

Российской Федерации с 01 июля 2002 года. Вопреки этому требованию закона 09 октября 2003 года, 12 ноября 2004 года, 12 декабря 2004 года, 14 декабря 2004 года следователи следственной группы Генеральной прокуратуры, зная о том, что следственные действия (обыск, выемка) производятся в отношении лиц, имеющих статус адвоката, в служебных помещениях, используемых для осуществления адвокатской деятельности, в адвокатском бюро «АЛМ-Фельдманс», не обращались в суд за разрешением на проведение этих следственных действий. При этом изъятию подлежали сведения, заведомо связанные с оказанием адвокатом юридической помощи доверителям. Следует отметить, что следователь Каримов в этот же период времени, а именно 03 сентября 2004 года, обратился в суд с ходатайством о производстве обыска в помещении, занимаемом адвокатом адвокатского бюро «Лекс Интернейшнл» Гололобовым, и получил разрешение. Тем самым он продемонстрировал, что требования закона ему известны, однако исполнять или не исполнять их он намерен исключительно по своему усмотрению. Аудиторская тайна отнесена к числу специально охраняемых законом, и поэтому находящиеся в распоряжении аудиторской организации документы, содержащие сведения об операциях аудируемых лиц и лиц, с которыми заключен договор об оказании соответствующих услуг, предоставляются исключительно по решению суда. Вопреки требованиям закона, полномочия суда были присвоены следователями Генеральной прокуратуры. В одном случае следственные действия у аудиторов «ПрайсвотерхаусКуперс» производились без разрешения суда, в других случаях, прикрываясь уже реализованным разрешением суда, производили несколько выемок без законных на то оснований. Так, постановлением от 26 декабря 2006 года о производстве выемки в банке (именно в банке) документов, содержащих информацию о вкладах и счетах граждан, юридических лиц: я не оговорила, Басманный районный суд разрешил производство выемки, но не в кредитной организации, а у аудиторов. Указанное постановление было реализовано 29 декабря 2006 года, однако впоследствии на основании этого же постановления следователи еще 5 раз проводили выемки у аудиторов, не имея на то законных никаких оснований. Аналогичным образом они поступили и с постановлением суда о разрешении производства выемки документов, содержащих аудиторскую тайну, от 15 января 2007 года, побывав на основании одного постановления у аудиторов трижды. Использование одного и того же постановления как основания для производства повторных следственных действий – типичный шулерский прием. Он дает возможность следователям не только избежать обращения в суд, но и регулировать выгодным для себя образом объем и содержание информации, предоставленной к одному постановлению, а также параллельно оказывать психологическое давление, но в данном случае на аудиторов. Другой пример. На основании одного постановления было произведено 10 самостоятельных обысков по адресу: город Москва, улица Дубининская, дом 31 «а», о чем свидетельствуют составленные протоколы. Следующее нарушение, которое является по данному делу системным. Обнаруживаемые и изымаемые в ходе обысков, выемок предметы и документы вопреки требованиям закона (ст.ст.166, 167, 182, 183 УПК РФ) надлежащим образом не описывались. Во всех случаях изъятия электронных носителей в протоколах следственных действий не отражались сведения о полной хранимой на каждом из них в момент обнаружения и изъятия информации, их виде и количестве. При этом надлежащие меры сохранности к изымаемым предметам и документам не применялись вопреки требованиям, предусмотренным ч.10 ст.182, ч.3 ст.177 УПК РФ. Таким образом, установить полный перечень наименований обнаруженных и изъятых предметов и документов, их количество и содержание не представляется возможным, что создавало и создает условия для стороны обвинения произвольно манипулировать полученной информацией. Сторона обвинения активно использует созданные ею лазейки. Доказательственная база, которая была уже ранее предъявлена нашим подзащитным, собранная в рамках уголовного дела сорок первого, до первого выделения, для завершения предварительного расследования была

модернизирована. Так, изъятое при обыске в деревне Жуковка, 88 «а» неоднократно осматривалось в 2003 году и в 2007 году. Я приведу некоторые примеры. Следователь Русанова 17 января 2007 года осмотрела 209 документов, 02 февраля 2007 года - 4 документа, 28 сентября 2007 года - 5 документов. При этом не указывала об их извлечении из запечатанной и удостоверенной подписями понятых упаковки, позволяющей определить место и время изъятия. Аналогичным образом поступали следователи Шикин 01 февраля 2007 года в отношении также изъятого при обыске в Жуковке, 88 «а», а затем и Юрдзицкий 28 января 2007 года, когда осматривал документы, изъятые 03 октября 2003 года в ходе обыска в помещении дач «Яблоневый сад». И это далеко не полный перечень, и список можно долго продолжать. На вопросы, где и в каких условиях хранились до 2007 года документы, изъятые в октябре 2003 года, и почему мы должны доверять записями следователя в протоколе о том, что он произвел осмотр изъятых в октябре 2003 года, ответа у обвинения нет. А можно ли доверять протоколам следственных действий, удостоверенных подписями понятых, регулярно привлекающимися следствием для выполнения профессиональных обязанностей? Я не буду цитировать положение ст.60 УПК РФ, взаимосвязанное положение также п.58 ст.5 этого же кодекса, приведу лишь несколько примеров. Сомнительно, что указанные в качестве понятых Бакин Анатолий Евгеньевич, Дубовец Юлия Васильевна (и не только они) отвечают вышеуказанным требованиям. Так, в период с 25 декабря 2006 года по 15 февраля 2007 года Бакин был задействован в 12 следственных действиях, Дубовец – в 9. Следователь привлекал одних и тех же понятых в ходе выемок у аудиторов в ЗАО «ПрайсвогтерхаусКуперс Аудит». Однако при сравнении подписей одних и тех же понятых в разных протоколах следственных действий усматривается их несовпадение. 29 января 2010 года стороной защиты было заявлено ходатайство о невозможности одновременного исполнения обязанностей следователя и понятого Никандровым Денисом Владимировичем. Такое совмещение категорически не допускается законом: ст.61 УПК РФ. Однако, невзирая на законодательный запрет, Альшев, привлечший Никандрова сначала в качестве понятого, став руководителем следственной группы по делу 41-03, поручил тому же Никандрову проведение следственных действий. А именно этим следователем опрашивались Голубович, Юров и другие лица, которые названы свидетелями и допрашивались в дальнейшем в зале суда, и их протоколы оглашались в зале суда. Изложенное ставит под обоснованное сомнение факт участия понятых и добросовестное удостоверение ими фактов производства вышеперечисленных следственных действий. Суд лишен возможности проверить законность производства на досудебной стадии по иным уголовным делам по понятным причинам. Материалы этих дел не поступали для рассмотрения в Хамовнический суд, следовательно, непосредственно не исследованы в судебном заседании. Из разрозненных копий представленных документов нельзя усмотреть не только даты их создания и удостоверения, определить местонахождение документа, который копировался, но и установить должностное лицо, которое несет ответственность за соответствие скопированной информации. Таким образом, суд, как и участники судопроизводства со стороны защиты, лишены возможности проверить первоначальные доказательства путем сопоставления их с другими доказательствами, имеющимися в уголовном деле, а также установления их источников (ст.87 УПК РФ). Не могу утверждать, что суду удалось исследовать даже и производные доказательства. Трудно, а скорее невозможно назвать производным такое доказательство, связь которого с первоначальным является виртуальной и ее невозможно установить. Так, объекты исследований и материалы, представленные для производства судебных экспертиз, как и материалы, иллюстрирующие заключения экспертов, приложения к заключениям экспертов, вопреки требованиям ч.1 ст.240 УПК РФ, непосредственно не исследовались в судебном заседании. Сопоставить информацию в протоколах осмотра с выводами и заключениями экспертов невозможно. В ходе судебного следствия были исследованы только копии

заклучения экспертов без каких-либо приложений, и это не дает возможности проверить и оценить обоснованность вывода экспертов и препятствует реализовать стороне защиты право ходатайствовать о проведении повторной или дополнительной экспертизы. Защита постоянно, но безуспешно обращала внимание следствия, а затем и суда, на необходимость ознакомления с материалами, которые предоставлялись экспертам на исследование, и материалами, которые иллюстрируют заключение эксперта, и приложения к заключению для реализации принадлежащих им прав. Так, Ходорковскому было отказано в его ходатайстве о приобщении к материалам дела электронных носителей, поскольку, как следует из издевательского постановления следователя, Ходорковский не обосновал, для установления каких обстоятельств, имеющих значение для дела, требуется приобщить к настоящему уголовному делу электронные носители информации и документы, которые были предметом экспертных исследований, какие фактические обстоятельства этими процессуальными действиями будут установлены и какие фактические данные содержат вещественные доказательства, о приобщении которых он просит. Суд поддержал сторону обвинения и отказал во всех ходатайствах защиты с формулировкой «суд не находит законных оснований», чем подтвердил вывод об их доказательственной ничтожности. Если первоначальные доказательства, объекты исследования, являются не относимыми к рассматриваемому уголовному делу и не содержат никакой доказательственной информации, то производные доказательства тем более не могут устанавливать какие бы то ни было обстоятельства, имеющие значение по делу. Тогда о каком доказательственном значении этих документов и носителей информации, а также результатов исследования экспертами обвинение продолжает говорить в суде? Вот лишь несколько из множества примеров. Вопреки закону и здравому смыслу стороной обвинения в качестве доказательств вины наших подзащитных представлены многочисленные документы, в том числе и сообщения электронной почты, якобы обнаруженные и распечатанные в ходе осмотров DVD-диска, записанного при экспертизе ноутбука, изъятого с рабочего места Шейко. Было произведено 5 осмотров этого диска. Однако, как неоднократно осмотренный предмет: диск, названный «Приложение к заключению экспертизы», так и якобы изъятый с рабочего места начальника дирекции корпоративных финансов Шейко, с которого, как следует из заключения экспертизы, на диск записано почтовое сообщение, отсутствуют в материалах уголовного дела и являются недоступными для участников судопроизводства. Местонахождение указанных предметов не известно. Сведений об условиях и месте хранения названных предметов в материалах уголовного дела нет. Более того, в ходе экспертизы был исследован неизвестный объект, происхождение которого не установлено, так как в протоколах следственных действий, в копиях, не зафиксированы факты и все обстоятельства обнаружения и изъятия ноутбука с рабочего места начальника дирекции корпоративных финансов Шейко. Ноутбук не осмотрен, процессуально не приобщен к материалам рассматриваемого дела. Таким образом, установить источник происхождения сообщений электронной почты, обнаруженных и распечатанных в ходе осмотров от 11, 14, 15 января 2007 года, 16, 20 апреля 2007 года не представляется возможным. Буквально легендарными являются жесткий диск «Самсунг» и дисковый массив «Symmetrix», которые могут соревноваться только со славой полувиртуальных экспертов Елояна и Куприянова. В далеком 2003 году диск без предварительного осмотра был любезно предоставлен Генеральной прокуратурой Российской Федерации экспертам для копирования информации с дискового массива «Symmetrix», якобы изъятый в ходе обыска в помещении дома 88 «а» в деревне Жуковка Одинцовского района Московской области, также без предварительного осмотра с участием специалистов и понятых. Копирование произведено в ходе комиссионной информационно-технической судебной экспертизы. Диск в 2003 году, а затем в 2004 году осмотрен. В 2006 году, с 19 декабря 2006 года по 23 января 2007 года этот же диск был объектом исследования эксперта, с него вновь скопирована информация на другой диск. Как диск, так и его копия вновь

осматривались, и в материалах дела находятся только сведения о трех осмотрах. Результаты осмотра – распечатанные документы, на которые ссылается сторона обвинения как на доказательства. На этом история не закончилась. Информация с диска и его копия продолжала размножаться и пополнять материалы рассматриваемого дела на протяжении всего судебного следствия. По устному запросу прокурора Лахтина материалы дела пополнялись именно документами, распечатанными с этих дисков. Аналогичная ситуация складывалась с документами в электронном виде, якобы скопированными с электронных носителей, изъятых из помещения адвокатского бюро «АЛМ-Фельдманс». Кроме того, все предметы и документы, указанные в качестве приложения к экспертным заключениям, не могут иметь самостоятельного доказательственного значения, они лишь иллюстрируют это заключение, и использование их в качестве самостоятельного источника доказательств незаконно. Цинизм такой ситуации заключается еще и в том, что в прениях сторона обвинения обосновала достоверность всех документов, полученных с электронных носителей, вместо непосредственного исследования первоначальных источников информации, они подтвердили (чем Вы думаете?) распоряжением председателя объединенного правления «Роспром» Ходорковского «Об установлении порядка работы с организационно-распорядительными и функционально-технологическими документами в электронном виде». С одной стороны, Ходорковскому не доверяют, а с другой стороны – очень даже верят. Таким образом, все исследованные в судебном заседании материалы и документы, полученные в ходе производства по уголовному делу 41-03 и по любым другим делам, следует признать недопустимыми, так как суд лишен возможности проверить законность производства досудебной стадии по иным уголовным делам, которые не являются предметом его рассмотрения и оценки, а грубейшее нарушение прав наших подзащитных, гарантированных и Конституцией, и уголовно-процессуальным законом, является неустранимым. Суд неоднократно принимал решение об оглашении показаний как лиц, не явившихся в судебное заседание по тем или иным причинам, так и лиц, допрошенных в качестве свидетелей в зале суда. И сторона обвинения в судебных прениях обосновывала свои выводы также оглашенными показаниями этих лиц. Ст.281 УПК РФ допускает оглашение показаний свидетеля, ранее данных при производстве предварительного расследования. Сторона обвинения на досудебной стадии в рамках рассматриваемого дела допросила только одного свидетеля, чьи показания не исследовались в зале суда. Основываясь на нормах ст.281 УПК РФ, суд исследовал исключительно копии протоколов допросов лиц с процессуальным статусом свидетеля, обвиняемого, потерпевшего, полученные при производстве предварительного расследования по другим уголовным делам и не приобщенные к рассматриваемому уголовному делу без законных на то оснований. Такие доказательства не могут быть признаны достоверными и допустимыми. Процессуальный статус, ответственность и интересы потерпевшего, подозреваемого, обвиняемого, свидетеля в уголовном судопроизводстве существенно различаются. Потерпевший – это участник судопроизводства со стороны обвинения, обвиняемый – соответственно, защиты, свидетель отнесен к иным участникам судопроизводства. Однако независимо от занимаемого процессуального положения каждому гарантировано право, предусмотренное ст.51 Конституции РФ, не свидетельствовать против себя, своего супруга и других близких родственников. А в случае согласия дать показания должны быть предупреждены, что их показания могут быть использованы в качестве доказательства по данному уголовному делу. Я еще раз заостряю внимание: по данному уголовному делу. Для обеспечения реализации данного права обвиняемый вправе знать, в чем он обвиняется, потерпевший вправе знать о предъявленном обвиняемому обвинении. Свидетелю могут быть известны какие-либо обстоятельства, имеющие значение для расследования и разрешения уголовного дела, по которому он вызван для дачи показаний. Казус заключается в том, что свидетели, то есть лица, которые были допрошены по другим делам, были вызваны для дачи показаний при расследовании одного дела, а в суде

разрешалось совершенно другое дело. Следовательно, как допрошенные, так и не допрошенные в зале суда лица не могли знать на день допроса и не знают до настоящего времени в той степени, в какой им позволяет закон, об участниках настоящего судопроизводства и об обстоятельствах рассматриваемых дел, поэтому не могли воспользоваться своим правом, предусмотренным Конституцией Российской Федерации. Обстоятельства, которые были известны допрошенным по другим делам лицам, выяснить суду не удалось: в одном случае – из-за неявки лиц, чьи показания были оглашены, а в другом случае – из-за активного сопротивления стороны обвинения, поддерживаемого судом. Все вопросы об обстоятельствах допроса свидетелей по другим делам судом отводились. Довод был приведен один: свидетель предупрежден об уголовной ответственности за разглашение данных предварительного расследования. Суд при рассмотрении и разрешении дела не может быть связан какими бы то ни было подписками, полученными у свидетеля следователем. Иной подход означает умышленное воспрепятствование осуществлению правосудия и недопустимое принижение роли суда, как независимого органа власти, превращение его в придаток следственных органов и прокуратуры. Кроме того, в данной ситуации не обеспечены и не соблюдены права наших подзащитных, так как, какой бы процессуальный статус ни имели допрошенные свидетели в ходе предварительного следствия по другим делам, они не несут никакой ответственности за ранее данные показания, даже если они будут ложными, допрошенные в настоящем судебном процессе. Вместе с тем, сторона защиты обращала внимание суда в ходе оглашения, исследования доказательств на следующие обстоятельства. Ряд лиц допрашивались на досудебной стадии в качестве обвиняемых многократно, а в настоящем судебном разбирательстве были выборочно оглашены их показания, причем только по копиям протоколов допросов. Были оглашены только некоторые дополнительные показания, а основные показания обвиняемых по другим делам, в частности Карасевой, Голубовича, Юрова, мы так и не увидели. При этом следует отметить, что обвиняемый вправе защищаться любыми способами, не запрещенными законом, не обязан давать показания и не несет ответственности за дачу ложных показаний. В ходе допросов по другим, по иным делам допрашиваемым, практически каждому, предъявлялись документы, с содержанием которых не ознакомлена сторона защиты и суд. В ходе допросов допрашиваемые сами приносили и передавали следователям предметы и документы, которых мы здесь не видели. Достаточно было сказать о том, что 25 декабря перед допросом и в ходе допроса Голубович принес, предоставил следствию дипломат с документами в присутствии тех же «штатных» понятых Дубовец и Бакиной. В ходе допросов велась аудиозапись, материалы которой должны храниться при уголовном деле вместе с протоколом допроса в соответствии с требованием ч.4 ст.189 УПК РФ, однако такие материалы были доступны в настоящем судебном разбирательстве далеко не всегда, так как свидетели допрашивались по другому уголовному делу, а то, что нам предоставили, это еще не означает, что записи не соответствуют действительности. В ходе допросов присутствовали иные участники уголовного судопроизводства. Я имею в виду, в ходе допросов лиц, чьи показания были оглашены. В ходе допроса Крамера присутствовал специалист Лешкин, в ходе допросов свидетеля Миллера – переводчик Макеева. Кстати, переводчик Макеева была назначена по уголовному делу сорок первому после выделения рассматриваемого уголовного дела из материалов уголовного дела 18/41-03, по утверждению следствия, то есть в 2007 году, и, соответственно, проверить компетентность и заявить отвод, как это делали переводчику Сомову, сторона защиты не сможет уже никогда. Надо ли дополнительно объяснять суду, что проверить компетентность и заинтересованность указанных лиц у суда и стороны защиты, в отличие от стороны обвинения, не будет возможности? Ряд лиц были допрошены по уголовному делу 41-03 после 03 февраля 2007 года, даты выделения уголовного дела, а в некоторых случаях и после уведомления об окончании следственных действий. В судебных прениях стороной обвинения часто упоминались оглашенные показания Карасевой и Миллера как

доказательства вины наших подзащитных, однако сторона обвинения забыла, что все эти лица были допрошены в ходе расследования по другому уголовному делу, уже после состоявшегося выделения рассматриваемого дела. Что касается выдаваемых обвинением за доказательства копий протоколов допросов свидетелей, потерпевших, обвиняемых, подозреваемых, то они еще недопустимы и по следующей причине: закон признает доказательствами показания и протоколы следственных действий, а не их копии. Единственное допустимое исключение в отношении копий протоколов допросов – законное выделение материалов дела в отдельное производство, о чем уже было сказано и чего в данном случае не было и в помине. Таким образом, не могут быть допущены в качестве доказательств исследованные в порядке ст.281 УПК РФ копии протоколов допросов свидетелей, потерпевших, обвиняемых, полученных по иным делам. Как суд может оценить копии протоколов допросов, произведенных по каким-то другим делам? Как проверить соблюдение требований закона при получении этих показаний? Как убедиться в том, что в тех других делах нет показаний этих же лиц по тем же вопросам, но иного содержания или в ином процессуальном статусе? И особенно все это актуально для тех случаев, когда данные лица в суде по настоящему делу показаний вообще не давали. Хотелось бы напомнить суду, что его обязанность – не только разъяснить всем участникам уголовного судопроизводства их права, обязанности и ответственность, но и обеспечивать возможность реализации этих прав, однако суд пошел на поводу у стороны обвинения и проигнорировал все эти существенные обстоятельства. Приобщив под видом доказательств бесчисленные копии документов и показаний, сторона обвинения демонстрирует, что сознательно отказалась от проведения следственных и процессуальных действий по рассматриваемому уголовному делу с соблюдением и обеспечением всех прав и законных интересов участников судопроизводства, а это лишний раз доказывает, что это все дело сфальсифицировано и не имеет ничего общего с целями судопроизводства. Я уже останавливалась на том моменте, что в исследованных в зале суда доказательствах не содержится сведений о фактах преступлений, инкриминируемых нашим подзащитным. Однако обвинение в прениях, чтобы заполнить вакуум, возникший из-за отсутствия реальных доказательств, использовало следующие способы: пытались доказать непредъявленное обвинение, то есть за пределами ст.252 УПК РФ, в частности, приводили доказательства, подтверждающие обман Ходорковским и Лебедевым аудиторов «ПрайсвотерхаусКуперс Аудит». Обман, по их утверждению, заключался в том, что сведения о фиктивности предприятий Ходорковским и Лебедевым аудиторами, пользователям финансовой отчетности, а позднее членам рабочей группы по подготовке проекта Эф-1 не были представлены. Помимо того, что эти обстоятельства не имеют отношения к предмету судебного разбирательства, говорить о каком-то доказывании не приходится, поскольку невозможно доказать несуществующее: никакой фиктивности предприятий не было. Также приводили доказательства, якобы подтверждающие нарушение Ходорковским и Лебедевым прав акционеров, а именно «НК «ЮКОС», путем непредставления им всей достоверной информации о деятельности и возможности реализации прав инвесторов. При этом сторона обвинения утверждает, что ни в налоговые органы, ни в Интернете, ни в других публичных источниках информации консолидированная финансовая отчетность «НК «ЮКОС» не публиковалась. Указывая на это, сторона обвинения явно лжет, так как даже в ходе своих выступлений в прениях они неоднократно приводили в качестве доказательств протокол осмотра документов от 02 апреля 2007 года, размещенных в сети Интернет на сайте по адресу www.yukos.ru. По утверждению обвинения, данный сайт является официальной Интернет-страницей «НК «ЮКОС», и на нем была опубликована консолидированная финансовая отчетность. То, что осталось на сайте на апрель 2007 года, трудно спросить с наших подзащитных, так как с 2003 года они лишены доступа к Интернету. Помимо того, что следователь Михайлов осмотрел документы, размещенные в сети Интернет на сайте, при этом произвел запись осмотренных документов в электронной версии на диск, который был указан в качестве

приложения к протоколу осмотра. Как и во многих других подобных случаях, копия протокола осмотра в материалах уголовного дела имеется, а диска нет. 16 сентября 2009 года стороной защиты было заявлено ходатайство о необходимости истребования диска для исследования в судебном заседании, однако сторона обвинения была категорична и возражала, а суд не нашел законных оснований для его удовлетворения, так как диск не признан вещественным доказательством. Так кто кому не предоставил информацию и обманул? Кроме того, чтобы заполнить вакуум, сторона обвинения разъясняли термины. Следует напомнить, что мой подзащитный Михаил Борисович Ходорковский неоднократно обращался с многочисленными ходатайствами о разъяснении предъявленного обвинения и разъяснении терминов, которые употребляются в обвинительном заключении. Со стороны обвинения разъяснений не последовало до завершения судебного следствия, однако в прениях обвинители вдруг вынужденно разъяснили, что понимают под трансфертным ценообразованием, какие ассоциации вызывает принцип «вытянутой руки», что является предметом бухгалтерского учета US GAAP, и, наконец, раскрыли понятие протектора. Комментировать эти разъяснения особо не приходится, разве что сказать, что они ничего не разъясняют, наоборот еще больше все запутывают, а в ряде случаев содержат ложь и подлоги. Вынужденность этих разъяснений заключалась не в обеспечении реализации права обвиняемого, а затем и подсудимого, знать, в чем он обвиняется, а в необходимости обоснования несостоятельности выводов подсудимых и их защитников. И для какой цели были такие разъяснения? Сторона обвинения разъяснили, как сумели, законодательство других стран, в частности, разъясняли Кодекс о внутренних доходах США и Правила ОЭСР, а ссылаясь на нормативные акты Российской Федерации, регулирующие деятельность хозяйственных товарищеских обществ, забывали о действии закона во времени и пространстве. Так, уже приводился пример с Федеральным законом «Об акционерных обществах» в редакции от 13 июня 1996 года. В частности, ст.83, вопреки утверждениям прокурора Ибрагимовой, не содержит среди требований требования об обязательном предварительном одобрении заключения сделки, в совершении которой имеется заинтересованность, общим собранием акционеров. Прокурор Лахтин считает, что институт номинальных акционеров и директоров существует только в оффшорных юрисдикциях: Британские Виргинские острова и на Панаме. Также прокуроры сознательно приходили (да простят они меня за плагиат) к «усеченным умозаключениям», а именно, забывая о том, что решение комиссии Ханты-Мансийского отдела Западно-Сибирского территориального управления Государственного антимонопольного комитета Российской Федерации по рассмотрению дел о нарушениях законодательства от 30 ноября 1998 года давно было отменено. Данное обстоятельство исследовалось в зале суда при исследовании решений арбитражных судов. А также прокуроры оценивали доказательства, которые не были предметом исследования в судебном заседании, вопреки ст.241, ч.4 ст.292 УПК РФ. В частности, в показаниях Дага Миллера, полученных в суде США и не представленных в настоящем процессе, сторона обвинения усмотрела отсутствие любых сведений, которые могли бы быть заявлены доказательствами со стороны защиты. В ходе так называемого анализа доказательств умышленно искажали действительное содержание документов, исследованных в зале суда. Так, уже приводился пример о том, что ни в одном из решений арбитражных судов города Москвы от 23 апреля 2004 года, 28 апреля 2005 года, 23 декабря 2004 года подконтрольные «НК «ЮКОС» предприятия не называются подставными, деятельность их не называется подставной и противоправной. Я привела из бесчисленного искажения содержания документов, допущенного стороной обвинения, только лишь один пример, а таких примеров бесчисленное множество и бесконечное множество, о чем нам сегодня говорили коллеги, и было также очень много сказано Михаилом Борисовичем Ходорковским в своем выступлении. Чтобы уличить обвинение в систематических интеллектуальных подлогах, то есть в фальсификации, я могу процитировать все документы, которые подверглись анализу, недобросовестному анализу, со стороны

обвинения, но пожалеею участников судопроизводства и присутствующих в зале лиц, так как это займет, безусловно, огромное количество времени, а главное – это и бессмысленно, поскольку каждый названный документ был исследован в зале суда. Чтобы предотвратить подобное злоупотребление правом, сторона защиты обращалась к суду с ходатайством об исследовании доказательств, представляемых стороной обвинения, в порядке, предусмотренном законом, а именно – обозначать относимость, допустимость и доказательственное значение каждого документа. Суд уклонился от решения этого вопроса вопреки требованиям ст.ст.87, 88, 240 УПК РФ, пояснив, что порядок исследования доказательств определяется стороной, их представляющей. Таким образом, у суда есть возможность еще раз обратиться к материалам уголовного дела, которое, мы надеемся, будет находиться в той совещательной комнате, где будет приниматься решение по рассматриваемому делу. И я просила бы, Ваша честь, постановить приговор, который, безусловно, является оправдательным, так как доказательств, которые были бы собраны в соответствии с законом, в материалах уголовного дела нет.

Защитник Клювгант В.В.: Ваша честь, мы просим пятнадцатиминутный перерыв и потом заканчиваем, заключительная часть.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: поддерживаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: поддерживаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: поддерживаю.

Защитник Москаленко К.А.: поддерживаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: поддерживаю.

Защитник Купрейченко С.В.: поддерживаю.

Защитник Липцер Е.Л.: поддерживаю.

Защитник Ривкин К.Е.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Клювганта В.В. удовлетворить, объявить перерыв.

Судом объявляется перерыв.

16 часов 55 минут – судебное заседание продолжено.

Секретарь судебного заседания докладывает о явке вызванных в суд лиц.

Подсудимый Ходорковский М.Б. – доставлен.

Подсудимый Лебедев П.Л. – доставлен.

Защитник Дятлев Д.М. – не явился.

Защитник Клювгант В.В. – явился.

Защитник Левина Е.Л. – не явилась.

Защитник Москаленко К.А. – явилась.

Защитник Терехова Н.Ю. – явилась.

Защитник Лукьянова Е.А. – не явилась.

Защитник Грузд Б.Б. – не явился.

Защитник Шмидт Ю.М. – явился.

Защитник Сайкин Л.Р. – не явился.

Защитник Краснов В.Н. – не явился.

Защитник Купрейченко С.В. – не явился.

Защитник Липцер Е.Л. – явилась.

Защитник Мирошниченко А.Е. – не явился.

Защитник Ривкин К.Е. – явился.

Защитник Сапожков И.Ю. – не явился.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э. – явился.

Государственный обвинитель Лахтин В.А. – не явился.
Государственный обвинитель Ковалихина В.М. – не явилась.
Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б. – явилась.
Государственный обвинитель Смирнов В.Н. – явился.
Потерпевший Белокрылов В.С. – не явился.
Потерпевший Демченко В.М. – не явился.
Представитель потерпевшего Гришина Т.Ю. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.
Представитель потерпевшего Щербакова И.Л. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.
Представитель потерпевшего Петрова И.Е. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.
Представитель потерпевшего Ларионов Р.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.
Представитель потерпевшего Чернега Д.С. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.
Представитель потерпевшего Курдюкова Н.А. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.
Представитель потерпевшего Фрадкин К.Б. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явился.
Представитель потерпевшего Лозко В.И. – представитель Федерального Агентства по управлению государственным имуществом – не явилась.
Представитель потерпевшего Узалов И. – представитель Компании «Sandheights Ltd» – не явился.
Представитель потерпевшего Пятикопов А.В. – представитель ОАО НК «Роснефть», ОАО «Томскнефть» – не явился.
Свидетели – не явились.
Судом ставится вопрос о возможности продолжить судебное заседание при данной явке.
Подсудимый Ходорковский М.Б.: не возражаю.
Подсудимый Лебедев П.Л.: не возражаю.
Защитник Клювгант В.В.: не возражаю.
Защитник Москаленко К.А.: не возражаю.
Защитник Терехова Н.Ю.: не возражаю.
Защитник Шмидт Ю.М.: не возражаю.
Защитник Липцер Е.Л.: не возражаю.
Защитник Ривкин К.Е.: не возражаю.
Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.
Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.
Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Продолжить судебное заседание при данной явке.
Защитник Липцер Е.Л.: Уважаемый суд, участники процесса. Позволю себе напомнить, что, к сожалению, отсутствующий сейчас господин Лахтин в своей речи в прениях сообщил всем помимо прочего, что подсудимые и их защитники, по существу, оказывали незаконное давление на правосудие, а также свидетелей и потерпевших, которые выступали в данном судебном заседании, искажая суть обвинения, в том числе в своих обращениях в Европейский Суд по правам человека, где они до сих пор пытаются представить события, описанные в обвинительном заключении о преступлении, как якобы легальную хозяйственную деятельность. Я, как представитель команды защитников Платона Леонидовича Лебедева, обращающийся от его имени в Европейский Суд по правам человека, смею ответить прокурору Лахтину тем, что Европейский Суд по правам

человека, так же, как, кстати говоря, и Президиум Верховного Суда Российской Федерации, который в связи с имевшим место решением Европейского Суда по жалобе «Лебедев против России» признал, например, незаконным избрание в отношении Лебедева меры пресечения в виде заключения под стражу, на которой настаивал тот же прокурор Лахтин, не считает обращение к ним чем-то незаконным и наисерьезнейшим образом относится к нашим жалобам. Подтверждением этому служит тот факт, что 27 мая 2010 года было принято решение о приемлемости жалобы «Лебедев против России 2». То есть Европейский Суд признал, что жалоба по существу этих нарушений обоснована и требует рассмотрения по существу. Основной темой той жалобы в Европейский Суд было нарушение права Лебедева Платона Леонидовича на справедливое судебное разбирательство, но в Мещанском суде города Москвы, результатом которого стал приговор, на который здесь неоднократно ссылались прокуроры, в том числе в своих выступлениях. И поскольку право Европейского Суда – это прецедентное право, то понятно, что аналогичный подход, так же, как и к той жалобе «Лебедев против России 2», подход Европейского Суда будет и к тем нарушениям, которые, к сожалению, были допущены Вами, Ваша честь, в ходе рассмотрения данного дела в Хамовническом суде города Москвы. Поэтому именно в этом аспекте мы с моей коллегой Каринной Акоповной Москаленко решили изложить суду наше мнение об имевших место в процессе рассмотрения уголовного дела Вами, Ваша честь, нарушениях прав наших подзащитных, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод.

17 часов 00 минут. Государственный обвинитель Лахтин В.А. явился.

Защитник Липцер Е.Л.: это, в том числе, нам требуется для того, чтобы, как этого требует Европейская конвенция, исчерпать эффективные средства защиты внутри страны. То есть мы, прежде чем обратиться в Европейский Суд, если в этом будет необходимость, должны в России изложить наши соображения о тех нарушениях, которые, по нашему мнению, имели место. Так вот, непосредственно относимыми к данному процессу можно считать признанные приемлемыми Европейским Судом по жалобе «Лебедев против России 2», которую я упоминала, такие нарушения, например, как (я цитирую сейчас из перевода решения) продолжительное содержание под стражей в ходе предварительного следствия и судебного процесса (статья 5, параграф 3 Конвенции), неспособность заявителя поддерживать семейные и социальные связи (статья 8 Конвенции), несоответствующие причины уголовного преследования (статья 18 Конвенции). И все эти нарушения уже, в общем-то, являются предметом третьей жалобы в Европейский Суд по правам человека. Однако я сейчас хотела бы остановиться на признанном приемлемым нарушении статьи 6 Европейской конвенции, которая гарантирует право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом. В связи с этим нарушением в решении было признано приемлемым такая часть жалобы, как несправедливость обращения судом с доказательствами (это параграфы 1 и 3, пункт d Конвенции о защите прав человека и основных свобод). При этом позволю себе отметить, что такая формулировка, как «несправедливость обращения судом с доказательствами», явилась некой новеллой в решении Европейского Суда, поскольку ранее мне не доводилось видеть такие формулировки Европейского Суда, потому что обычно Европейский Суд в оценку доказательств не вникает – оценку доказательств, соответственно, национальным судом. Однако в связи с развивающейся практикой Европейского Суда, то, что мы видим сейчас в связи с новыми решениями Европейского Суда, когда имеется такая совокупность нарушений, свидетельствующих о комплексном нарушении основополагающих основ справедливого судебного разбирательства, то суд в этом случае может принять решение о нарушении статьи 6 Конвенции, что само по себе далее уже является основанием для возобновления производства по делу ввиду новых обстоятельств и отмены вступившего в законную силу приговора суда в соответствии со ст.413 УПК РФ. И такая практика сейчас, смею заверить, активно развивается, Президиум Верховного Суда пересматривает такие приговоры и отменяет. Но поскольку настоящим судом приговор еще не вынесен,

мы пока не можем говорить о том, что уже имеет место нарушение пункта 1 и 3 статьи 6 Конвенции, однако, по нашему мнению, Вы, Ваша честь, уже допустили такие нарушения, которые в случае вынесения незаконного приговора дадут нам все основания поставить перед Европейским Судом по правам человека вопрос о грубых и неустранимых нарушениях статьи 6 Конвенции, и эти нарушения выразились в следующем. Первое. При том, что судом в настоящем судебном процессе был допрошен представленный стороной обвинения эксперт Школьников, остальных экспертов обвинение почему-то суду решило не представлять. Но, тем не менее, кого обвинение представило, допрошен был. Суд по откровенно надуманным мотивам удовлетворил практически все заявления стороны обвинения об отводе специалистов, приглашенных стороной защиты, а именно: об отводе специалиста Кевина Дайджеса – 07 июня 2010 года, специалиста Лопашенко – 01 июля 2010 года, специалиста Делягина – 08 июля 2010 года, специалиста Россинской – 09 августа 2010 года, специалиста Савицкого – 10 так же августа 2010 года, Джона Джозефа Романелли – 17 августа 2010 года и специалиста Лоры Рассел Хардин – 18 августа. При этом допросив в суде единственного специалиста, которого суд допустил, представленного стороной защиты, Уэсли Хона, суд, тем не менее, отказал защите в ходатайстве о приобщении к материалам дела его заключения. Европейский Суд по правам человека по упоминаемой мной второй жалобе господина Лебедева в Европейский Суд такие нарушения также рассматривал и поставил Правительству Российской Федерации вопросы: почему специалисты, которых просила сторона защиты, не были допущены, а те, которые были допущены и допрошены, их заключения приобщены не были или не были судом должным образом оценены? Поэтому это прямо относится к тому решению о приемлемости той жалобы, о которой я говорила. Кроме того суд, идя на поводу у стороны обвинения, отказал в неоднократных ходатайствах стороны защиты о вызове в суд тех экспертов, которых обвинение в суд не привело, но чьи экспертные заключения, на которые сторона обвинения неоднократно ссылалась, были получены с нарушением закона. Для стороны защиты при этом очевидно, что и недопущение для допроса в суде специалистов защиты, и отказ вызвать в суд экспертов обвинения вопреки решению об этом Вашему, Ваша честь, от 17 марта по итогам предварительного слушания, поскольку эти эксперты были включены в число лиц, подлежащих вызову в суд, приложенному к обвинительному заключению, эти все отказы вызваны одной и той же причиной, а именно: стремлением суда способствовать стороне обвинения в сокрытии невыгодных для нее обстоятельств и доказательств. При этом у стороны защиты, смею Вас заверить, были совершенно конкретные вопросы к экспертам обвинения, таким как Иванову, Кувалдину, Мельникову и Шепелеву, Елояну и Куприянову, а особенно к Черникову и Мигалю, выводы которых были самим обвинением, в общем, опровергнуты в прениях. Экспертов Елояна и Куприянова, о которых уже упоминала моя коллега адвокат Терехова, мы и наши подзащитные тщетно пытаемся увидеть уже как минимум 6 лет, поскольку и в Мещанском суде были неоднократно такие ходатайства заявлены, но суд, к сожалению, нам отказал. И Европейскому Суду теперь интересно, кстати говоря, почему эти эксперты так тщательно скрываются от допроса в открытом судебном заседании, и вопросы об этом уже поставлены Правительству Российской Федерации. В итоге надо сказать, что суд отказал также и в удовлетворении всех ходатайств защиты о признании недопустимыми доказательствами экспертиз, полученных с нарушением закона. Второе. Судом было отказано в удовлетворении значимых для стороны защиты ходатайств об истребовании доказательств и о приобщении доказательств к делу. Я хочу напомнить, что ходатайства об истребовании доказательств защита была вынуждена заявлять в связи с тем, что огромное количество документов было изъято во время расследования различных дел, связанных с так называемым делом «ЮКОСа», однако к материалам данного уголовного дела большое количество изъятых документов, имеющих отношение к обвинениям, которые предъявлены нашим подзащитным, но невыгодных обвинению, эти документы приобщены не были, и тем самым они были умышленно стороной обвинения

скрыты от защиты, Ваша честь, и от Вас. В результате защита была лишена возможности доступа к этим документам, которые свидетельствовали об отсутствии самого события преступления, о его фальсификации, заведомо ложном характере, и не смогла представить эти доказательства суду. Однако в соответствии со ст.15 УПК РФ именно суд создает условия для исполнения сторонами их процессуальных обязанностей и осуществления представленных им прав, поэтому именно суд должен был обеспечить защите возможность раскрытия доказательств невиновности наших подзащитных, и невыполнение этого требования мы считаем существенным нарушением в судебном разбирательстве, и это неоднократно последовательно уже указывал в своих решениях Европейский Суд по правам человека, оценивая жалобы на такие отказы суда. Судом было отказано в удовлетворении ходатайств защиты о вызове свидетелей, которые, по мнению защиты, могли дать показания по предъявленным нашим подзащитным обвинениям, поскольку эти свидетели имели непосредственное отношение к событиям, которые описаны в обвинительном заключении, а именно: Путина Владимира Владимировича, Сечина, Кудрина, Устинова, Патрушева, Починка, Рушайло, Сердюкова, Скуратова, Собянина, Степашина, Жукова, Букаева, Зубченко, Карасева, Кудряшова, Куликова и так далее, можно продолжать дальше этот список. При этом я хочу отметить, что защита мотивировала необходимость допроса каждого конкретного свидетеля и обосновывала, почему именно этот свидетель может обладать сведениями, которые могут быть интересны именно для того, чтобы установить обстоятельства по данному уголовному делу. К сожалению, суд не захотел этих свидетелей в судебном заседании услышать. Суд отказал также защите в удовлетворении ходатайств о направлении международных правовых запросов для допроса свидетелей, находящихся за границей. Я напомню, что мы просили направить международные правовые запросы для допроса свидетелей Мизамора, Хантера, Лозе, Сублена, Ивлева, Шахновского, Дубова, Брудно, Леоновича, Гололобова и так далее. Суд мотивировал свой отказ тем, что эти свидетели якобы могут сами явиться в судебное заседание, и тогда они будут допрошены в соответствии с частью четвертой и так далее. Конечно, тогда бы у суда не было возможности не допросить этих свидетелей, но суду было известно (и защита об этом говорила), что большинство из этих свидетелей заведомо незаконно преследуются стороной обвинения по так называемому делу «ЮКОСа», и, естественно, они полагали, что, явившись в Российскую Федерацию, они просто будут арестованы прямо в аэропорту города Москвы. Кроме того, часть из этих свидетелей являются иностранными гражданами, и согласно ст.281 УПК РФ они были вправе отказаться от явки в суд и были согласны дать показания в своей стране. Но суду опять же стало неинтересно, или он посчитал, что эти свидетели не могут ничего сказать по делу, однако мотивировать свое решение суд должным образом не мотивировал. Суд также отказал в приобщении к материалам дела протоколов опроса важных для защиты свидетелей, таких как Майкла Хантера, Брюса Мизамора, Сары Кэрри, Леоновича и Франка Ригера. Эти показания были получены совершенно законно адвокатами в соответствии со ст.86 УПК РФ, которая прямо предусматривает возможность получения защитой доказательств путем опроса лиц с их согласия, а также Федерального закона «Об адвокатуре». Кроме того, суд отказал также в приобщении заверенных копий протоколов допроса Александрия Василия Георгиевича, которые были сделаны на территории Российской Федерации. Полагаем, что таким образом суд проявил свою необъективность и незаконно создал преимущества для стороны обвинения в ущерб интересам стороны защиты, показал свое, в общем-то, нежелание узнать те обстоятельства, которые эти свидетели могли дать в своих показаниях. Получается, что сторона обвинения смогла представить в суд всех тех свидетелей, которых хотела представить, сторона защиты по надуманным, на мой взгляд, причинам была такой возможности лишена. Более того, судом не была обеспечена явка тех свидетелей, ходатайства о вызове которых были ранее самим же судом удовлетворены. Я назову только тех, кто более важными были для защиты. Например,

главы «Роснефти» Богданчикова, которому даже, по сведениям, была вручена повестка, представителя «PricewaterhouseCoopers» Турчиной, Франка Ригера, которому направлялась повестка через Минюст, о чем нам суд сообщал, и многих других. Суд также не обеспечил явку в суд представителей потерпевших по делу, что, в общем-то, на мой взгляд, тоже является таким значимым нарушением. В суде не были допрошены представители потерпевших «Юганскнефтегаза», «Томскнефти», «Самаранефтегаза», которые, кстати сказать, были указаны в списке лиц, подлежащих вызову в суд. Мы считаем, что такое существенное ущемление прав стороны защиты не совместимо с гарантиями, представленными статьей 6 Европейской конвенции. И в дополнение к этому хотим сказать, что также под надуманным предлогом суд отказал защите в исследовании большого количества документов, которые самим же судом были приобщены к материалам дела в качестве приложений к ходатайствам защиты, и это, на мой взгляд, было сделано судом по давлением стороны обвинения, которая против этого яростно возражала. Моя коллега Наталья Терехова говорила уже о том, что в суде были оглашены показания многочисленных свидетелей, и обращала внимание, что многие из этих свидетелей были допрошены по другим делам, и что самое важное, не в качестве свидетелей, а в качестве обвиняемых. Это, например, господа Ильченко, Юров. И суд также удовлетворил ходатайство стороны обвинения об оглашении показаний лиц, вообще не допрошенных в данном судебном заседании, при том, что они были допрошены по другим делам, например, Карасева, и она также была допрошена не в качестве свидетеля. Когда же в ходе судебного процесса при допросе свидетелей выяснялось, что этот свидетель ранее был допрошен по другому делу, но по тем же обстоятельствам, которые подлежат доказыванию в данном судебном заседании, Вы, Ваша честь, препятствовали стороне защиты в том, чтобы выяснить, по каким обстоятельствам данный свидетель был допрошен, в каком качестве данный свидетель был допрошен, что тоже, на наш взгляд, явилось существенным нарушением прав подсудимых и нарушением права на защиту. В целом такой подход суда нарушил принцип равенства сторон в процессе и свидетельствует о явной небеспристрастности суда, поэтому, Ваша честь, я считаю, мы считаем, что вынесение при таких обстоятельствах другого приговора, кроме оправдательного, к сожалению, явится основанием для обращения в Европейский Суд по правам человека с жалобой на нарушение 6 статьи Европейской конвенции, которая гарантирует право на справедливое судебное разбирательство независимым и беспристрастным судом. Поэтому, Ваша честь, я присоединяюсь к моим коллегам и прошу по итогам Вашего совещания в совещательной комнате вынести оправдательный приговор в отношении наших подзащитных. У меня все, спасибо.

Защитник Москаленко К.А.: а я, с Вашего позволения, продолжу, Ваша честь, уважаемые участники процесса. Тот Центр содействия международной защите, в котором мы имеем честь с Еленой Львовной трудиться, выиграл, наверное, около 130 (я не знаю, эта цифра каждый день меняется) дел против не Российской Федерации (я подчеркну), а против власти или властей Российской Федерации, но, наверное, дело «Ходорковский и Лебедев» – это, наверное, дело, которое содержит рекордное количество нарушений. Их столько много, что мы, не боясь за Ваш слух, решили сегодня к этим нарушениям обратиться. И, видимо, техника суда даже не выдержала объема этих нарушений, отказав как раз на этом месте. Это я использую прием советских журналистов, которые говорили, что даже погода помогает нам, или, наоборот, невзирая на дождь. В общем, короче, невзирая на дождь, мы будем говорить еще и еще о нарушениях допущенных, и я попробую сконцентрироваться именно на нарушениях, допущенных судом. Есть нарушения, а есть нарушения. Не существует безобидных нарушений. Если они допускаются, особенно в сфере уголовного судопроизводства, значит, это кому-то нужно. Но при этом существуют нарушения, которые я позволила бы себе образно назвать градообразующими. В этой связи я в своем выступлении остановлюсь лишь на нескольких буквально считанных нарушениях, а

именно на таких, при наличии которых судебное разбирательство, какой бы вежливостью Вы его не обставили, не может быть признано справедливым для целей статьи 6 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Мои коллеги уже неоднократно обращались к теме нелегитимности происходящего здесь, в этом зале. Я, Ваша честь, хочу вернуть Вас к тому первому дню, к предварительному слушанию, когда Вы так упорно не давали защите возможности заявить ходатайство о подсудности этого дела и даже, я помню, объявили мне замечание, обоснованность которого я сейчас тоже не буду обсуждать, но, чтобы заставить себя услышать, я вынуждена была заявить Вам отвод. И вот с первого же дня мы хотели остановить это действо как минимум потому, что оно не там происходит просто потому, что наши подзащитные даже по обвинительному заключению не совершали ничего из предъявленного им на территории этого старейшего и уважаемого района нашей столицы. Видите ли, Ваша честь, дело не в том, что передача этого уголовного дела в другой суд могла бы хоть как-то изменить перспективы его рассмотрения, но произвол в выборе суда был очевиден. Однако Вас и Ваш суд избрала Генеральная прокуратура, обвинение, наши оппоненты, и Вы остались в этом деле, несмотря, с моей точки зрения, на доводы здравого смысла. Во всяком случае, в своем постановлении Вы, имея возможность привести доказательства необходимости рассмотрения этого дела в данном суде, этого не сделали. Я считаю, что в этом смысле Ваша фигура абсолютно трагическая: Вас «приговорили» к этому делу, и Вы его рассматриваете до сего дня. Как и тогда, я считаю, что Вы не имели права рассматривать это дело, а решение суда, которое Вы тогда вынесли, – это правовой нигилизм. Далее. Здесь уже говорилось о невызове свидетелей (это очень важный момент для анализа обеспечения состоятельности процесса) и о том, что суд не вызвал руководителей государства. Их показания были очень важны, но, видимо, они являются у нас в государстве неприкасаемыми. Это и свидетели, которых следовало допросить по правилам допроса иностранных свидетелей, и многие-многие другие свидетели. И проблема, Ваша честь, этого суда вовсе не в том, что суд не допросил там 20 или 30, или даже 230 свидетелей, названных защитой. Проблема этого суда заключается в том, что изначально еще с подготовительного заседания, когда решался этот вопрос, Вы, Ваша честь, поставили всех на свои места и с тех пор их, нас всех, на своих местах и держите. Вот список свидетелей, предложенных обвинением, был принят полностью, без купюр, и весь список, защитой предложенный, был полностью отвергнут судом. И сколько бы Вы потом свидетелей не допросили, сколько бы одолжений защите суд не сделал, вот тот момент, когда Вы, держа, как беспристрастный арбитр, два списка, сказали: «Этот список в суде будет, а этот не будет», для меня, например, в этот день процесс закончился, и я об этом публично высказала свое мнение. Я, конечно, появляюсь в процессе (правильно моя коллега сказала, Елена Львовна, что мы обязаны исчерпать все средства правовой защиты), но все-таки есть такие нарушения, которые позволяют судить о добросовестности судебного разбирательства, а отказ суда сделать то, что полагается по закону, я опять же расцениваю как правовой нигилизм. Далее. Есть такие нарушения, которые, может быть, не бросаются в глаза, но которые показывают истинное лицо и ту же самую добросовестность. В этом смысле весьма знаковым является то, что суд сделал с протоколом судебного заседания. Я, наверное, надоела суду неоднократными ходатайствами о выдаче нам протоколов судебного заседания не спустя много месяцев, а сразу после того, как он изготавливается. В общем, в правовом государстве трудно себе представить, чтобы защита не располагала протоколом судебного заседания целый год или больше года, или даже месяц, или даже неделю – непредставимо. Мои западные коллеги не дадут мне соврать. И суд, конечно, осознает, выслушав наше ходатайство, что, если он откажет в выдаче протоколов судебного заседания своим решением, это будет ничем не оправданное и нелегитимное ущемление прав, прав защиты, и суд удовлетворяет ходатайство, но протокол не выдает. Не выдает. И что мы потом найдем в этом протоколе, можно только догадываться. Неслучайно уже сегодня обвинение щедро цитирует

показания свидетелей защиты (это и Христенко, и всех других) как доказательства якобы вины подсудимых. То ли еще будет. Я считаю, что удовлетворить ходатайство защиты о выдаче протокола и его не выдать – это даже не правовой нигилизм, это такой здоровый процессуальный цинизм, если, конечно, цинизм вообще может быть здоровым. Так что же следует ожидать от суда, который уже таким образом себя проявил? А вот чего. Все эти годы обвинение совершает одно серьезное злоупотребление (вернее, это комплекс, один большой комплекс злоупотреблений), оно всегда скрывает от обвиняемых суть того, в чем они обвиняются. Более того, оно долгие годы скрывает от обвиняемых даже сам факт проведения расследования против них, и оно всегда скрывает до поры до времени доказательства. С точки зрения Европейской конвенции это грубейшее нарушение статьи 6. Во время судебного разбирательства (это было и в первом процессе, и, мы подозреваем, во втором процессе) Генеральная прокуратура ведет параллельное расследование. По поводу параллельного расследования, как говорится, смотрите жалобу №2 от имени Михаила Ходорковского и Платона Лебедева и все, что считает по этому поводу Европейский Суд. То есть налицо весь комплекс того, что Европейский Суд (для меня пока в единственном деле) назовет недобросовестным или несправедливым обращением с доказательствами. Если это соединить со всеми теми нарушениями, которые филигранно подобрала моя коллега адвокат Терехова, и она еще оговорила, что это далеко не полный перечень нарушений (пока я говорю о прокуратуре), то можно сказать, что в этом деле мы вправе также говорить о недобросовестном обращении с доказательствами. Итак, обвинение постоянно скрывает все от тех, кого обвиняет, и вдруг в какой-то момент все это вываливает. Другого слова я просто не могу подобрать, потому что за несколько дней проходит так называемое расследование, и очередное дело направляется в суд. И вот тут самый главный вопрос. А как суд реагирует на такие комплексные грубые нарушения прав и гарантий, существующих для обвиняемых не только в Европейской конвенции (уж ладно), и в национальном законодательстве? Никак. И все ходатайства защиты, обращающие внимание суда на эти нарушения, остаются без реагирования, они просто игнорируются. А мы знаем, что и сегодня ни на минуту не прекращается расследование, а по сути – фабрикация того «резинового» дела, из которого до сих пор, как из табакерки, выныривают все новые и новые обвинения. Суду это было убедительно продемонстрировано, но никаких мер в связи с этим суд не принял. Возьмем даже такой факт (это тоже к реакции суда): обвинение упорно не отвечало на конкретные вопросы по сути предъявленных обвинений. Суд ни разу не пресек этого нарушения и не обязал обвинение. Ну, как суд может обвинение обязать? Если Вы никак не обосновали, если Вы никак не расшифровали свое загадочное обвинение (а противоречия в этом обвинении наши подзащитные неоднократно и, по-моему, очень убедительно продемонстрировали), так нет обвинения, да? Со всеми вытекающими отсюда последствиями. В итоге наши подзащитные были вынуждены защищаться от всех возможных версий обвинения, столь лукаво разлитых по всему семитомному обвинительному заключению. А теперь суд, по-видимому, сможет выбрать максимально правдоподобную, минимально опасную и удобную версию этого обвинения, всего: и предмета, и способа так называемого хищения, и всего остального. Конечно, это все не внушает оптимизма. Может быть, только одно очень серьезное нарушение, допущенное судом, вызывает у нас сдержанный оптимизм, но об этом и подробнее, и чуть позже. А сейчас, для выполнения своей роли использования, исчерпания средств внутригосударственной правовой защиты на будущее я хочу перечислить, но теперь уже только ограничится перечислением, других очень существенных нарушений, допущенных по этому делу. Я на них подробно не останавливаюсь только по той причине, что моими коллегами они уже довольно подробно проанализированы. Это политическая мотивированность преследования наших подзащитных, то есть применение ограничений прав человека, которые можно на самом деле применять, но только в легитимных целях, а в данном случае – в нелегитимных целях. Это нарушение было подробно аргументировано моим коллегой адвокатом

Шмидтом. Мне следует только добавить, что довольно ясно образуется состав нарушения статьи 18 Европейской конвенции, и что этот абсолютно новый состав нарушения (статья 18) появился в практике Европейского Суда только с тех пор, как Россия стала членом Совета Европы, а именно по делу «Гусинский против России». Далее. Нарушение презумпции невиновности, когда высшие представители государства позволяют себе категорические высказывания о виновности человека до определения этого судебным приговором. Международные судебные органы, начиная с российского дела «Гридин против России», а впоследствии и по многим другим делам и КПЧ ООН, и Европейского Суда, подчеркивали, что должностные лица, особенно высшие должностные лица государства, обязаны воздерживаться от подобных действий. Об этом нарушении статьи 6, параграфа 2 также говорил Юрий Маркович Шмидт. Далее. Недопустимость осуждения дважды за одно, о чем сегодня подробно говорил адвокат Мирошниченко, образует состав нарушения статьи 4 протокола 7 Европейской конвенции. Далее необычное нарушение, придется несколько слов об этом сказать. Привлечение лица к уголовной ответственности без признаков состава преступления, то есть ситуация, в которой в отсутствие *corpus delicti* власти искусственно криминализуют некриминальные действия. Это все то, что обосновывали мои коллеги и, наверное, прежде всего Михаил Борисович Ходорковский в своем очень ярком выступлении. Статья 7 Европейской конвенции предусматривает недопустимость осуждения лица за деяние, которое не являлось преступлением в момент его совершения. Да, в Советском Союзе частная предпринимательская деятельность признавалась составом преступления, и для советского права сами элементы рынка, извлечение прибыли, постыднейшая погоня за еще большей прибылью – это одно уже было признаком преступного поведения. Ну что ж, если прокуроры так засиделись в этом тоталитарном праве, то ответ только один: нарушение статьи 7 Европейской конвенции, которое еще не произошло, Ваша честь, но на которое они Вас толкают. Не могу не упомянуть отсутствие подлинной состязательности процесса, как грубое нарушение статьи 6 Конвенции. Это нарушение было уже затронуто (и вообще нарушение статьи 6) и в выступлениях моих коллег, и прежде всего в выступлении моей коллеги Елены Львовны Липцер. А я Вам предложу такой, может быть, не совсем неожиданный вопрос по предмету состязательности. Когда прокурор читает текст своего обвинительного выступления скороговоркой, это как насчет состязательности? То есть тут прокуроры состязались только в скорости произнесения количества слов в единицу времени. Они небесталанны, я с некоторыми из них хоть встречалась в других процессах, я помню господина Шохина, убедительно жгущего глаголом. А тут они просто откровенно спешили, и весь зал не понимал, что происходит, люди переглядывались. А я Вам скажу: проблема в том (это проблема суда), что наши уважаемые прокуроры никого ни в чем не пытались убеждать, это им почему-то не нужно. Успеть только прочитать и побыстрее. Я не представляю себе, чтобы в какой-нибудь отсталой Норвегии или в какой-нибудь, не дай Бог, Германии прокуроры вот так убеждали бы суд. А им не надо ни в чем тут никого убеждать, только можно было соблюдать приличия, а они, с моей точки зрения, проявили явное неуважение к суду. Но вернемся к той загадке, которую я оставила несколько минут тому назад, к тому нарушению, которое все-таки внушает подобие оптимизма. Я буду говорить, Ваша честь, именно о том, что Вы проигнорировали важнейшие обстоятельства, требующие немедленного прекращения дела, и не услышали заявления защиты о том, что дело надо слушанием прекратить, так как уголовное дело о хищении с последующим отмыванием доходов, организованное против Ходорковского и Лебедева в ясных нам целях, лишено какого бы то ни было правового содержания и смысла. Оппоненты могут мне возразить: «Суд должен рассматривать дело и не выносить преждевременных суждений. Какое принесли судье обвинение, такое он и будет рассматривать». Но так ли это? О нет, это совсем не так. Российский закон совсем не говорит о том, что все, что вывалили на судейский стол, должно месяцами и годами послушно рассматриваться судом. Не все и не всякие измышления прокуратуры, а только обоснованные обвинения,

то есть основанные хотя бы на чем-то правдоподобном. И в любую минуту, когда судье стала известна беспочвенность обвинений, он должен это, извините, шоу прекратить. Эти обвинения, выдвинутые против наших подзащитных, в той или иной степени основываются на том, что они, то есть не компания «ЮКОС», уважаемая во всем мире, а грозная преступная группа под названием «ЮКОС», неправомерно завладели и распорядились чужим, не «юкосовским» имуществом. Так вот как только стало доподлинно известно, Ваша честь, что полномочные представители российского государства в Европейском Суде признали именно «ЮКОС» собственником всех активов этой вертикально-интегрированной компании, защита выступила с заявлением о прекращении дела против наших подзащитных и остановке процесса. Как только мы нашли документы, их копии с подлинных мы принесли в суд и поделились нашим знанием с судом. Это была копия меморандума Правительства Российской Федерации, поддержанного представителями Российской Федерации на самом высоком уровне в публичном слушании 04 марта этого года в Европейском Суде, где правовая позиция, заявленная от имени Российской Федерации, в окончательном виде изложена таким образом, что именно «ЮКОС» являлся собственником нефти и нефтепродуктов. Господа, расскажите мне, пожалуйста, чем мы занимаемся здесь столько месяцев? Вы уже знаете, Ваша честь, что у моего подзащитного есть целая коллекция из более чем 60 решений российских судов, где обозначена та же самая позиция. То есть в отношении этих решений, может быть, следовало бы говорить о преюдиции все-таки? Я вообще хочу отметить, что обвинение с преюдицией как-то решает вопрос очень скользко. У решения Мещанского суда или, скажем, Симоновского суда – вот у них есть преюдиция, а вот у 60 с лишком решений различных, в том числе, арбитражных судов преюдиции не существует, потому что обвинению так невыгодно. А суду как выгодно? И вообще, суд будет по выгоде или по закону? Вот это мне интересно. Меня мало что интригует в предстоящем решении суда, но вот этот вопрос вызывает у меня жгучий профессиональный интерес: как обойдется суд с этим? И потом 60 решений – это, конечно, впечатляет, но в своей стране, в нашей, всегда, в общем, всегда своя рука владыка, могут отменить или изменить любое судебное решение любых судов. Иное дело, когда во все это художество оказался вовлеченным Европейский Суд, и тут стоп-кадр: на сцену вышел непослушный игрок, на его место выступает независимо действующее лицо. Так что ж делать? Что делать с этим, извините меня, но я имею право так сказать, мошенничеством на международном уровне? И уже завтра (может, не завтра как раз, а послезавтра), как раз после Вашего приговора, уже станет ясно наличие этого неустранимого и логического, и, самое главное, сущностного противоречия. Дословно позиция российского правительства в Европейском Суде звучит так, позволю себе процитировать по тексту меморандума, поддержанного в суде представителем России Георгием Матюшкиным. П.129 меморандума российского Правительства на вопросы Европейского Суда: «при этом собственником нефти и нефтепродуктов являлось ОАО «НК «ЮКОС»». Это чтобы доказать, что компания должна была платить налоги в большем размере, чем она заплатила. Очень спорный довод, но мы сейчас не об этом. П.141 меморандума российского Правительства на вопросы Европейского Суда: «Таким образом, у ОАО «НК «ЮКОС», являющегося собственником нефти и нефтепродуктов, при их реализации возникла обязанность по уплате НДС (налога на прибыль), а также налога на имущество». Коль скоро Россия, как субъект права, признает, что фактическим, (я не буду еще раз аргументировать это), значит, и законным собственником всех активов является компания «ЮКОС», то обвинение Ходорковского и Лебедева в хищении и последующей легализации нефти у каких бы то ни было дочерних предприятий, входящих в ее состав, не только лишено правового смысла, не только противоречит правовой логике, но и делает производство по этому делу бессмысленным, юридически невозможным. Защита подчеркивает, что государство в упомянутом деле говорит о компании «ЮКОС» как о фактическом и законном собственнике всех активов, включая

добытую нефть, о таком собственнике, который обязан к уплате налогов. Вы это слышали. Кроме того, Российская Федерация считает, что изъятые в погашение налоговых претензий имущество, приобретенное на средства, вырученные от реализации нефти, получено «ЮКОСом» на законных основаниях, и поэтому подлежит реализации в погашение налоговых претензий. Такое толкование дано по вопросу о праве собственности. Как бы к этому не относиться, оно является официальной позицией Российской Федерации, заявленной в суде, решения которого, Ваша честь, нравится нам это или не нравится, являются обязательными для России, для Франции, для Португалии и для любой страны, входящей в Совет Европы, и никто, включая Прокуратуру Российской Федерации и Вас, наш уважаемый суд, этого игнорировать не вправе. Итак, что же предлагают Вам прокуроры? А вот что. Ваша честь, признание Вами именем Российской Федерации доказанным того факта, что нефть была похищена у производителей до ее реализации первому покупателю, и, следовательно, у нее не было легального собственника в лице «ЮКОСа», неизбежно означает, что «ЮКОС» не должен был платить налоги с доходов от реализации этой нефти и не мог их платить, но, тем не менее, подвергся процедуре банкротства. Это к вопросу о законности банкротства компании «ЮКОС». Это, в свою очередь, означает, что прежняя позиция Российской Федерации по «ЮКОСу», «честно» и «искренне» (я говорю, конечно, в кавычках) отстаиваемая ею, в том числе, и в Европейском Суде по правам человека, о том, что «ЮКОС» являлся собственником нефти, получал прибыль от ее реализации и должен был уплатить с нее налоги, но не полностью уплатил их и был обанкрочен по этой причине, состоит в неразрешимом противоречии с новой позицией и этим, кстати говоря, уголовным делом, и этим обвинением против Ходорковского и Лебедева. Такая взаимоисключающая позиция Российской Федерации может стать (и, по-видимому, станет) определяющим фактором для рассмотрения Европейским Судом жалобы компании «ЮКОС» к Российской Федерации. Получается, что названный мной уполномоченный в ранге заместителя Министра юстиции, он что, скрывал от Европейского Суда нынешнюю позицию Генеральной прокуратуры? Вот Вам и репутация официальных лиц России. Сегодня все ждут решения Европейского Суда, постоянного меня спрашивают об этом. А я вот его не жду. Я полагаю, что, наоборот, Европейский Суд ожидает, может ли докатиться российское правосудие до абсурда, вынося такие приговоры именем Российской Федерации, к вынесению которых Вас призывают уважаемые оппоненты, уполномоченные прокуроры Генеральной прокуратуры Российской Федерации. На что остается надеяться, Европейский Суд, который активно работает сейчас над созданием решения по делу «ЮКОСа», он должен до вынесения своего решения узнать, что же все-таки признано по вопросу о собственности. Активы украли или это собственность наших подзащитных? Если украли, как говорят прокуроры, то я позволю себе предположить, что Европейский Суд не допустит, чтобы из них сделали марионеток или клоунов, которым рассказывают о недоплаченных налогах и правомерном банкротстве «ЮКОСа» со ссылкой на то, что «ЮКОС», де, собственник всех активов, в том числе добывающих «дочек», о которых мы так много здесь говорили, вернее, прокуроры, и мы вслед за ними. Может быть, прокуроры надеются, что в Европейском Суде никто не додумается, что все это глумление над европейским правосудием? Но они (прокуроры) в этом процессе сторона: высказал свое мнение и ушел домой. Вот так же, как и мы – сейчас поговорим и пойдем по домам. А Вам, Ваша честь, приговор выносить, и это Ваш, только Ваш приговор. И именно Ваш приговор позволит в деле Европейского Суда по «ЮКОСу», и, кстати говоря, не только Европейского Суда, но и во всех юрисдикциях (мы не забудем Гаагу, мы не забудем все другое, что рассматривают сейчас) сказать, что вообще не было никаких законных оснований требовать доплаты налогов с «ЮКОСа», значит, с учетом этого не было законных оснований банкротить его, а это, в свою очередь, уже означает гарантированную потерю для России многих миллиардов. И все это хотят свалить на Вас, вполне такого мирного и симпатичного судью по фамилии Данилкин, Председателя

Хамовнического суда, которому почему-то прислали это дело. И нести ответственность за это будет не Каримов, создававший это все. Кто он такой для Европейского Суда или для Гааги? Никто. Не на Гриня и иже с ними, а на судью, который будет выносить решение это единолично. Ни с кем не поделишься ответственностью. Таким образом, Ваша честь, Вам предлагают вынести приговор, которым Вы должны зачеркнуть Вашу профессию, Ваш имидж, Вашу честь. Вам предлагают признать двух собственников преступниками, укравшими эту собственность у самих себя. Вам предлагают принять участие в клоунаде, затеянной Генеральной прокуратурой, под названием «правая рука не знает, что делает левая» и либо по неведению, либо по недопониманию сыграть в эту игру, которую ведут российские власти, которую по-другому, как игра в наперстки, не назовешь, нельзя. Мы говорим об имидже Российской Федерации. Нас иногда обвиняют в том, что мы его как бы подрываем. А я считаю, что подрывают его те, кто выставляют Россию в таком свете. Сначала они выбирают Вас произвольно, вопреки нормам закона, в качестве судьи по этому делу, а потом все дальше и дальше затягивают Вас в эту профессиональную трясиину. А следующим фактом Вашей биографии по их сценарию должно быть стать вынесение обвинительного приговора, осуждающего наших подзащитных за совершение хищения. В общем, переживать-то нечего, вот у нас есть brave прокуроры. Например, прокурор Лахтин возьмет за все это на себя ответственность? Даже если захочет взять, все равно несет ответственность не он. Заявляя, Ваша честь, Вам в самом начале процесса отвод, я, к сожалению великому своему, вынуждена сейчас сказать, что я, как стояла на тех позициях, так и остаюсь на них. И защите-то в конце выступления, как все мои коллеги делают, вроде бы как приличествует о чем-то попросить: о гуманизме, о справедливости, о правосудии. Надежда умирает последней, я буду все равно надеяться на это, но я считаю, что мне неуместно об этом просить, потому что когда я сегодня, вчера вечером, ночью собрала все эти нарушения, увидела их все в своей совокупности, я вижу, в общем, к чему идет этот процесс. Я, конечно, не берусь предугадывать Ваши, Ваша честь, личные убеждения по этому делу, но зная, как все это создавалось, ни в первом процессе я об этом не просила, и во втором не обращаюсь с этой просьбой. И публику тут уже не в чем убеждать, они уже все давно поняли. Те, кто хотел понять, разобрался, а кто не смог, то уж, наверное, не поймет. Но разобрался, Ваша честь, народ в этом деле, и я не могу этого не сказать, благодаря Вам, потому что это Вы развели тут такую демократию, что всем дали говорить и возражения заявлять, и отводы, и не прерывали никого почти что, если только сказать: «Помедленнее, потому что наш секретарь не все успевает записать». И еще у этого процесса есть одно несомненное достоинство: он был действительно открытым, публичным. И хотя зал, конечно, не вмещал всех желающих, но все-таки суд сделал многое для того, чтобы наш народ, все, кто интересуются (а интересуются, правда, очень многие), сделали свои собственные выводы. Сами, сами сделали свои выводы. И уж чего я совсем боюсь, Ваша честь, это гуманизма такого неправильно понимаемого. Потому что любой обвинительный приговор, любой, предельно жестокий или предельно мягкий, я его гуманным назову только в кавычках, потому что невиновных людей осудить к любому мягкому наказанию – это отнюдь не гуманизм. Он, этот любой обвинительный приговор, будет демонстрировать абсолютно убийственный вывод: для российских судов, чтобы вынести приговор, при определенных обстоятельствах не нужно ничего: ни доказательств, ни даже события преступления. Есть и другой крайне негативный аспект. Общий консенсус заключается (вообще, в обществе) в том, что власти пойдут на все, чтобы не освободить наших подзащитных. И при этом, если власть заговорила о гуманизме и гуманизации, при том, что ни на минуту не прекращается расследование, так называемое расследование, а я считаю: фабрикация новых и новых дел, и неслучайно не вызванные в судебное заседание свидетели ездят по городам и весям, странам и континентам, обвиняя моего подзащитного в неких кровавых деяниях, все это делается неслучайно. Этот, с позволения сказать, гуманный приговор, если он будет вынесен, и если он будет обвинительный, он будет совсем не гуманный,

потому что за какие-нибудь 2, 3, 4 года международная общественность успокоится, все прольют слезу умиления, а за это время (я знаю, что было в прошлый раз) против моего подзащитного создадут еще третье, пятое и двадцатое ровно такое дело, какое потребуется. С расчетом на то, что этот обман станет известен через несколько лет, когда, как надеются власти, про Ходорковского все забудут. Но этого не произойдет, потому что с нами в этом процессе народ. И спасибо Вам, Ваша честь, что этот народ был с нами. Спасибо за внимание.

Защитник Клювгант В.В.: Ваша честь, мы просим объявить перерыв до 10 часов завтрашнего дня.

Подсудимый Ходорковский М.Б.: поддерживаю.

Подсудимый Лебедев П.Л.: поддерживаю.

Защитник Москаленко К.А.: поддерживаю.

Защитник Терехова Н.Ю.: поддерживаю.

Защитник Шмидт Ю.М.: поддерживаю.

Защитник Липцер Е.Л.: поддерживаю.

Защитник Ривкин К.Е.: поддерживаю.

Государственный обвинитель Шохин Д.Э.: не возражаю.

Государственный обвинитель Лахтин В.А.: не возражаю.

Государственный обвинитель Ибрагимова Г.Б.: не возражаю.

Государственный обвинитель Смирнов В.Н.: не возражаю.

Суд,

Постановил:

Ходатайство защитника Клювганта В.В. удовлетворить, судебное заседание отложить на 29 октября 2010 года в 10 часов 30 минут.

Повторить вызов в суд участников процесса.

Судебное заседание закрыто в 17 часов 55 минут.

Судья

Секретарь

В.Н. Данилкин

О.И. Мышелова